НОВАЯ НАУКА
Международный центр
научного партнерства

NEW SCIENCE
International Center
for Scientific Partnership

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ НОВОЙ НАУКИ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Сборник статей VIII Международной
научно-практической конференции,
состоявшейся 25 декабря 2025 г.
в г. Петрозаводске

г. Петрозаводск
Российская Федерация
МЦНП «НОВАЯ НАУКА»
2025

УДК 001.12
ББК 70
Н76

Ответственные редакторы:
Ивановская И.И., Кузьмина Л.А.

Н76 Новые вызовы новой науки: опыт теоретического и эмпирического анализа : сборник статей VIII Международной научно-практической конференции (25 декабря 2025 г.). — Петрозаводск : МЦНП «НОВАЯ НАУКА», 2025. — 209 с. : ил., табл.

ISBN 978-5-00215-963-5

Настоящий сборник составлен по материалам VIII Международной научно-практической конференции НОВЫЕ ВЫЗОВЫ НОВОЙ НАУКИ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА, состоявшейся 25 декабря 2025 года в г. Петрозаводске (Россия). В сборнике рассматривается круг актуальных вопросов, стоящих перед современными исследователями. Целями проведения конференции являлись обсуждение практических вопросов современной науки, развитие методов и средств получения научных данных, обсуждение результатов исследований, полученных специалистами в охватываемых областях, обмен опытом. Сборник может быть полезен научным работникам, преподавателям, слушателям вузов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Авторы публикуемых статей несут ответственность за содержание своих работ, точность цитат, легитимность использования иллюстраций, приведенных цифр, фактов, названий, персональных данных и иной информации, а также за соблюдение законодательства Российской Федерации и сам факт публикации.

Полные тексты статей в открытом доступе размещены в Научной электронной библиотеке Elibrary.ru в соответствии с Договором № 467-03/2018К от 19.03.2018 г.

УДК 001.12
ББК 70

ISBN 978-5-00215-963-5

© Коллектив авторов, текст, иллюстрации, 2025
© МЦНП «НОВАЯ НАУКА» (ИП Ивановская И.И.), оформление, 2025

Состав редакционной коллегии и организационного комитета:

Аймурзина Б.Т., доктор экономических наук
Ахмедова Н.Р., доктор искусствоведения
Битокова С.Х., доктор филологических наук
Блинкова Л.П., доктор биологических наук
Гапоненко И.О., доктор филологических наук
Героева Л.М., доктор педагогических наук
Добжанская О.Э., доктор искусствоведения
Доровских Г.Н., доктор медицинских наук
Дорохова Н.И., кандидат филологических наук
Ергалиева Р.А., доктор искусствоведения
Ершова Л.В., доктор педагогических наук
Зайцева С.А., доктор педагогических наук
Зверева Т.В., доктор филологических наук
Казакова А.Ю., доктор социологических наук
Кобозева И.С., доктор педагогических наук
Кулеш А.И., доктор филологических наук
Мантатова Н.В., доктор ветеринарных наук
Мокшин Г.Н., доктор исторических наук
Муратова Е.Ю., доктор филологических наук
Никонов М.В., доктор сельскохозяйственных наук
Панков Д.А., доктор экономических наук
Петров О.Ю., доктор сельскохозяйственных наук
Поснова М.В., кандидат философских наук
Рыбаков Н.С., доктор философских наук
Сансызбаева Г.А., кандидат экономических наук
Симонова С.А., доктор философских наук
Ханиева И.М., доктор сельскохозяйственных наук
Хугаева Р.Г., кандидат юридических наук
Червинец Ю.В., доктор медицинских наук
Чистякова О.В., доктор экономических наук
Чумичева Р.М., доктор педагогических наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 7

СТРУКТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ И НЕЛИНЕЙНАЯ ДИНАМИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ МЕДИАТИЗАЦИИ 8
Шаповалов Алексей Викторович, Гапич Александр Эрикович, Литвинова Екатерина Юрьевна, Шаповалова Екатерина Андреевна

МОЛОДЕЖНАЯ ЗАНЯТОСТЬ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: МЕЖДУ ФОРМАЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ И НЕФОРМАЛЬНЫМИ ПРАКТИКАМИ 16
Апажева Светлана Султановна, Захохова Мадина Руслановна, Нальчикова Елена Аниуаровна

ОДИНОЧНОЕ РОДИТЕЛЬСТВО: СОЦИАЛЬНЫЕ СТИГМЫ И СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ 32
Боев Вячеслав Игоревич

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПОКОЛЕНИЯ Z: МЕЖДУ ИНДИВИДУАЛИЗМОМ И СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ 37
Иванова Ирина Андреевна

ТРУДОВАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЁЖИ: РАЗРЫВ МЕЖДУ ОЖИДАНИЯМИ И РЕАЛЬНОСТЬЮ НА РЫНКЕ ТРУДА 41
Чистяков Матвей Сергеевич

СЕКЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ 45

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРИМЕНЕНИЮ МОДЕЛИ ТРЕХ ФИЛЬТРОВ ПРИ ВЫВОДЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ПРОДУКЦИИ НА ЗАРУБЕЖНЫЙ РЫНОК В СЕГМЕНТЕ B-TO-B 46
Седова Ольга Валерьевна

РОЛЬ МАРКЕТИНГА И PR В ПОВЫШЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОМПАНИИ 53
Александрова Наталья Александровна, Лукащук Екатерина Романовна

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ 58
Плетенская Анастасия Викторовна

УТОЧНЕНИЕ СУЩНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК И СТРУКТУРНОГО СОДЕРЖАНИЯ КАТЕГОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА 63
Зувайдуллоев Салохиддин Азизуллоевич

НЕЙРОЭКОНОМИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ 71
Мельник Татьяна Евгеньевна

ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ МСП В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ 77
Смелов Александр Юрьевич

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 88

ВЕДУЩИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОЦЕССОВ ДВИЖЕНИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ 89
Перцева Ольга Александровна

МЕТАФОРА В КОГНИТИВНОМ И ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕСЕН) 94
Буланкина Юлия Романовна

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СКАЗУЕМОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 102
Зоря Анна Сергеевна

«ОЗЕРО ДАННЫХ» КАК МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ: ТЕРМИН ИЛИ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ 109
Дузенов Нурдаулет

СЕКЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ 116

СИСТЕМА МОТИВАЦИИ И СТИМУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В ОРГАНАХ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ 117
Лебеденко Алексей Владимирович, Ермаков Сергей Владимирович

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОДВИЖЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ 122
Набиева Ирина Алексеевна, Соболевская Ольга Владимировна

СИСТЕМНО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ 127
Маковская Полина Николаевна

СЕКЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 133

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (РКИ) СТУДЕНТАМ МЕДИЦИНСКОГО ПРОФИЛЯ: РАБОТА С ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИЕЙ 134
Биджиева Халимат Магомет-Алиевна, Балаева Аминат Биляловна

РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ СЮЖЕТНО-РОЛЕВЫЕ ИГРЫ ПО ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ У ДЕТЕЙ В ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ К ШКОЛЕ ГРУППЕ 140
Кузнецова Надежда Михайловна

СЕКЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 144

РОЛЬ ПСИХОЛОГА В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ И РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ 145
Качкина Лилия Сергеевна, Чуруксаева Ольга Алексеевна

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ПОСЛЕ ИНФАРКТА МИОКАРДА 150
Бокарева Иветта Ивановна

СЕКЦИЯ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ 156

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ 157
Корчажкина Ольга Максимовна

ПРИМЕНЕНИЕ ВЕКТОРНОЙ ГРАФИКИ ДЛЯ АВТОМАТИЗАЦИИ ОБРАБОТКИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ГИДРОДИНАМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 168
Пахненко Василий Петрович

СЕКЦИЯ ИНФОРМАТИКА 175

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АВТОМОБИЛЬНЫХ РАДАРАХ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 176
Гайнуллин Максим Сергеевич

СЕКЦИЯ БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 181

РЕЖИМ СУТОЧНОЙ АКТИВНОСТИ В СИСТЕМЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПОДРОСТКОВ О ЗДОРОВОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ 182
Тимофеева Ариадна Ростиславовна, Леоненкова Виктория Сергеевна

СЕКЦИЯ ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ 189

РАПСОДИЯ Г.Я. ОРЕ: ПОСВЯЩЕНИЕ ФЕРЕНЦУ ЛИСТУ 190
Лян Цзээнь

СЕКЦИЯ АРХИТЕКТУРА 197

ОТ СТАРИННЫХ ДО СОВРЕМЕННЫХ: ИСТОРИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ СТАНЦИЙ ГОРОДОВ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ 198
Карасова Ирина Юрьевна, Олифиренко Виктория Викторовна

СЕКЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СТРУКТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ И НЕЛИНЕЙНАЯ ДИНАМИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ МЕДИАТИЗАЦИИ

Шаповалов Алексей Викторович
к.социол.н., доцент кафедры
социологии и социальных инноваций
Гапич Александр Эрикович
к.социол.н., доцент кафедры
социологии и социальных инноваций
Литвинова Екатерина Юрьевна
к.п.н., доцент кафедры
социологии и социальных инноваций
Шаповалова Екатерина Андреевна
аспирант кафедры
социологии и социальных инноваций
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Аннотация: В статье, выполненной в рамках реализации государственного задания FSRN-2025-0010 «Маркирование и классификация политических ориентиров молодежи Северного Кавказа в социальных медиа» при поддержке Минобрнауки России, представлена комплексная модель трансформации политических предпочтений молодежи Северного Кавказа, основанная на синтезе методологии социального сетевого анализа (SNA) и агентно-ориентированного моделирования (ABM). На эмпирической базе данных платформы VK (N=86412 узлов) реконструирована многослойная архитектура цифровой среды, включающая уровни пользовательских взаимодействий, совместной экспозиции и институциональной адресности. Выявлено, что трансформация предпочтений участников сетевых структур детерминирована не столько внешними событийными импульсами, сколько топологией сетевых связей, создающей структурные фильтры для диффузии смыслов. Доказано, что институциональная адресность выступает «слабым местом» политизации, а параметры субъективной безопасности и институционального отклика

являются критическими медиаторами, определяющими вероятность радикализации или нормативной стабилизации в условиях геополитических вызовов.

Ключевые слова: политические предпочтения, молодежь Северного Кавказа, социальные медиа, социальный сетевой анализ, агентно-ориентированное моделирование, институциональная адресность, цифровая социализация, сетевая топология.

STRUCTURAL DETERMINANTS AND NONLINEAR DYNAMICS OF TRANSFORMATION OF POLITICAL PREFERENCES OF YOUTH IN THE NORTH CAUCASUS IN THE CONTEXT OF DIGITAL MEDIATIZATION

Shapovalov Alexey Viktorovich
Gapich Alexander Erikovich
Litvinova Ekaterina Yuryevna
Shapovalova Ekaterina Andreevna

Abstract: The article, carried out within the framework of the state assignment FSRN-2025-0010 «Labeling and classification of political guidelines of the North Caucasus youth in social media» with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, presents a comprehensive model of the transformation of political preferences among the youth of the North Caucasus. The study is based on a synthesis of Social Network Analysis (SNA) methodology and Agent-Based Modeling (ABM). Using an empirical database from the VK platform (N=86,412 nodes), a multi-layer architecture of the digital environment was reconstructed, including levels of user interactions, joint exposure, and institutional addressing. It was revealed that the transformation of the preferences of network structure participants is determined not so much by external event impulses as by the topology of network ties, which creates structural filters for the diffusion of meanings. It is proven that institutional addressing acts as a "bottleneck" of politicization, while the parameters of subjective safety and institutional response are critical mediators determining the probability of radicalization or normative stabilization in the context of geopolitical challenges.

Key words: political preferences, North Caucasus youth, social media, Social Network Analysis (SNA), Agent-Based Modeling (ABM), institutional addressing, digital socialization, network topology.

Фундаментальная теоретико-методологическая архитектура исследования базируется на классическом ядре социального сетевого анализа, который предоставляет необходимый эпистемологический аппарат для описания того, каким именно образом социальная структура трансформируется в канал и одновременно фильтр политической социализации. В данной оптике сеть интерпретируется как наблюдаемая система отношений, а ее ключевые топологические параметры, включающие плотность, различные меры центральности, модулярность, связность и ассортативность, рассматриваются в качестве структурных детерминант диффузии информации и закрепления идеологических установок. Опора на фундаментальные труды С. Вассермана [1] в сочетании с современными исследовательскими синтезами М. Ньюмана и А. Барабаши позволяет концептуально связать микроуровень индивидуальных взаимодействий с макроуровнем коллективных паттернов, где конфигурации связей могут, как удерживать консенсус, так и ускорять фрагментацию сообщества [2]. Прикладная операционализация данной рамки обращается к методологической традиции С. Боргатти, так как в контексте изучаемой проблематики сеть функционирует не только как граф связей между аккаунтами, но и как сложная сеть смыслов, представляющая собой совокупность устойчивых и повторяющихся ассоциаций между тематическими доменами, акторами, институциональными объектами и дискурсивными стратегиями [3].

Важнейшее теоретическое следствие применения сетевого подхода заключается в отказе от понимания трансформации политических предпочтений как линейной реакции индивида на потребляемый контент в пользу интерпретации этого процесса как результата распространения когнитивных схем внутри связных локальных окружений. В таких средах действуют механизмы гомофилии и выборочной экспозиции, однако принципиальное значение приобретают слабые связи, способные согласно классической теории М. Грановеттера переносить новизну между изолированными сегментами и объяснять феномен преодоления локальности отдельными дискурсами [4].

Интеграция нелинейного моделирования в теоретическую конструкцию выполняет функцию концептуального моста между статической сетевой структурой и наблюдаемой динамикой предпочтений, позволяя объяснять диспропорциональные эффекты и фазовые переходы. Опорными здесь выступают пороговые модели коллективного поведения, восходящие к работам М. Грановеттера и формализациям каскадов в сетях Д. Уоттса, которые демонстрируют возможность системы быть одновременно устойчивой к множественным внешним воздействиям и уязвимой для малого стимула при специфическом совпадении топологии сети и распределения индивидуальных порогов. Данное направление органично дополняется моделями динамики мнений, описывающими обновление индивидуальных позиций через усреднение сигналов окружения и формирование консенсуса либо поляризации, что методологически опирается на модель Де Гроота, теорию социального влияния, развиваемую Н. Фридкиным и Е. Джонсеном, а также нелинейные модели ограниченного доверия Хегсельманна и Краузе.

Принцип генеративного объяснения в исследовании реализуется через агентно-ориентированное моделирование, позволяющее не ограничиваться описанием корреляций, а проверять способность набора микроправил поведения воспроизводить наблюдаемые макропаттерны. В русле программы генеративной социальной науки, ассоциируемой с работами Д. Эпштейна, Р. Акселрода и Т. Шеллинга, молодежь Северного Кавказа концептуализируется как популяция гетерогенных агентов с различными параметрами восприимчивости, сетевой встроенности и доверительных радиусов. Сеть в данной модели выступает активной средой взаимодействия локальных механизмов подтверждения, санкционирования и лояльности, что позволяет учитывать эндогенность процессов, при которых структура связей перестраивается под влиянием меняющихся предпочтений агентов.

Особое место в теоретической рамке занимает концепция платформенной медиатизации, так как видимость политического дискурса в социальных медиа определяется алгоритмическими механизмами ранжирования и архитектурой платформ, которые согласно Й. ван Дейк и Т. Пуллу выступают институциональными посредниками, формирующими нормы публичности. Для анализа молодежного сегмента привлекается традиция экспериментальных исследований сетевого влияния, представленная работой Р. Бонда и соавторов, позволяющая связать технический дизайн площадок с практиками управления

впечатлениями и стратегиями избегания рисков, что особенно релевантно для регионального контекста с его спецификой субъективной безопасности высказываний.

Комбинация сетевого подхода и нелинейной динамики позволяет строго концептуализировать изменяющийся сетевой дискурс не просто как набор тем, а как систему конкурирующих интерпретационных фреймов, циркулирующих по сети и переживающих фазовые переходы от проблематизации к нормативизации. Глобальные геополитические ориентиры трактуются в этой логике через призму социального конструирования реальности и концепций мягкой силы как источники смысловых координат, через которые пользователи осмысляют будущее и угрозы. Специфика распространения угрозовых фреймов связывается с необходимостью высокого уровня социального доверия, что делает их динамику зависимой от сетевой плотности и уязвимой к нелинейным эффектам.

Отечественная исследовательская традиция интегрируется в общую рамку через два взаимодополняющих направления, первое из которых связано с сетевыми подходами в политическом управлении и анализом публичной политики в работах Л. Сморгунова [5], а второе опирается на методы анализа данных и моделирования самоорганизации сложных систем, представленные в трудах С. Малькова и других исследователей [6]. Таким образом, итоговая теоретическая рамка формирует единую объяснительную перспективу, в которой политические предпочтения рассматриваются как динамическое состояние, возникающее в результате сложного взаимодействия структурных возможностей влияния, платформенных алгоритмов, конкуренции дискурсивных рамок и адаптивного поведения акторов в условиях меняющегося социально-политического контекста.

Эмпирическая база исследования сформирована на основе реконструкции коммуникативного пространства молодежи семи субъектов Северо-Кавказского федерального округа на платформе VK. Генеральная совокупность охватывает массив публичных коммуникаций, агрегированный в итоговый сетевой граф, включающий 86 412 уникальных узлов и 412 706 ребер, верифицированных через процедуры очистки от неорганической активности. Топологический анализ выявил, что коммуникационная среда региона является разреженной (плотность 0,0108), но структурно устойчивой системой, где абсолютное большинство участников поддерживает рекуррентные контакты, формируя

плотное коммуникационное ядро. Глубокая неоднородность распределения степеней подтверждает иерархичность структуры с наличием узлов-концентраторов, выполняющих функции диспетчеров информационных потоков, при этом наблюдаемая модулярность не приводит к изоляции групп, обеспечивая высокую проницаемость среды для межгруппового переноса дискурса.

Анализ двудольной сети участия демонстрирует высокую концентрацию экспозиции, где ограниченное число крупных сообществ стягивает на себя значимую долю внимания, формируя центральный контур информационной повестки. При этом выявлено, что около 9,25% пользователей остаются структурной периферией, исключенной из процессов прямой диффузии смыслов. Критически важным результатом является установление дивергентного характера распространения контента, где каскады диффузии чаще формируются как разветвляющиеся цепочки с дефицитом точек конвергенции. Семантический анализ показывает, что наивысшую виральность демонстрируют повседневные сервисные сюжеты, тогда как жесткие политизированные рамки встречаются как редкие эпизоды, а трансформация предпочтений реализуется через последовательность переходов от сервисных поводов к нормативным обобщениям.

Особую роль в механике политизации играет реконструированная сеть институциональной адресности, которая визуализирует трансформацию дискурсивных практик в требования управленческого действия. Данная структура характеризуется высокой селективностью: при реализации 37,5% теоретически возможных связей она образует «узкое горлышко» процесса политизации. Установлено, что первичная политизация закреплена за повседневными инфраструктурно-сервисными зонами (транспорт, экология, ЖКХ), которые аккумулируют почти половину всего объема адресности, в то время как домен безопасности оказывается сравнительно менее развернутым в сторону конкретных институтов. Институциональный профиль подтверждает доминирование сервисных каналов (ЖКХ, МФЦ, образование) как основных шлюзов перевода проблем в управленческую плоскость, что свидетельствует о сервисной природе политизации молодежи макрорегиона, где взаимодействие с властью опосредовано инфраструктурными запросами.

Результаты агентно-ориентированного моделирования на восьми-недельном горизонте позволяют выделить ключевые закономерности трансформации предпочтений. Базовая динамика демонстрирует устойчивый тренд на снижение нейтральной ориентации (с 0,52 до 0,30) при одновременном росте лоялистских и протестных установок, что фиксирует фундаментальный переход от невыраженного состояния к артикулированным формам позиционирования по мере накопления сетевой экспозиции. Принципиально важно, что глобальные геополитические ориентиры, действуя как событийный импульс высокой интенсивности, не способны автономно радикально перестроить структуру предпочтений без соответствующих медиирующих условий.

Критическими переменными, модулирующими эффект внешних вызовов, выступают субъективная безопасность и институциональный отклик. В сценарии снижения субъективной безопасности наблюдается выраженное усиление дрейфа к радикальным аттракторам (рост доли до 0,09), так как угрозовые рамки в условиях закрытости легче конвертируются в жесткие нормативные запросы. Напротив, высокая институциональная откликаемость эффективно переводит перераспределение предпочтений в режим нормативной стабилизации (рост лоялистов до 0,36) и сдерживает радикализацию даже на фоне интенсивных внешних импульсов.

Проведенное исследование доказывает, что трансформация политических предпочтений молодежи Северного Кавказа является структурно детерминированным процессом, зависящим от сложной интерференции коммуникативной связности, экспозиционной концентрации и смысловой плотности. Выявленная архитектура диффузии ограничивает спонтанную конвергенцию повестки, делая систему чувствительной к активности мостовых узлов. Институциональная адресность функционирует как критическое структурное звено: именно переход от проблематизации к ответственности определяет, будет ли социальная фрустрация конвертирована в конструктивное взаимодействие или радикальный протест. Таким образом, управление рисками политизации в цифровой среде требует не столько контроля контента, сколько обеспечения институциональной достижимости и поддержания безопасного пространства коммуникации, что позволяет демпфировать эффекты глобальных геополитических вызовов.

Список литературы

1. Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis: Methods and Applications. Cambridge University Press. 1994. – 825 p.

2. Barabási A. L., Pósfai M. Network Science. Cambridge University Press. 2016.

3. Borgatti S. P., Everett M. G., Johnson J. C. Analyzing Social Networks. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2018. – 384 p.

4. Granovetter M. S. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973., Vol. 78. – No. 6. – P. 1360-1380.

5. Сморгунов Л. В. Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости // Полит. наука. 2021. – №3. – С. 13-36.

6. Мальков С. М. Применение цифровых технологий в сфере корпоративных отношений. Опыт прошлого и предпосылки будущего // Вестник магистратуры. 2023. – №2-1 (137). – С. 42-43.

© Шаповалов А.В., Гапич А.Э.,
Литвинова Е.Ю., Шаповалова Е.А., 2025

DOI 10.46916/29122025-1-978-5-00215-963-5

МОЛОДЕЖНАЯ ЗАНЯТОСТЬ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: МЕЖДУ ФОРМАЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ И НЕФОРМАЛЬНЫМИ ПРАКТИКАМИ

Апажева Светлана Султановна
к.филос.н., доцент,
доцент кафедры организации работы с молодежью
Захохова Мадина Руслановна
к.э.н., доцент,
доцент кафедры организации работы с молодежью
Нальчикова Елена Аниуаровна
к.ист.н., доцент,
заведующий кафедрой организации работы с молодежью
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова»

Аннотация: Статья посвящена анализу специфики и эффективности государственной политики занятости молодежи в Кабардино-Балкарской Республике (КБР) — регионе с традиционно высокой долей молодежи и структурными проблемами на рынке труда. Цель исследования — выявить ключевые барьеры трудоустройства и оценить действенность государственных мер через призму восприятия самой молодежи. Методологическую основу составили анализ официальной статистики (Росстат, 2017-2024 гг.) и результаты авторского социологического опроса (n=531). Эмпирические данные выявили системные проблемы: критически высокий уровень молодежной безработицы, острый дефицит доступной информации о вакансиях, доминирование неформальных практик трудоустройства («кумовство») и ключевое значение связей над квалификацией. В статье доказывается, что существующие политические меры не преодолевают глубинных структурных дисбалансов и неформальных барьеров регионального рынка труда. Результаты исследования имеют практическую ценность для органов власти КБР и других регионов СКФО со схожими социально-экономическими условиями.

Ключевые слова: молодежная занятость, рынок труда, государственная политика занятости, Кабардино-Балкарская Республика (КБР), социологическое исследование, неформальные практики, региональное развитие.

YOUTH EMPLOYMENT IN KABARDINO-BALKARIA: BETWEEN FORMAL POLITICS AND INFORMAL PRACTICES

Apazheva Svetlana Sultanovna
Zakhokhova Madina Ruslanovna
Nalchikova Elena Aniuarovna

Abstract: The article analyzes the specifics and effectiveness of the state youth-employment policy in the Kabardino-Balkarian Republic (KBR) – a region with a traditionally high share of young people and structural labour-market problems. The aim of the study is to identify key employment barriers and to assess the efficacy of public measures through the eyes of young people themselves. The methodological framework combines official statistics (Rosstat, 2017-2024) and the results of an original sociological survey (n = 531). Empirical data reveal systemic issues: critically high youth unemployment, an acute shortage of accessible vacancy information, the dominance of informal hiring practices ("cronyism"), and the decisive role of personal connections over formal qualifications. The paper argues that existing policy tools do not overcome deep structural imbalances or informal barriers in the regional labour market. The findings are of practical value for KBR authorities and for other North-Caucasian Federal District regions with similar socio-economic conditions.

Key words: youth employment, labour market, state employment policy, Kabardino-Balkarian Republic (KBR), sociological survey, informal practices, regional development.

Введение

Актуальность исследования. Современные политические и экономические трансформации в России, сопровождающиеся реструктуризацией социальной сферы, обусловливают приоритетность формирования эффективной государственной политики занятости. Данная проблема приобретает критическую значимость в регионах с преобладающей молодёжной демографической когортой, к которым относится Кабардино-Балкарская Республика (КБР).

При этом положение молодёжи на отечественном рынке труда в последние годы характеризуется устойчивой напряжённостью, имеющей тенденцию к ухудшению. Рост как официальной, так и скрытой безработицы в этой возрастной группе, увеличение продолжительности поиска работы не только усиливают социальную напряжённость, но и создают риски для долгосрочной общественной стабильности. В данном контексте, как неоднократно подчёркивал Президент России В.В. Путин [8], молодёжная политика действительно носит стратегический характер, поскольку именно от энергии, талантов и достижений нового поколения зависит будущее развитие страны.

Для КБР эти общероссийские вызовы усугубляются региональной спецификой. Высокие темпы естественного прироста формируют здесь значительный трудовой потенциал, однако одновременно создают устойчивое давление на рынок труда, актуализируя задачу масштабного создания новых рабочих мест.

Ключевым вызовом для рынка труда КБР выступает углубляющийся структурный дисбаланс. Он проявляется в противоречии между преобладающим спросом работодателей на кадры для сфер с невысокими квалификационными требованиями и увеличивающимся предложением со стороны молодых специалистов, значительная часть которых обладает дипломами о высшем образовании. Это противоречие не только консервирует высокий уровень безработицы среди дипломированной молодёжи, но и выступает ключевым драйвером её миграционного оттока в другие регионы, приводя к потере человеческого капитала [4].

Таким образом, проблема занятости молодежи является одной из наиболее значимых для современного российского общества, что объясняет ее пристальное внимание со стороны научного сообщества. Изучение данного вопроса носит междисциплинарный характер, объединяя усилия социологии и экономики труда, исследований молодежи и кадрового менеджмента [4].

Проблема занятости молодежи находит отражение в широком спектре диссертационных исследований. Региональный аспект занятости молодежи рассматривается в работе Е.А. Белова [2], специфика молодежной безработицы в России — у О.А. Гордиловой [3], а пути повышения конкурентоспособности молодежных трудовых ресурсов — у Л.П. Ермолаевой [5]. Системному анализу

и методам оценки молодежной занятости посвящены труды таких ученых, как П.А. Чукреев [12], Н.В. Обухович [7], Л.В. Резюкова [9] и Н.Н. Федотова [11].

Современное состояние научной разработки данной проблемы характеризуется следующими особенностями:

1. Разноплановостью: сложились самостоятельные исследовательские направления - экономическое, социологическое и историческое.
2. Доминированием социально-экономического подхода как к анализу проблем, так и к поиску путей их решения.
3. Разнообразием теоретико-методологических оснований изучения молодежи в целом и ее занятости в частности.
4. Отсутствием комплексного контекста в анализе молодежной занятости.
5. Недостаточным вниманием к вопросам занятости в рамках формирования и реализации молодежной политики РФ [4].

Методологическую основу исследования государственной политики содействия занятости молодежи составляют две ключевые концепции. Первой является теория государственной политики и управления Л.В. Сморгунова [10], в которой государственная политика понимается как политический процесс управленческого воздействия институтов исполнительной власти на общественные сферы. Это воздействие реализуется через применение властных полномочий при разработке и внедрении стратегий и тактик, направленных на регулирование экономики, социальной сферы и иных подсистем общества, включая процессы распределения общественных благ.

Вторая концепция — гуманистическая концепция молодежной политики И.М. Ильинского [6]. В ее рамках молодежь рассматривается как активный субъект политики, а акцент делается на развитии личности, самоорганизации и самореализации. Данная концепция трактует молодежную политику как синтез теоретических представлений о роли молодого поколения в обществе и практической деятельности государства и социальных институтов по их реализации, что в совокупности образует механизм регулирования межпоколенческих отношений в целях общественного развития.

Эмпирическую базу исследования составили: вторичный анализ статистических данных, в работе обобщена и проанализирована официальная статистическая информация, характеризующая состояние рынка труда и реализацию государственной политики в сфере занятости молодежи в Кабардино-Балкарской Республике (КБР).

Результаты собственного конкретно-социологического исследования. Для получения первичных данных и углубленного анализа проблемы авторами был проведен социологический опрос, результаты которого легли в основу исследования.

Проблема молодежной занятости в Кабардино-Балкарской Республике: структурные противоречия и пути их преодоления

Проблема занятости и конкурентоспособности молодежи на рынке труда приобретает особую остроту для многих регионов Российской Федерации, включая Кабардино-Балкарскую Республику (КБР). Ключевыми факторами, ограничивающими возможности трудоустройства выпускников и общий уровень молодежной занятости, выступают системные вызовы: несовершенство профориентации и устойчивый разрыв между качеством образования и реальными требованиями работодателей.

Эмпирическим подтверждением глубины данных проблем служит анализ статистики занятости и безработицы в Кабардино-Балкарской Республике за период 2017-2022, 2024 гг. Данные выявляют не просто конъюнктурные колебания, а устойчивые структурные дисбалансы.

Таблица 1

Состав и численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше по Кабардино-Балкарской республике, % [14]

Годы	Численность рабочей силы, тыс. человек	Из них:		Уровень участия в рабочей силе, в %	Уровень занятости в %	Уровень безработицы в %
		занятые в экономике	безработные			
Всего						
2017	437,7	392,3	45,3	63,6	57,0	10,4
2018	451,3	404,2	47,0	65,6	58,8	10,4
2019	446,4	398,6	47,7	64,8	57,9	10,7
2020	453,2	386,3	66,9	65,8	56,1	14,8
2021	451,8	399,0	52,8	65,4	57,7	11,7
2022	449,2	404,5	44,7	64,9	58,5	10,0

Данные Росстата (Таблица 1) отражают ключевые тенденции на региональном рынке труда за шестилетний период:

1. Высокий и волатильный уровень безработицы. Показатель остается структурно высоким (10–11,7%), значительно превышая среднероссийские значения. Резкий скачок до 14,8% в 2020 году наглядно демонстрирует

кризисное влияние пандемии COVID-19 на экономику республики, выразившееся в значительном росте числа безработных (до 66,9 тыс. чел.) и снижении занятости.

2. Умеренное восстановление после кризиса. К 2022 году уровень безработицы снизился до минимального за период значения (10,0%), а численность занятых достигла максимума (404,5 тыс. чел.). Это указывает на позитивную, хотя и неустойчивую, корректировку рынка.

3. Стабильная экономическая активность. Уровень участия в рабочей силе колеблется в узком диапазоне (63,6–65,8%), что говорит о относительно постоянной доле населения, предлагающего свой труд на рынке.

4. Сдерживаемый потенциал занятости. Уровень занятости (доля занятых от общего населения в возрасте 15+) остается низким (56–58,8%), подчеркивая сохраняющийся дефицит качественных рабочих мест и неполное использование трудового потенциала региона.

Проведенный анализ показывает, что рынок труда КБР характеризуется структурной слабостью и высокой чувствительностью к внешним шокам (как показал 2020 год). Несмотря на некоторое улучшение показателей к 2022 году, ключевой проблемой остается хронически высокая безработица и недостаточный уровень занятости, что требует целенаправленных мер региональной политики, особенно в сфере создания новых рабочих мест и адаптации молодежи к требованиям рынка.

Таблица 2

Распределение численности занятого населения в возрасте 15 лет и старше по возрастным группам по Кабардино-Балкарской республике, % [14]

Годы	Всего	в том числе в возрасте, лет:								Средний возраст, лет
		15-19	20-24	25-29	30-49	50-54	55-59	60-69	70 и старше	
Всего										
2017	100,0	1,7	6,5	15,5	47,1	12,0	9,3	6,5	1,4	41
2018	100,0	1,2	6,2	14,7	48,5	11,8	9,4	7,0	1,2	41
2019	100,0	0,8	5,8	14,8	50,3	11,2	9,3	6,6	1,2	41
2020	100,0	1,0	4,9	13,9	52,0	10,8	9,9	6,8	0,7	41
2021	100,0	0,6	4,9	12,7	51,9	11,2	10,4	7,4	0,9	42
2022	100,0	0,4	4,1	10,9	53,2	11,3	10,7	8,9	0,5	42

Данные таблицы 2 позволяют выявить ключевые структурные сдвиги на рынке труда КБР, среди которых наиболее выраженной и тревожной является сокращение доли молодёжи.

1. Критическое снижение занятости среди молодежи (возрастные группы 15-29 лет)

Этот тренд является центральным для понимания проблем регионального рынка труда:

– Категория 20-24 года: доля занятых неуклонно снижалась с 6,5% в 2017 г. до 4,1% в 2022 г. Это самое значительное относительное сокращение среди всех групп.

– Категория 25-29 лет: наблюдается ещё более резкое абсолютное сокращение: с 15,5% (2017 г.) до 10,9% (2022 г.).

– Категория 15-19 лет: доля минимальна и также снижается, что отражает либо увеличение продолжительности обучения, либо ранний отток.

Данная динамика вряд ли объясняется исключительно трудностями трудоустройства из-за нехватки опыта. Более вероятна совокупность факторов:

1. Миграционный отток наиболее мобильной и образованной части молодежи в другие регионы (столичные агломерации) в поисках качественного образования, карьерных возможностей и более высокого уровня жизни.

2. Структурный разрыв между предлагаемыми в республике вакансиями (их качеством, уровнем оплаты) и карьерными ожиданиями молодых специалистов.

3. Демографический фактор (сокращение численности данной возрастной когорты) может играть некоторую роль, но не объясняет столь резкого падения доли занятых.

Это ведет к эрозии трудового и инновационного потенциала региона, старению кадрового состава и углублению диспропорций на рынке труда.

2. Концентрация занятости в среднем возрасте и «старение» рабочей силы

– Доминирование группы 30-49 лет: их доля устойчиво росла с 47,1% до 53,2%, что свидетельствует о концентрации экономической активности и опыта в этой когорте. Это ядро региональной экономики.

– Рост занятости предпенсионного и пенсионного возрастов:

– Группа 55-59 лет: увеличение с 9,3% до 10,7%.

– Группа 60-69 лет: значительный рост с 6,5% до 8,9%. Этот тренд указывает на рост экономической активности старшего поколения, что может

быть связано с необходимостью дополнительного дохода, повышением пенсионного возраста и сохранением здоровья.

3. Стабильность среднего возраста и общий вывод

Несмотря на отмеченные сдвиги, средний возраст занятого населения оставался стабильным (41-42 года). Это говорит о том, что сокращение молодежной доли компенсировалось увеличением доли старших возрастных групп, что маскирует глубину структурной проблемы.

Исходя из вышеизложенного, сделаем вывод, что возрастная структура занятого населения КБР демонстрирует признаки «старения» и сужения молодежного сегмента. Полученные данные являются прямым эмпирическим подтверждением тезиса об оттоке молодых кадров и требуют разработки специальных региональных мер не просто по созданию рабочих мест, а по формированию комплексной системы привлекательных социально-экономических, карьерных и инфраструктурных условий для удержания и возвращения молодежи в республику.

Таблица 3

Квартальная оценка уровня участия в составе рабочей силы, уровня занятости и уровня безработицы молодежи в возрасте 15-24 лет по субъектам Российской Федерации за I квартал 2024 г., %* [13]

	Уровень участия в составе рабочей силы	Уровень занятости	Уровень безработицы
Северо-Кавказский федеральный округ	27,4	21,1	23,1
Республика Дагестан	26,9	17,6	34,5
Республика Ингушетия	41,9	28,0	33,3
Кабардино-Балкарская Республика	25,2	19,2	23,6
Карачаево-Черкесская Республика	32,6	28,4	12,8
Республика Северная Осетия-Алания	23,1	21,7	5,8
Чеченская Республика	26,5	22,0	16,9
Ставропольский край	25,5	22,0	13,6

*Показатели рассчитаны в соответствии с Методикой расчета квартальной оценки показателей занятости молодежи по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации, утвержденной приказом Росстата от 30 декабря 2022 г. № 997.

Таблица 4

Квартальная оценка уровня участия в составе рабочей силы, уровня занятости и уровня безработицы молодежи в возрасте 15-29 лет по субъектам Российской Федерации за I квартал 2024 г, %* [13]

	Уровень участия в составе рабочей силы	Уровень занятости	Уровень безработицы
Северо-Кавказский федеральный округ	45,5	38,1	16,2
Республика Дагестан	43,9	34,3	22,0
Республика Ингушетия	57,3	38,8	32,4
Кабардино-Балкарская Республика	45,6	38,3	16,1
Карачаево-Черкесская Республика	50,0	44,1	11,8
Республика Северная Осетия-Алания	36,3	32,7	9,8
Чеченская Республика	43,4	36,8	15,1
Ставропольский край	47,5	44,6	6,2

*Показатели рассчитаны в соответствии с Методикой расчета квартальной оценки показателей занятости молодежи по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации, утвержденной приказом Росстата от 30 декабря 2022 г. № 997.

Указанные данные подтверждают, что ситуация с занятостью молодежи в Кабардино-Балкарской Республике остается сложной, особенно в младшей возрастной группе (15-24 года), и имеет выраженную региональную специфику в рамках СКФО.

1. Критически высокий уровень безработицы среди молодежи 15-24 лет. Показатель в 23.6% более чем в 2 раза превышает средний по СКФО для группы 15-29 лет и является одним из худших в округе. Это прямо указывает на острую фазу проблемы вхождения на рынок труда выпускников школ и ссузов.

2. Сравнительная оценка в рамках СКФО. По группе 15-29 лет КБР (16.1%) близка к среднеокружному значению (16.2%), но существенно отстает от наиболее успешных субъектов (Ставропольский край — 6.2%, Северная Осетия — 9.8%). Это демонстрирует наличие внутренних резервов для улучшения через адаптацию положительного опыта соседних регионов.

3. Низкий уровень занятости. Показатель занятости молодежи 15-24 лет в КБР (19.2%) — один из самых низких в СКФО, что свидетельствует о массовом исключении молодежи из продуктивной экономической деятельности.

4. Умеренная экономическая активность. Уровень участия в рабочей силе (25.2% для 15-24 лет и 45.6% для 15-29 лет) указывает на то, что значительная часть молодежи продолжает обучение или выпала из состава рабочей силы по иным причинам.

Анализ ситуации выявляет глубинные структурные противоречия. С одной стороны, молодежь представляет собой важнейший ресурс развития, обладающий высокой мотивацией, инновационным потенциалом и способностью к адаптации. С другой — она остаётся наиболее уязвимой группой на рынке труда в силу недостатка практического опыта, востребованных компетенций и, как следствие, более низкой конкурентоспособности по сравнению со старшими возрастными когортами. Нерациональное использование этого трудового и человеческого потенциала ведет не только к росту социальных рисков, но и к прямым экономическим потерям на национальном и региональном уровнях.

Особую актуальность для КБР и аналогичных регионов приобретает проблема территориального перераспределения молодых кадров. Статистика фиксирует устойчивый отток молодежи после завершения образования в столичные агломерации и крупные города, тогда как обратный поток (в малые и средние населенные пункты) остается минимальным. Данная тенденция усугубляет региональные диспропорции, приводит к потере человеческого капитала и требует выработки адресной политики удержания и привлечения молодежи.

Таким образом, центральной задачей региональной политики становится не просто создание рабочих мест, а формирование комплексной системы, направленной на:

1. Стимулирование возвратной миграции выпускников, получивших образование за пределами региона, посредством целевых программ поддержки.

2. Повышение привлекательности региона как пространства для жизни, карьерного роста и самореализации, включая развитие социальной инфраструктуры, культурной среды и гибких форм занятости.

3. Глубокую кооперацию между органами власти, образовательными организациями и бизнес-сообществом для синхронизации запросов рынка труда с содержанием образовательных программ и механизмами профориентации.

Реализация такого комплексного подхода позволит трансформировать молодежную занятость из хронической проблемы в ключевой драйвер социально-экономического развития Кабардино-Балкарии.

Специфика и эффективность государственной политики занятости молодежи в Кабардино-Балкарской Республике: результаты социологического исследования

Развитие кабардино-балкарского общества требует формирования нового поколения — образованного, предприимчивого и социально ответственного. Изучение проблем трудоустройства выпускников КБР выступает важным индикатором эффективности региональной и федеральной политики занятости. Актуальность исследования обусловлена критической ситуацией на молодежном рынке труда КБР, характеризующейся высоким уровнем безработицы (23.6% в группе 15-24 лет по данным I кв. 2024 г.), структурным дисбалансом спроса и предложения рабочей силы, а также устойчивым миграционным оттоком молодых кадров.

Цель исследования – выявить ключевые факторы, барьеры и практики трудоустройства молодежи КБР, а также оценить эффективность существующих мер государственной поддержки с точки зрения самой целевой группы. Основу эмпирической базы исследования составили первичные данные, полученные методом анкетного социологического опроса. Выборка составила 531 респондент в возрасте от 15 до 29 лет, проживающих на территории Кабардино-Балкарской Республики. Выборка репрезентативна по ключевым социально-демографическим параметрам [1].

Ключевые результаты и анализ

1. Информационный дефицит. Большинство опрошенных (44,4%) считают информацию о вакансиях скорее недоступной, а 15,4% — совсем недоступной. Только 6% оценивают её как очень доступную [1]. Это свидетельствует о системном сбое в коммуникации между рынком труда, институтами поддержки и молодежью, сводя на нет потенциальную эффективность любых программ.

2. Структурные барьеры трудоустройства. По мнению респондентов, на возможность найти работу в первую очередь влияют:

– Образование и квалификация (53,8%) — формальный запрос на качественную подготовку.

– Наличие связей и знакомств (53,0%) — ключевая региональная специфика, указывающая на доминирование неформальных практик («кумовства») над меритократическими принципами. Это создает неравные стартовые условия и дестимулирует молодежь, не включенную в соответствующие сети.

– Недостаток опыта (48,7%) — классическая ловушка для выпускников, усугубляемая нежеланием работодателей инвестировать в адаптацию молодых кадров.

– Экономическая ситуация (41,9%) — восприятие макроэкономических рисков как непосредственной угрозы личной занятости [1].

3. Приоритетные меры поддержки (видение респондентов). Для улучшения ситуации молодежь предлагает комплекс системных изменений:

– Создание и сохранение рабочих мест (51,3%).

– Формирование эффективной структуры занятости (43,6%).

– Повышение уровня жизни через стимулирование трудовой активности (47,9%).

– Распределение выпускников по специальности (38,5%).

– Организация бесплатных курсов повышения квалификации (40,2%) [1].

Важно, что популистская мера по ограничению въезда мигрантов получила минимальную поддержку (6%), что указывает на адекватное понимание структурного, а не конкуренционного характера проблемы.

4. Ожидаемая роль государства. Респонденты видят ключевую роль государства в:

– Создании программ подготовки к трудоустройству (35,9%).

– Финансовой поддержке начинающих предпринимателей (26,5%).

– Предоставлении образовательных программ и стажировок (25,6%).

– При этом субсидии компаниям за найм молодежи считаются наименее эффективными (12%), что может говорить о недоверии к косвенным мерам и запросе на прямую поддержку самих молодых специалистов [1].

Результаты исследования выявляют глубокий разрыв между формальными целями молодежной политики и реальными практиками на рынке труда

КБР. Политика занятости, чтобы быть эффективной, должна стать адресной и учитывать специфику региона:

1. Преодоление информационного вакуума: создание централизованного, удобного и агрегирующего все вакансии и стажировки в регионе цифрового портала с активным продвижением в молодежной среде.

2. Борьба с неформальными барьерами: развитие прозрачных механизмов найма (например, открытых конкурсов на стажировки в госсекторе и госкомпаниях), программ наставничества, снижающих значение «связей».

3. Мост «образование-опыт»: масштабирование практико-ориентированного обучения, обязательных производственных практик с гарантией последующего трудоустройства лучших выпускников, развитие программ «первого рабочего места» с софинансированием государства.

4. Поддержка предпринимательской инициативы: упрощение доступа к «стартовым» грантам, льготным кредитам и образовательным программам в сфере предпринимательства для молодежи, создание действенных бизнес-инкубаторов и акселераторов, ориентированных на молодежное предпринимательство. Это предполагает предоставление не только пространства, но и экспертной, менторской, юридической поддержки, а также помощи в поиске финансирования для реализации бизнес-проектов.

5. Фокус на развитии человеческого капитала, а не на точечных субсидиях. Ключом является не просто создание рабочих мест, а формирование среды для профессиональной и социальной мобильности, что позволит не только удержать, но и привлечь обратно уехавшую молодежь [1].

Таким образом, эффективная политика в КБР должна быть нацелена на демонтаж неформальных барьеров и создание прозрачных, меритократических возможностей для профессиональной самореализации молодежи. Это станет основой для перевода молодежной занятости из категории социальной проблемы в драйвер регионального развития.

Перспективы исследования и факторы формирования политики

Дальнейшее изучение динамики молодежного рынка труда в регионах действительно требует углубленной и детализированной статистики. Однако уже на основании имеющихся данных можно выделить ключевые направления для анализа и выработки мер:

1. Структурные факторы: исследование должно фокусироваться на дисбалансе между профилем выпуска специалистов системой образования КБР

и реальной отраслевой/профессиональной структурой спроса. Необходим анализ перспективных для республики кластеров (туризм, IT, АПК, переработка) и их кадровых потребностей.

2. Новые формы занятости как возможность: цифровизация и развитие удаленной работы должны рассматриваться не как угроза, а как шанс для удержания и привлечения молодежи, позволяющий компенсировать ограниченность местного рынка. Изучение потенциала фриланса, аутсорсинга и дистанционных занятости в проектах других регионов становится критически важным.

3. Комплексный характер решений: политика должна сочетать:

– Антициклические меры: оперативная поддержка в трудоустройстве (стажировки, субсидирование занятости, ярмарки вакансий).

– Структурные меры: реформа профориентации и образования (совместные программы с бизнесом, мощная поддержка молодежного предпринимательства и самозанятости, развитие социального предпринимательства.

– Инвестиции в среду: повышение привлекательности региона через развитие инфраструктуры, жилья, досуга, культурных проектов — факторов, напрямую влияющих на миграционные настроения молодежи.

4. Институциональная эффективность: необходима оценка действенности существующих программ содействия занятости молодежи в КБР и их интеграции в общую стратегию социально-экономического развития республики. Ключевым становится налаживание реального партнерства между государством, образовательными организациями и бизнесом.

Подытожив изложенное, отметим, что современная ситуация в КБР требует перехода от констатации проблемы к разработке комплексной, адаптированной к новым вызовам стратегии, которая будет рассматривать молодежь не как проблемную группу, а как главный человеческий капитал для диверсификации и модернизации региональной экономики.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ (Договор № 38), в рамках программы «Приоритет 2030».

Список литературы

1. Аналитическая справка (отчет) по результатам социологического исследования: «Исследование факторов трудоустройства и барьеров занятости молодежи в Кабардино-Балкарской Республике» / Исполнители: Апажева С.С., Захохова М.Р., Нальчикова Е.А. Нальчик: Каб.-Балк. гос. университет, 2025. С. 54.

2. Белов Е.А. Молодежь на рынке труда: государственная политика занятости и безработица (региональный аспект). Автореф... дисс. канд. соц. наук. - Казань, 2000.

3. Гордилова О.А. Занятость молодежи: состояние и механизм регулирования. Автореф... дисс. канд. соц. наук - Белгород, 1996.

4. Джагаров Г.В. Государственная политика в сфере занятости современной российской молодежи. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Москва. 2003. 23 с.

5. Ермолаева Л.П. Пути повышения конкурентоспособности молодежных трудовых ресурсов на рынке труда в условиях трансформирующейся экономики. Автореф. дисс... канд. эк. наук. - М., 1996.

6. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. М., 2001; Ильинский И. М. Молодежь как будущее России в категориях войны // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3.

7. Обухович Н.В. Занятость молодежи в условиях системных экономических преобразований. - Дисс. ... канд. эк. н. - Тюмень, 2000.

8. Президент России Владимир Путин. Заседание Государственного совета по реализации молодежной политики от 22.12.2022 г. [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70169.

9. Резюкова Л.В. Методологические основы оценки занятости молодежи. Чебоксары, 1996.

10. Сморгунов Л. В. Государственная политика и управление. М., 2006. С. 67.

11. Федотова Н.Н. Социально-профессиональный статус поствузовской молодежи на рынке труда. - Автореф. дисс. ... канд. соц. н. - Саратов, 2000.

12. Чукреев П.А. Молодежь на рынке труда депрессивного региона. - Улан-Удэ: изд-во БНЦ, 1998; Чукреев П.А. Социальные технологии регулирования занятости молодежи // РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии. - Улан-Удэ, 2000.

13. Интернет-ресурс: URL: https://medsoc.adm-nao.ru/media/uploads/userfiles/2024/06/17/Уровень_бзработицы.pdf?ysclid=mjh3kbajl3583068695(дата обращения: 18.09.2025).

14. Статистический ежегодник Кабардино-Балкарская Республика Статистический сборник. Нальчик. 2022. 198 с. URL: https://26.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ%20РЕСПУБЛИКА,%202022.pdf.

© Апажева С.С., Захохова М.Р.,
Нальчикова Е.А.

ОДИНОЧНОЕ РОДИТЕЛЬСТВО: СОЦИАЛЬНЫЕ СТИГМЫ И СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ

Боев Вячеслав Игоревич
студент
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный
университет имени И.А. Бунина»

Аннотация: Статья посвящена исследованию феномена одиночного родительства в современном обществе, с акцентом на социальные стигмы и стратегии выживания. Рассматриваются причины роста числа семей с одним родителем, виды социального давления и предрассудков, с которыми сталкиваются матери и отцы-одиночки, а также последствия для детей. Особое внимание уделяется стратегиям адаптации и выживания, включая экономическую деятельность, социальную поддержку и развитие психологической устойчивости. На основе международных и российских исследований анализируются эффективные подходы к снижению стигматизации и укреплению благополучия одиночных родителей и их детей.

Ключевые слова: одиночное родительство, социальные стигмы, стратегии выживания, неполная семья, психосоциальная адаптация, социальная поддержка, экономическая адаптация, благополучие детей.

SINGLE PARENTING: SOCIAL STIGMAS AND SURVIVAL STRATEGIES

Boev Vyacheslav Igorevich

Abstract: The article is devoted to the study of the phenomenon of single parenthood in modern society, with an emphasis on social stigmas and survival strategies. The reasons for the growing number of single-parent families, the types of social pressure and prejudice faced by single mothers and fathers, as well as the consequences for children are considered. Special attention is paid to adaptation and survival strategies, including economic activity, social support, and the development of psychological resilience. Based on international and Russian research, effective

approaches to reducing stigmatization and strengthening the well-being of single parents and their children are analyzed.

Key words: single parenting, social stigmas, survival strategies, single-parent family, psychosocial adaptation, social support, economic adaptation, children's well-being.

Одиночное родительство – значимый социальный феномен 21 века, который характеризуется тем, что один взрослый человек берет за на себя основную ответственность за воспитание ребенка или детей. Эта форма семейной организации становится все более распространенной во многих странах мира и затрагивает экономические, психологические и социальные аспекты жизни семей. Несмотря на рост числа таких семей, одиночных родителей продолжают окружать социальные предрассудки и структурные препятствия, что требует концептуального и эмпирического анализа.

По данным социологических исследований, число семей с одним родителям значительно увеличилось за последние десятилетия. В России примерно 31% семей возглавляют одинокие матери, а в 7,3% случаев детей воспитывают одинокие отцы, с начала 2000-х доля таких семей заметно выросла [3].

Международные данные показывают, что на уровне широкой совокупности семейных типов одиночное родительство входит в пятерку наиболее распространенных семейных структур: многие семьи переживают период «одиночества» после развода, потери партнера или временного отсутствия второго родителя, что делает этот феномен важным для анализа социальной динамики семьи [5].

Стигматизация – это процесс закрепления отрицательных значений за определенным социальным статусом, который ведет к дискриминации и осуждению. Одиночное родительство часто воспринимается через призму культурных установок, где «традиционная» семья (с двумя родителями) считается нормой, а отклонение от нее может вызывать предубеждения. Такие установки наблюдаются не только в бытовом общении, но и в институтах, таких как школы, где дети из неполных семей порой сталкиваются с понижением ожиданий со стороны педагогов [1].

Одиночные матери могут сталкиваться с представлениями о неполноценной семейной среде и недостаточной компетентности в воспитании

детей. Психосоциальные обзоры показывают, что отсутствие финансовых ресурсов и социальных сетей поддержки связано с увеличением эмоционального стресса у одиночных матерей, что усугубляет их положение на уровне самооценки и социальной интеграции [2].

Исследования показывают, что дети из семей с одним родителем могут сталкиваться с дополнительными трудностями в образовательной сфере и социальной адаптации. Негативные установки со стороны сверстников и педагогов могут усиливать барьеры для академической успешности, снижать мотивацию и влияние самоуважения ребенка.

Характеристики психосоциального благополучия детей из одиночных семей неоднозначны. Согласно крупному исследованию, качество отношений и позитивные семейные взаимодействия оказывают большее влияние на благополучие детей, чем просто статус неполной семьи. При этом благополучие детей необязательно хуже, чем у детей двухродительских семей [5].

Однако другие исследования также выявляют повышенный риск психоэмоциональных состояний, таких как тревожность и депрессия у подростков, связанных с множественными стрессовыми факторами и социальными ожиданиями [4].

Одинокие родители часто совмещают несколько видов занятости, ищут гибкий график или участвуют в государственных программах социальной поддержки. Финансовая устойчивость – ключевой фактор, определяющий качество жизни семьи и возможности ребенка получить образование и развитие.

Родственники, друзья, общественные сообщества и онлайн-группы поддержки играют важную роль в жизни одиночных родителей, представляя эмоциональную поддержку, практическую помощь и обмен опытом в сложных ситуациях.

Сильная самооценка, уверенность в своей родительской роли и активный поиск полезной информации – важные стратегии для преодоления стигматизации. Поддержание позитивной семейной атмосферы, фокус на эмоциональных потребностях ребенка, а также участие в образовательных и развивающих активностях способствует укреплению семейной устойчивости.

Улучшение социальных политик и программ поддержки семей с одним родителем может существенно уменьшить негативные последствия стигмы и материальных трудностей. Это включает:

- финансовые пособия и налоговые льготы для одиноких родителей;
- психологическую поддержку и образовательные программы по развитию навыков родительского поведения;
- антистигматические кампании в школах и СМИ, направленные на преодоление социальных предрассудков.

Одиночное родительство отражает динамичные изменения семейных структур в современном обществе, несмотря на устойчивые социальные стигмы, связанные с неполной семьей, разнообразные стратегии выживания и поддержки, позволяют одиноким родителям успешно адаптироваться и обеспечивать благополучие своих детей. Современные исследования подчеркивают, что качество семейной среды, поддержка социума и возможностей для социальной и экономической адаптации играют ключевую роль в снижении негативных последствий стигмы и улучшении здоровья семей.

Список литературы

1. Диас-Серрано Л., Фламанд С. Отношение к детям родителей-одиночек в частных и государственных частных школах: экспериментальные данные. СЕРИЯ 14, 223–242 (2023) https://doi.org/10.1007/s13209-023-00281-3 (дата обращения: 23.12.2025).
2. Садыков Р.М., Большакова Н.Л. Социальное положение неполных семей в России: вызовы и меры их поддержки // УГНФ. 2024. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-polozhenie-nepolnyh-semey-v-rossii-vyzovy-i-mery-ih-podderzhki (дата обращения: 24.12.2025).
3. Сухарева А.С., Самойлова В.А. Родительство в неполных семьях: сравнительный анализ материнских и отцовских семей // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – №4. – С. 1-14. doi: 10.18799/26584956/2024/4/1880 (дата обращения: 23.12.2025).
4. Цен, В.К., Ли, Ч.Х., Ян, В.Дж. и др. Депрессия у подростков из неполных семей, оставшихся без попечения родителей: номограмма, основанная на многомерных факторах риска. Детская и подростковая психиатрия и психическое здоровье 19, 39 (2025) https://doi.org/10.1186/s13034-025-00894-5 (дата обращения: 23.12.2025).

5. Children’s wellbeing not negatively affected by living in single parent households, study shows URL: https://sheffield.ac.uk/social-sciences/news/childrens-wellbeing-not-negatively-affected-living-single-parent-households-study-shows?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 23.12.2025).

© Боев В.И.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПОКОЛЕНИЯ Z: МЕЖДУ ИНДИВИДУАЛИЗМОМ И СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Иванова Ирина Андреевна
студент
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный
университет имени И.А. Бунина»

Аннотация: В статье рассматриваются ценностные ориентиры поколения Z, сформировавшиеся в условиях цифровизации, глобализации и социальной нестабильности. Особое внимание уделяется анализу сочетания индивидуалистических установок и социальной ответственности как ключевой особенности данного поколения. На основе теоретических подходов к изучению ценностей и теории поколений раскрываются причины трансформации жизненных стратегий молодежи, а также формы проявления социальной активности и гражданской позиции представители поколения Z. Делается вывод о том, что индивидуализм поколения Z носит осознанный характер и не противоречит стремлению к социальной вовлеченности, формируя новую модель взаимодействия личности и общества.

Ключевые слова: поколение Z, ценностные ориентиры, индивидуализм, социальная ответственность, теория поколений, цифровизация, социальная активность, молодежь.

VALUE ORIENTATIONS OF GENERATION Z: BETWEEN INDIVIDUALISM AND SOCIAL RESPONSIBILITY

Ivanova Irina Andreevna

Abstract: The article examines the value orientations of generation Z, formed in the context of digitalization, globalization and social instability. Special attention is paid to the analysis of the combination of individualistic attitudes and social responsibility as a key feature of this generation. Based on theoretical approaches to the study of values and generational theory, the reasons for the transformation of youth's life strategies, as well as the forms of social activity and citizenship of

representatives of generation Z. are revealed. It is concluded that the individualism of generation Z is conscious and does not contradict the desire for social engagement, forming a new model of interaction between individuals and society.

Key words: generation Z, value orientations, individualism, social responsibility, theory of generations, digitalization, social activity, youth.

В начале 21 века в фокусе внимания социальных наук оказалось поколение Z – молодые люди, родившиеся приблизительно с середины 1990-х до начала 2010-х годов. Это первое поколение, сформировавшееся в условиях тотальной цифровизации, глобализации и высокой социальной неопределенности. Экономические кризисы, пандемия COVID-19, экологические угрозы и ускоренное развитие технологий оказали существенное влияние на формирование их ценностных ориентиров [1].

Одной из ключевых особенностей поколения Z является противоречивое сочетание выраженного индивидуализма и одновременно высокой социальной чувствительности. Данная статья направлена на анализ этого феномена, выявление его теоретических оснований и рассмотрение конкретных примеров проявления ценностей поколения Z в современной социальной практике.

Понятие «ценностные ориентиры» в социологии психологии рассматриваются как устойчивая система установок, определяющих поведение личности и ее отношение к миру. Согласно теории ценностей М. Рокича, ценности выступают как конечные цели и средства их достижения, формируя жизненные стратегии индивида.

В контексте теории поколения Н. Хоува и У. Штрауса поколение Z характеризуется как «цифровые аборигены», для которых виртуальная и реальная реальности тесно переплетены. Это влияет не только на способы коммуникации, но и на структуры ценностей: усиливается ориентация на самореализацию, свободу выбора и психологический комфорт [3].

Одновременно современные исследования (Р. Инглхарт, К. Вельцель) указывают на сдвиг от материальных ценностей к поступательным: заботе о качестве жизни, правах человека, социальной справедливости и экологии. Поколение Z демонстрирует этот сдвиг особенно ярко [2].

Индивидуализм поколения Z проявляется прежде всего в стремлении к самовыражению и аутентичности. Молодые люди ориентированы на поиск собственного пути, отказ от навязанных социальных сценариев и гибкость

жизненных стратегий. Карьера больше не воспринимается как линейный процесс, а семья – как обязательный этап взрослой жизни [4].

Примером может служить популярность фриланса, стартап-культуры и блогинга. Многие представители поколения Z предпочитают нестандартные формы занятости, позволяющие сохранять автономию и баланс между работой и личной жизнью. Также характерны внимание к ментальному здоровью: отказ от токсичных отношений, переосмысление понятия «успех», нормализация общения за психологической помощью.

Таким образом, индивидуализм поколения Z носит не эгоистический, а рефлексивный характер, связанный с осознанным выбором и ответственностью за собственную жизнь.

Парадоксально, но на фоне индивидуалистических установок поколение Z демонстрирует высокую социальную вовлеченность. Это проявляется в активной позиции по вопросам экологии, социальной справедливости, инклюзии и прав меньшинств.

Так, многие молодые люди поддерживают экологически ответственные бренды, участвуют в волонтерских движениях, продвигают идеи осознанного потребления. Примером может служить распространение zero waste-культуры, отказ от fast fashion и популяризация вторичной переработки.

Кроме того, социальные сети стали инструментом гражданской активности. Поколение Z использует цифровые платформы для привлечения внимания к социальным проблемам, организации благотворительных сборов и общественных кампаний. Онлайн-активизм, несмотря на критику, часто перерастает в реальные действия, формируя новые формы коллективной солидарности.

Ключевой особенностью ценностной системы поколения Z является не конфликт, а синтез индивидуализма и социальной ответственности. Социальная активность воспринимается как часть личной идентичности, а участие в общественно значимых проектах – как способ самореализации.

В отличие от предыдущих поколений, коллективные ценности не называются извне, а принимаются осознанно. Ответственность за общество начинается с ответственности за себя, свои выборы и их последствия. Это формирует новый тип гражданственности – персонализированный, гибкий и сетевой.

Ценностные ориентиры поколения Z отражают трансформацию современной культуры и социальных институтов, сочетание индивидуализма и социальной ответственности не является противоречием, а выступает новой моделью взаимодействия личности и общества. Понимание этих особенностей важно для образовательных учреждений, работодателей и государственных структур, так как позволяет выстраивать более эффективные стратегии коммуникации и взаимодействия с молодежью. Поколение Z не отказывается от общества, но требует диалога, уважения и возможности быть услышанным, сохраняя при этом право на индивидуальный выбор.

Список литературы

1. Евсегнеева Н.С. Поколение Z и его герои // Вестник ГУУ. 2022. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-z-i-ego-geroi (дата обращения: 24.12.2025).
2. Иванов М.С., Яницкий М.С. Мобильность как стратегия обеспечения личной безопасности в представлениях молодежи «поколения Z» // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд : сборник материалов III Междунар. трансдисциплинарной науч.-практ. WEB-конференции. Томск, 2017. С. 125-133.
3. Тренина П.Е., Неволина К.А., Харлова К.А. Особенности личностных черт поколения Z // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2022. № 2 (78). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lichnostnyh-chert-pokoleniya-z (дата обращения: 24.12.2025).
4. Яницкий М.С., Серый А.В., Браун О.А., Пелех Ю.В., Маслова О.В., Сокольская М.В., Санжаева Р.Д., Монсонова А.Р., Дагбаева С.Б., Неяскина Ю.Ю., Кадыров Р.В., Капустина Т.В. Система ценностных ориентаций «поколения z»: социальные, культурные и демографические детерминанты // СПЖ. 2019. № 72. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-tsennostnyh-orientatsiy-pokoleniya-z-sotsialnye-kulturnye-i-demograficheskie-determinanty (дата обращения: 24.12.2025).

© Иванова И.А.

ТРУДОВАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЁЖИ: РАЗРЫВ МЕЖДУ ОЖИДАНИЯМИ И РЕАЛЬНОСТЬЮ НА РЫНКЕ ТРУДА

Чистяков Матвей Сергеевич
студент
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный
университет имени И.А. Бунина»

Аннотация: В статье рассматривается проблема трудовой адаптации молодежи в условиях современного рынка труда, особое внимание уделяется анализу разрыва между профессиональными ожиданиями молодых специалистов и реальными требованиями работодателей. Раскрывается сущность трудовой адаптации, ее основные аспекты и факторы, влияющие на успешность вхождения молодежи в трудовую деятельность. Анализируются причины несоответствия ожиданий и реальности, а также социально-экономические последствия данного разрыва. На основе теоретических положений и практических примеров обозначены основные направления сокращения разрыва между системой образования и рынком труда, способствующие более эффективной профессиональной социализации молодежи.

Ключевые слова: трудовая адаптация, молодежь, рынок труда, профессиональные ожидания, молодые специалисты, занятость молодежи, трудовая социализация, образование.

YOUTH LABOR ADAPTATION: THE GAP BETWEEN EXPECTATIONS AND REALITY IN THE LABOR MARKET

Chistyakov Matvey Sergeevich

Abstract: The article examines the problem of youth labor adaptation in the modern labor market, with special attention paid to analyzing the gap between the professional expectations of young professionals and the real demands of employers. The article reveals the essence of labor adaptation, its main aspects and factors influencing the success of youth entry into the workforce. The reasons for the

discrepancy between expectations and reality, as well as the socio-economic consequences of this gap are analyzed. Based on theoretical provisions and practical examples, the main directions of reducing the gap between the education system and the labor market, contributing to more effective professional socialization of young people, are outlined.

Key words: labor adaptation, youth, labor market, professional expectations, young professionals, youth employment, labor socialization, education.

Проблема трудовой адаптации молодежи занимает важное место в современных социально-экономических исследованиях, переход от системы образования к профессиональной деятельности сопровождается не только приобретением практических навыков, но и столкновением с реальными условиями рынка труда. Для многих молодых специалистов этот этап оказывается стрессовым, поскольку ожидания, сформированные в процессе обучения, часто не совпадают с реальными требованиями работодателей. В результате возникает разрыв между ожиданиями и реальностью, который влияет на уровень занятости молодежи, профессиональную мотивацию и качество трудовой социализации.

Цель данной статьи – рассмотреть сущность трудовой адаптации молодежи, выявить основные причины несоответствия ожиданий и реальности на рынке труда, а также проиллюстрировать данную проблему практическими примерами.

Трудовая адаптация – это процесс приспособления работника к новым условиям профессиональной деятельности, включающий освоение трудовых функций, норм и ценности организации, а также формирование устойчивых профессиональных и социальных связей. В отношении молодежи данный процесс имеет свои особенности, поскольку он часто совпадает с первичным вхождением в трудовую жизнь.

С точки зрения социологии труда, трудовая адаптация включает несколько взаимосвязанных аспектов:

– профессиональный (овладение навыками и компетенциями);

– социально-психологический (включение в коллектив, принятие корпоративной культуры);

– организационный (понимание структуры правил и требований организации);

– экономический (адаптация к уровню заработной платы и условиям труда) [1].

Ожидание молодежи формируются под влиянием и системы образования, семьи, средств массовой информации и социальных сетей. Среди наиболее распространенных ожиданий можно выделить: быстрое трудоустройство по специальности, достойный уровень заработной платы уже на начальном этапе карьеры, возможность профессионального роста и самореализации, комфортные условия труда и гибкий график.

Однако данные ожидания не всегда соответствуют реальным возможностям рынка труда, особенно в условиях экономической нестабильности и высокой конкуренции.

Одной из ключевых причин разрыва между ожиданиями и реальностью является несоответствие между образовательными программами и потребностями работодателей. Теоретическая подготовка студентов часто не подкрепляется достаточным объемом практических навыков.

Кроме того, работодатель нередко предъявляет к молодым специалистам требования, связанные с наличием опыта работы, что ставит выпускников в замкнутый круг. Отсутствие опыта затрудняет трудоустройство, а отсутствие работы не позволяет этот опыт получить.

Важную роль играет и завышенный уровень ожиданий самих молодых людей, которые могут недооценивать сложность профессиональной деятельности и необходимость постепенного карьерного роста.

Разрыв между ожиданиями и реальностью может приводить к ряду негативных последствий: разочарование выбранной профессии, частая смена места работы, рост неформальной занятости, снижение мотивации к профессиональному развитию. На уровне общества это выражается в неэффективном использовании человеческого капитала и увеличении социальной напряженности среди молодежи.

Примером разрыва между ожиданиями и реальностью может служить ситуация выпускников гуманитарных специальностей. Многие из них рассчитывают на работу по профессии с фиксированным графиком и стабильным доходом, однако на практике сталкиваются с временными контрактами, низкой заработной платой или необходимостью переквалификации [2].

Другой пример – выпускники технических вузов, которые ожидают высоких доходов сразу после окончания обучения. На практике им часто

предлагают стартовые позиции с невысокой оплатой, предполагающие длительный период адаптации и обучения внутри компании.

В то же время положительный пример успешной трудовой адаптации связан с участием молодежи в стажировках, практико-ориентированных программах и проектах дуального образования. Такие формы взаимодействия с рынком труда позволяют сократить разрыв между теорией и практикой, и способствуют более мягкому вхождению в профессиональную среду.

Для повышения эффективности трудовой адаптации молодежи необходимо: развивать практико-ориентированное обучение в вузах, усиливать взаимодействие образовательных учреждений и работодателей, формировать у студентов реалистичное представление о рынке труда, развивать программы наставничества и профессионального сопровождения молодых специалистов.

Комплексный подход к решению данной проблемы способствует более успешной интеграции молодежи в трудовую сферу и повышению их конкурентоспособности.

Таким образом, трудовая адаптация молодежи является сложным и многогранным процессом, в котором разрыв между ожиданиями и реальностью выступает одной из ключевых проблем. Ее преодоление требует согласованных усилий со стороны государства, образовательных учреждений, работодателей и самих молодых специалистов. Создание условий для успешной адаптации молодежи на рынке труда является важным фактором социально-экономического развития общества в целом.

Список литературы

1. Самыгин С.И., Гнатюк М.А., Кротов Д.В. Особенности трудовой адаптации российской молодежи на рынке труда // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-trudovoy-adaptatsii-rossiyskoy-molodezhi-na-rynke-truda (дата обращения: 23.12.2025).

2. Поколение Z: как зумеры меняют правила найма и управления персоналом. URL: https://companies.rbc.ru/news/gYc7LSZrFf/pokolenie-z-kak-zumeryi-menyayut-pravila-najma-i-upravleniya-personalom/ (дата обращения: 22.12.2025).

© Чистяков М.С.

СЕКЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРИМЕНЕНИЮ МОДЕЛИ ТРЕХ ФИЛЬТРОВ ПРИ ВЫВОДЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ПРОДУКЦИИ НА ЗАРУБЕЖНЫЙ РЫНОК В СЕГМЕНТЕ B-TO-B

Седова Ольга Валерьевна
к.э.н., доцент
ФГАОУ ВО Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»

Аннотация: Предпосылками исследования послужила потребность в развитии экспортного потенциала России в области высоких технологий. Анализ показал, что существуют особенности применения Модели трех фильтров при выводе высокотехнологичной продукции на зарубежный рынок в сегменте b-to-b. В связи с вышеизложенным была сформулирована цель исследования, заключающаяся в формировании рекомендаций по выработке решений относительно сужения области поиска при выборе стран выхода в сегменте b-to-b.

Ключевые слова: модель трех фильтров, зарубежный рынок, высокотехнологичная продукция, сегмент b-to-b, страна выхода, параметр

RECOMMENDATIONS FOR USING THE THREE-FILTER MODEL TO INTRODUCE HIGH-TECH PRODUCTS TO FOREIGN MARKETS IN THE B-TO-B SEGMENT

Sedova Olga Valeryevna

Abstract: The study was based on the need to develop Russia's export potential in the field of high technology. The analysis showed that there are specific features of using the Three-Filter Model when exporting high-tech products to foreign markets in the b-to-b segment. Based on this, the study aimed to provide recommendations for making decisions regarding narrowing the search scope when selecting countries for export in the b-to-b segment.

Key words: three-filter model, foreign market, high-tech products, b-to-b segment, exit country, parameter.

При рассмотрении вопросов, связанных с принятием решения по выходу компании на внешние рынки, одним из эффективных инструментов выбора стран является Модель трех фильтров, предусматривающая поэтапное исключение из исходного списка стран в соответствии с целями и возможностями компании в условиях меняющейся внешней среды [1]. Это позволяет рассматривать одновременно большое количество стран в качестве рынков выхода, с одной стороны, и минимизировать время на их анализ, с другой, т.к. в случае несоответствия значения любого заданного параметра требуемому пороговому значению страна исключается из дальнейшего рассмотрения.

Пороговые значения могут быть количественные или качественные. При количественных значениях определяется, к максимуму или минимуму стремится параметр, и в зависимости от этого задается пороговое значение, в случае превышения или недостижения которого страна исключается из дальнейшего рассмотрения. Качественное пороговое значение подразумевает потребность либо в наличии, либо в отсутствии какого-либо факта в стране выхода. Например, наличие или отсутствие какой-либо отрасли или какого-либо закона.

Рассмотрим возможные параметры для исключения стран из дальнейшего рассмотрения с применением Модели трех фильтров при выводе высокотехнологичной продукции на зарубежный рынок в сегменте b-to-b.

Параметры первого фильтра «Исследование макроуровня и потенциала основного рынка» Модели 3-х фильтров включают следующие группы:

- Экономические характеристики: ВВП, ВВП на душу населения, структура промышленности, инфляция, инвестиции, трудовые ресурсы.
- Географические характеристики: климатические условия, физический размер страны, удаленность дорог.
- Демографические характеристики: численность населения, возрастная структура.
- Доход.
- Политические характеристики: отношение к иностранным предпринимателям, политическая стабильность [1].

Применительно к рынку b-to-b из рассмотрения можно исключить в данном случае такие параметры, как доход и демографические характеристики. Из географических характеристик можно оставить для рассмотрения параметр

«удаленность дорог». Данный параметр уместен для задания пороговых значений в случае ограничений по используемому способу доставки продукта в страну вследствие требований к его транспортировке и/или стоимости использования различных видов транспортной коммуникации. Задание ограничений по стоимости может быть применено после проведенных расчетов себестоимости и прогнозной цены продажи рассматриваемого продукта на зарубежном рынке.

Рассмотрим, какие из экономических характеристик можно рассмотреть для отсеивания стран.

ВВП (валовой внутренний продукт) — это совокупная рыночная стоимость всех конечных товаров и услуг, произведённых в стране за определённый период времени (обычно квартал или год) [2]. ВВП применяют для сопоставления экономического развития разных государств. Разумеется, чем выше это показатель, тем лучше. Вместе с тем затруднительно установить пороговое значение, при котором страна может быть исключена из дальнейшего рассмотрения.

В данном случае удобнее воспользоваться показателем ВВП на душу населения, по которому все страны делятся на следующие группы:

– страны с высоким уровнем дохода на душу населения (от 13935 $ и выше);

– страны со средним уровнем дохода на душу населения (4496 $ - 13935 $);

– страны с доходом ниже среднего на душу населения (1136 $ - 4495 $);

– страны с низким уровнем дохода на душу населения (от 1135 $ и ниже) [3].

Целесообразно исключить из рассмотрения страны из последней группы, установив пороговое нижнее значение ВВП на душу населения, равное 1136 $.

По структуре промышленности важно наличие достаточно развитых отраслей, в которых может быть применен рассматриваемый продукт. Например, если, компания специализируется на поставке RFID-меток для фармацевтической промышленности, то в качестве порогового значения можно задать наличие фармацевтической промышленности или минимально возможную ее долю в структуре ВВП страны в зависимости от целевых показателей компании по выходу на внешние рынки.

Задание пороговых значений по трудовым ресурсам целесообразно в случае выбора таких способов выхода на внешний рынок, как прямое инвестирование для создания собственного производственного предприятия за рубежом, подрядного производства в стране выхода, франчайзинга, лицензирования, в ряде случаев - совместного предприятия (далее - СП). Однако данный показатель может быть излишним, т.к. приоритетным является показатель по структуре промышленности, косвенно отображающий наличие квалифицированных кадров в той или иной отрасли.

Показатель по наличию инвестиций может быть интересен при необходимости поддержки в стране выхода иностранных предпринимателей в интересующих их секторах экономики. В качестве порогового значения может быть рассмотрен факт наличия возможности государственного и/или частного инвестирования в виде программ поддержки международного сотрудничества.

Уровень инфляции показывает, как за определённый период изменился общий уровень цен на товары и услуги [4]. Чаще всего уровень инфляции влияет на стоимость материалов и комплектующих для производства продукции. Инфляцию целесообразно рассматривать в качестве параметра для задания порогового значения с целью исключения из рассмотрения стран в случае выбора таких способов выхода на внешний рынок, как прямое инвестирование для создания собственного производственного предприятия за рубежом, подрядного производства в стране выхода, в ряде случаев - совместного предприятия.

По политическим характеристикам отношение к иностранным предпринимателям может быть отображено отсутствием рассматриваемых стран в списке недружественных, а политическая стабильность – отсутствием предпосылок для оного.

Рассмотрим, по каким параметрам второго фильтра «Исследование рынка товара» Модели трех фильтров можно ввести пороговые значения для исключения стран из дальнейшего рассмотрения.

Доступность данных о рынке в эпоху информационного общества может быть связана с культурой высокого контекста, предполагающей, что в межличностных отношениях самую большую роль играет интуиция, ситуация и традиция, формализация отношений не обязательна [5]. Такая ситуация может быть свойственна для ряда восточных стран.

Если компания выпускает продукцию не только для определенной отрасли, но и для конкретных продуктов, то по параметру «Основные продаваемые виды товара» нужно ввести пороговое значение, подразумевающее наличие в номенклатуре выпускаемых продуктов в предполагаемой стране выхода каких-то конкретных, например, автомобилей.

Пороговые значения по объему внутреннего производства и величине экспорта имеет смысл задавать, если в странах выхода выпуск рассматриваемой продукции значителен.

По величине неудовлетворенного спроса (импорт) уместно в качестве порогового значения рассматривать наличие какого-либо импорта в страны выхода рассматриваемой продукции, что косвенно свидетельствует о наличии спроса на них в рассматриваемых странах выхода.

По налогам и платежам, которые придется платить, целесообразно установить в качестве максимальных пороговых значений значения ставок налогов в России.

Важным моментом является возможность осуществления банковских платежей. При этом пороговым показателем для исключения стран из дальнейшего рассмотрения может являться наличие прямых расчетов между банками обоих стран либо наличие возможности осуществления расчетов межу странами в качестве юридических лиц.

Динамика цен коррелирует с инфляцией, поэтому рассмотрение этого показателя в данном случае может быть нецелесообразным.

По показателю «Динамика размера рынка» имеет смысл задавать в качестве порогового значения наличие отрицательной динамики отрасли или товара за определенный период (1 год и более), в которых применяется выводимая на зарубежный рынок продукция.

Рассмотрим параметры третьего фильтра «Исследование микроуровня в период T_j-T_{j+1}» Модели трех фильтров.

По параметру «Конкуренция со стороны товаров-заменителей» можно задать в качестве порогового значения стремительный темп роста (от 10% и выше) данных рынков за определенный период в возможных странах выхода.

Параметр «Существующая потенциальная конкуренция (основные конкуренты)» в какой-то степени коррелирует с величиной импорта. Исходя из целей компании на зарубежных рынках можно, к примеру, задать в качестве

порогового значения отсутствие конкурентов в стране выхода или наличие одного (монополия), нескольких (олигополия) конкурентов.

По параметру «Конкурентные преимущества фирмы» можно рассмотреть, например, при продвижении на зарубежный рынок RFID-меток, наличие собственного специализированного ПО. В этом случае можно отсеять страны со значительным рынком ИТ-решений, в т.ч. применительно к рынку RFID-меток, т.е. страны, где данное конкурентное преимущество не будет работать.

По параметру «Потенциальные потребители» в качестве порогового значения можно задать минимальное количество компаний в стране выхода или в отдельной ее отрасли, что может зависеть от требуемого объема продаж для достижения целевой прибыли.

По параметрам «Популярные модели» можно в качестве порогового показателя задать наличие спроса на конкретные модели выводимой на зарубежный рынок продукции, если существуют ограничения по возможности производства (оборудование, персонал, материалы и комплектующие) или политические, экономические препоны в своей стране или стране выхода (тарифные и нетарифные барьеры).

По параметру «Перспективные направления», если недостаточен объем по основному рынку (отрасли), можно в качестве порогового показателя задать наличие в стране выхода дополнительного сегмента рынка для продвижения на него продукции фирмы.

Полученные результаты будут положены в основу создания Алгоритма выбора стран. Результаты исследования планируется использовать при разработке плана инициации проекта по выводу продукции на зарубежный рынок для ООО «Умные программные решения» (Договор № 25/11-1 от 06 ноября 2025 г.)

Список литературы

1. Моисеева Н.К. Международный маркетинг и бизнес: Учебное пособие для бакалавров и магистров. – М.: КУРС: ИНФРА-М, 2013. – 272 с.

2. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика: [рус.] = Economics: Principles, Problems, and Policies. — М.: Республика, 1992. — Т. 2. — С. 384.

3. World Bank Country and Lending Groups. URL.: https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519.

4. Инфляция: что это такое и как ее рассчитывают. URL.: https://tass.ru/ekonomika/23751561.

5. Hall E.T. Beyond culture / Edward T. Hall. — Garden City (N.Y.) : Anchor press/Doubleday, 1976. — 256 p.

© Седова О.В.

РОЛЬ МАРКЕТИНГА И PR В ПОВЫШЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОМПАНИИ

Александрова Наталья Александровна
к.э.н., доцент
Лукащук Екатерина Романовна
студент
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы (РУДН)

Аннотация: В статье рассматривается влияние маркетинга и связей с общественностью (PR) на экономическую эффективность компании в условиях конкурентной среды. Анализируется роль маркетинговых и PR-инструментов в формировании финансовых показателей, репутации и конкурентоспособности организации. Обосновывается значимость интеграции маркетинга и PR как фактора устойчивого развития бизнеса.

Ключевые слова: маркетинг, связи с общественностью, PR, экономическая эффективность, маркетинговые коммуникации, интегрированные коммуникации, конкурентоспособность, репутация компании.

THE ROLE OF MARKETING AND PR IN INCREASING THE ECONOMIC EFFICIENCY OF THE COMPANY

Alexandrova Natalia Alexandrovna
Lukashchuk Ekaterina Romanovna

Abstract: The article examines the impact of marketing and public relations (PR) on the economic efficiency of a company in a competitive environment. The role of marketing and PR tools in the formation of financial indicators, reputation and competitiveness of the organization is analyzed. The importance of the integration of marketing and PR as a factor of sustainable business development is substantiated.

Key words: marketing, public relations, PR, economic efficiency, marketing communications, integrated communications, competitiveness, company reputation.

В условиях современной рыночной экономики компании функционируют в среде высокой конкуренции, нестабильного спроса и быстрого изменения потребительских предпочтений. Успех бизнеса всё в большей степени определяется не только качеством продукта или услуги, но и тем, насколько эффективно компания выстраивает взаимодействие с рынком и общественностью. В этой связи маркетинг и связи с общественностью (PR) становятся ключевыми инструментами управления, оказывающими непосредственное влияние на экономическую эффективность компании и её конкурентоспособность.

Маркетинг рассматривается как системная деятельность, направленная на выявление и удовлетворение потребностей потребителей с целью получения прибыли. Классическое определение Ф. Котлера подчёркивает данную направленность, согласно которому маркетинг — это «работа с рынком ради осуществления обменов, цель которых — удовлетворение человеческих нужд и потребностей» [2, с. 55]. Ориентация на потребителя позволяет компании более точно адаптировать свои предложения к требованиям рынка, снижать коммерческие риски и повышать результативность хозяйственной деятельности.

Основные функции маркетинга включают анализ рынка, разработку продукта, формирование ценовой политики, продвижение и распределение товаров и услуг. Реализация этих функций обеспечивает рост продаж, увеличение доли рынка и повышение рентабельности бизнеса. Особую роль при этом играют маркетинговые коммуникации, с помощью которых компания выстраивает диалог с целевой аудиторией. Как отмечает Ф. Котлер в работе Marketing Management, «маркетинговые коммуникации представляют собой средства, с помощью которых фирмы пытаются прямо или косвенно информировать, убеждать и напоминать потребителям о продуктах и брендах, которые они продают» [1, с. 81]. Данная функция напрямую связана с формированием спроса и поддержанием долгосрочных отношений с клиентами, что положительно отражается на финансовых показателях.

Маркетинговая стратегия оказывает комплексное влияние на экономическую эффективность компании. Грамотно выбранные целевые рынки и продуманный комплекс маркетинга позволяют создавать ценность для потребителей и получать экономическую выгоду в виде прибыли и лояльности. Важное значение имеет ценовая политика, так как цена определяет как уровень

спроса, так и величину прибыли. Использование маркетинговых исследований при формировании цен позволяет учитывать эластичность спроса, уровень конкуренции и воспринимаемую ценность продукта, что способствует оптимизации доходов.

Не менее значимым элементом повышения экономической эффективности является продвижение товаров и услуг. Рекламные кампании, цифровой маркетинг и программы стимулирования сбыта направлены на повышение узнаваемости бренда и формирование положительного отношения потребителей. При этом важным условием эффективности является рациональное распределение маркетинговых затрат и оценка их отдачи с использованием таких показателей, как ROI. Анализ результатов маркетинговой деятельности позволяет компании корректировать стратегию и избегать неэффективных инвестиций.

Наряду с маркетингом важную роль в системе управления компанией играют связи с общественностью. PR-деятельность направлена на формирование благоприятного общественного мнения и установление доверительных отношений между организацией и различными группами общественности. По определению Ф. Котлера, PR представляет собой «действия по установлению отношений с общественностью, включающие проведение программ, целью которых является продвижение или защита имиджа компании или ее товаров» [1, с. 417]. В отличие от рекламы, PR не ориентирован на прямое стимулирование продаж, однако его влияние на экономическую эффективность проявляется в долгосрочной перспективе.

Репутация компании выступает важным нематериальным активом, оказывающим влияние на поведение потребителей, партнёров и инвесторов. Положительный имидж способствует росту доверия и лояльности клиентов, что снижает затраты на их привлечение и обеспечивает стабильность спроса. Кроме того, компании с устойчивой репутацией обладают более высокими конкурентными преимуществами и большей устойчивостью к внешним рискам.

Особую значимость PR приобретает в условиях кризисных ситуаций, когда репутационные угрозы могут привести к серьёзным экономическим потерям. Эффективные антикризисные коммуникации позволяют минимизировать негативные последствия, сохранить доверие целевых аудиторий и предотвратить резкое падение продаж. Также PR оказывает влияние на внутреннюю среду компании, формируя корпоративную культуру и

позитивный образ работодателя, что способствует снижению текучести кадров и росту производительности труда.

Наиболее высоких результатов компании достигают при интегрированном использовании маркетинга и PR в рамках единой коммуникационной стратегии. Интегрированные маркетинговые коммуникации обеспечивают согласованность сообщений и усиливают воздействие на целевую аудиторию. Совместное применение рекламных инструментов и PR-мероприятий позволяет одновременно стимулировать спрос и укреплять доверие к бренду, создавая синергетический эффект и повышая экономическую эффективность.

Практика российских компаний подтверждает результативность данного подхода. Одним из них является сервис доставки продуктов «Самокат». Компания активно использует цифровой маркетинг через мобильное приложение, социальные сети и рекламные кампании, что позволяет привлекать новых клиентов и удерживать постоянных. Дополнительно «Самокат» применяет PR-инструменты для формирования положительного имиджа, информируя пользователей о сервисе и акциях через пресс-релизы, публикации в СМИ и работу с блогерами. В результате этих комплексных коммуникационных усилий компания увеличивает объёмы заказов, расширяет клиентскую базу и повышает экономическую эффективность своей деятельности.

Другой пример — сеть пиццерий «Додо Пицца». Компания использует маркетинговую стратегию, основанную на активном продвижении бренда, программ лояльности и цифровых каналов продаж. PR-деятельность «Додо Пицца» направлена на формирование открытого и прозрачного имиджа, включая регулярные публикации о внутренней работе компании, франшизных возможностях и участии в социальных проектах. Совместное использование маркетинга и PR позволяет бренду увеличивать выручку, расширять сеть франчайзи и укреплять доверие потребителей, что в конечном итоге отражается на экономической устойчивости компании.

Таким образом, маркетинг и PR выступают не только как инструменты продвижения, но и как стратегические механизмы повышения экономической эффективности, формирования конкурентных преимуществ, укрепления репутации бренда и обеспечения долгосрочного развития бизнеса.

Список литературы

1. «Маркетинг менеджмент» / Ф. Котлер, К.Л. Келлер; [перевод с английского: В. Кузин]. — 15-е изд. — Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2018. — 844 с.

2. «Котлер, Ф. Основы маркетинга» / Ф. Котлер. — М.: Москва: Вильямс, 2014. — 463 с.

© Лукащук Е.Р., Александрова Н.А., 2025

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

Плетенская Анастасия Викторовна
студент
Научный руководитель: **Мякишев Валерий Сергеевич**
канд. экон. наук, доцент
Ставропольский филиал Президентской академии

Аннотация: Статья посвящена анализу ключевых направлений развития экономики Ставропольского края. Рассматриваются отраслевые приоритеты, государственные программы поддержки, инновационные инициативы и роль регионального бизнеса в обеспечении устойчивого экономического роста. Особое внимание уделено аграрному сектору, промышленности, энергетике и туристической индустрии.

Ключевые слова: экономика, развитие, регион, промышленность, инвестиции.

MAIN DIRECTIONS OF ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE STAVROPOL REGION

Pletenskaya Anastasia Viktorovna
Scientific adviser: **Myakishev Valery Sergeevich**

Abstract: The article analyzes the key areas of economic development in the Stavropol Territory. It examines sectoral priorities, government support programs, innovative initiatives, and the role of regional businesses in ensuring sustainable economic growth. Special attention is given to the agricultural sector, industry, energy, and tourism.

Key words: economy, development, region, industry, and investment.

Экономика Ставропольского края представляет собой сложную и многогранную систему, включающую разнообразные отрасли производства, сферы услуг и инфраструктурные комплексы. Развитие экономики региона

определяется как природно-ресурсным потенциалом, так и государственной политикой, направленной на повышение эффективности хозяйственной деятельности, привлечение инвестиций и создание новых рабочих мест.

В 2025 году Ставрополье переживает серьезные экономические трудности, препятствующие его поступательному росту.

Аграрный сектор испытывает особенные сложности. Климатические риски создают постоянную угрозу: засушливые периоды, градобития, проливные дожди и внезапные заморозки способны кардинально повлиять на результаты сельхозработ. Регион традиционно относится к территориям с непредсказуемыми условиями для земледелия.

Парадоксальная ситуация сложилась с урожайностью: при достижении исторических максимумов по сбору зерновых культур, сельхозпроизводители терпят финансовые убытки. Причина кроется в диспропорции между растущими издержками и падающей стоимостью продукции. Расходы на горюче-смазочные материалы, транспортировку, запасные части для техники, посевной материал, агрохимикаты и пестициды существенно возросли, тогда как рыночная цена зерна демонстрирует противоположную динамику. Дополнительным бременем стала кадровая проблема: дефицит работников вынуждает повышать заработную плату, что еще больше увеличивает производственные расходы.

Недостаток профессиональных кадров становится серьезной проблемой не только для сельского хозяйства, но и для промышленного сектора. В деревнях особенно остро ощущается дефицит механизаторов и других квалифицированных работников. Причина оттока молодых людей из сельской местности кроется в комплексе факторов: скромный уровень оплаты труда, жилищные проблемы и слабое развитие социальной инфраструктуры делают возвращение в село непривлекательным для молодого поколения.

Параллельно с кадровыми трудностями аграрии сталкиваются с избыточной бюрократизацией и сложностями цифровизации. Постоянное введение новых нормативов, обязательных программ и электронных платформ создает дополнительную нагрузку на сельхозпроизводителей. Особые нарекания вызывают информационные системы ЕФИС ЗСН и ФГИС «Семеноводство» – небольшие фермерские хозяйства испытывают трудности с их освоением из-за нехватки квалифицированного персонала и времени, при этом сами платформы работают нестабильно и регулярно дают сбои.

Предприятия, занимающиеся разведением птицы и скота, испытывают трудности из-за усиления санитарно-эпидемиологического контроля, уменьшения территорий для выпаса животных и необходимости более строгого контроля численности поголовья.

Согласно оценкам специалистов, повышенная процентная ставка Центрального банка осложняет инвестиционные процессы, поскольку заемные средства становятся экономически невыгодными для коммерческих структур.

Несмотря на активную реализацию инфраструктурных инициатив в регионе – модернизацию Грушевского водного резервуара, возведение современных водозаборных сооружений для Ставропольской городской агломерации – отдаленность территории от центральных регионов России негативно сказывается на транспортных расходах и возможностях выхода на целевые рынки.

Представители Торгово-промышленной палаты Ставропольского края отмечают, что незаконная предпринимательская деятельность наносит существенный ущерб легальным участникам рынка.

Для решения данных вопросов необходима система взаимосвязанных мер: стимулирование специалистов к работе и их закрепление на местах, упрощение бюрократических механизмов, создание современной инфраструктуры, а также активное участие государства в финансировании.

Одним из ведущих направлений является агропромышленный комплекс. Ставропольский край обладает благоприятными климатическими условиями и плодородными землями, что позволяет развивать растениеводство, животноводство и перерабатывающую промышленность. Государственные программы поддержки сельского хозяйства, субсидии и льготное кредитование стимулируют модернизацию техники, внедрение инновационных технологий и увеличение объемов производства сельскохозяйственной продукции [1, с. 75].

В агропромышленном комплексе инвестиции позволят внедрить современные технологии, повысить урожайность и качество продукции, а также развить перерабатывающие предприятия. В сфере туризма необходимо финансирование для строительства новых гостиниц, санаториев и развлекательных комплексов, а также для развития инфраструктуры туристических зон.

Промышленный сектор также является важным фактором экономического роста. В регионе развиты машиностроение, химическая,

пищевая и строительная промышленность. Основное внимание уделяется модернизации производственных мощностей, внедрению энергоэффективных технологий и повышению качества продукции для конкуренции на внутреннем и внешнем рынках. Промышленность нуждается в инвестициях для модернизации оборудования, внедрения инновационных технологий и создания новых высокотехнологичных производств.

Энергетика и транспортная инфраструктура играют ключевую роль в обеспечении устойчивого развития экономики края. Развитие электроэнергетики, модернизация сетей и внедрение альтернативных источников энергии позволяют удовлетворять растущие потребности населения и бизнеса. Современная транспортная система, включая автомобильные и железнодорожные магистрали, способствует развитию торговли, логистики и межрегиональных экономических связей. Развитие транспортной инфраструктуры требует вложений в строительство и реконструкцию дорог, аэропортов и логистических центров.

Учитывая стратегическое положение края, необходимо развивать транспортную инфраструктуру, включая автомобильные и железные дороги, а также аэропорты. Это позволит увеличить транзитный потенциал региона и улучшить логистику грузоперевозок.

Не менее значимым направлением является туристическая индустрия, которая способна стать драйвером экономического роста. Природные и культурные ресурсы края, включая Кавказские горы, минеральные источники и исторические памятники, создают потенциал для развития санаторно-курортного туризма, экотуризма и рекреационных услуг. Государственные инвестиции и частное предпринимательство способствуют созданию современных гостиниц, туристических маршрутов и инфраструктуры обслуживания туристов.

Региональная экономика активно поддерживает инновационные и инвестиционные проекты. Создание технопарков, бизнес-инкубаторов и образовательных центров способствует формированию высокотехнологичных отраслей, развитию малого и среднего бизнеса, внедрению цифровых технологий и улучшению делового климата.

Поддержка малого и среднего бизнеса является важным фактором экономического роста. Необходимо создавать благоприятные условия для предпринимательской деятельности, предоставлять доступ к льготному

финансированию и упрощать административные процедуры. Предприятия малого и среднего бизнеса также требует финансовых ресурсов, которые позволят предпринимателям расширить свой бизнес, создать новые рабочие места и повысить конкурентоспособность продукции и услуг [2, с. 55].

Таким образом, экономика Ставропольского края развивается по нескольким стратегическим направлениям: агропромышленному комплексу, промышленности, энергетике, туризму и инновационным проектам. Комплексное развитие этих направлений обеспечивает повышение конкурентоспособности региона, рост благосостояния населения и укрепление экономической стабильности. Инвестиции в Ставропольский край необходимы для создания современной и конкурентоспособной экономики, повышения уровня жизни населения и обеспечения устойчивого развития региона.

Список литературы

1. Прогноз развития муниципального сектора экономики. Мякишев В.С., Хуклаева А.Ш. Сборник: Актуальные проблемы правоприменения и управления на современном этапе развития общества. Сборник научных статей по материалам VI Национальной заочной научно-практической конференции. Ставрополь, 2024. С. 73-75.

2. Эффективность инновационных процессов в бизнесе российских компаний. Гладилин А.В., Гладилин В.А., Калашников А.А., Мякишев В.С. Государство, право и экономические отношения: актуальные проблемы и тенденции развития. Сборник научных трудов по материалам международных научно-практических конференций. Москва, 2023. С. 52-57.

© Плетенская А.В.

УДК: 338.24:351.86(575.3)

УТОЧНЕНИЕ СУЩНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК И СТРУКТУРНОГО СОДЕРЖАНИЯ КАТЕГОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Зувайдуллоев Салохиддин Азизуллоевич
ассистент кафедры гуманитарных
и естественно-математических наук
Международный университет туризма
и предпринимательства Таджикистана

Аннотация: В статье представлена авторская теоретическая концепция государственной экономической безопасности. Сущность категории определяется как системное свойство, что позволило вывести ее многоуровневую иерархическую структуру и установить логическую взаимозависимость между ее существенными атрибутами, механизмами поддержки и областями применения.

Ключевые слова: экономическая безопасность, системное свойство, суверенность, управление рисками, синергетический эффект, устойчивость.

CLARIFICATION OF THE ESSENTIAL CHARACTERISTICS AND STRUCTURAL CONTENT OF THE CATEGORY OF ECONOMIC SECURITY OF THE STATE

Zuvaidulloev Salohiddin Azizulloevich

Abstract: This article presents the author's theoretical concept of state economic security. The essence of the category is defined as a systemic property, which allowed us to derive its multi-level hierarchical structure and establish a logical interdependence between its essential attributes, support mechanisms, and areas of application.

Key words: economic security, systemic property, sovereignty, risk management, synergistic effect, sustainability.

В условиях глобальной нестабильности экономическая безопасность становится суверенитетом и потенциалом развития. Однако отсутствие сложности понимания ее сущности и структуры приводит к фрагментарности стратегий, когда меры в разных классах не превращаются в целостную систему. Устранение этого теоретического разрыва является насущной границей, необходимой для формирования эффективной государственной политики. Множественность и противоречивость определения данной категории указывают на отсутствие консенсуса ее, соответственно, онтологического происхождения и смыслового ядра, что затрудняет переход от теории к практике.

Вопрос экономической безопасности изучается в рамках нескольких академических школ. Существенный вклад в изучение национальных аспектов экономической безопасности вносят таджикские ученые, чьи работы охватывают ключевые компоненты и современные вызовы. Институциональные механизмы ее обеспечения анализируются в трудах А.Ш. Валиева [1] и Ф.А. Джабборова [2]. Финансовые аспекты как центральный компонент безопасности стали предметом исследования Х.А. Абдуалимзода [3], а проблемы во внешнеэкономической деятельности рассмотрены М.Т. Каримовой [4]. В научном обороте также присутствуют и другие работы, посвящённые смежной проблематике [5; 6; 7; 8]. Однако, существующие исследования, как правило, фокусируются либо на уточнении сущности (через новые дефиниции), либо на детализации структуры (через расширение перечня сфер или компонентов), однако упускают из виду системную и логическую связь между этими двумя аспектами. Это формирует научный пробел – отсутствие целостного теоретического конструкта, в котором структура экономической безопасности логически и содержательно выводится из ее четко определенной сущности. Статья призвана заполнить этот пробел.

Эволюция концепции экономической безопасности неразрывно связана с трансформацией роли государства и пониманием источников его власти. В меркантилистской доктрине (XVI-XVIII века) безопасность отождествлялась с накоплением драгоценных металлов и положительным торговым балансом, где государство выступало в качестве основного субъекта, непосредственно регулирующего экономическую деятельность для усиления своей власти [9, с. 45]. Классическая политическая экономия сместила акцент с государства

на индивида и рыночные механизмы, косвенно подняв вопрос безопасности как стабильности системы свободного обмена, но не разработав отдельную теорию безопасности [10, с. 442].

Качественный скачок в понимании категории «экономической безопасности» произошел в XX веке, чему способствовали Великая депрессия, две мировые войны и биполярное противостояние. Развитие всеобъемлющей концепции национальной безопасности в Соединенных Штатах после Второй мировой войны создало системный контекст, в котором экономическая составляющая стала рассматриваться как один из ключевых столпов общей мощи государства. В позднесоветский и постсоветский периоды в российской науке возник критериально-пороговый подход, выражающий сущность безопасности посредством системы количественных показателей и их критических значений, с акцентом на внутреннюю стабильность и независимость. Таким образом, генезис концепции демонстрирует ее переход от узкой цели накопления богатства к всеобъемлющей функции обеспечения выживания, устойчивости и развития национального государства в конкурентной среде.

Современные академические дискуссии о сущности государственной экономической безопасности позволяют выделить три основные парадигмы, различающиеся своим фундаментальным подходом к определению ее онтологического статуса. Первая, наиболее распространенная в официальных доктринах, приравнивает безопасность к состоянию защиты национальной экономики от внешних и внутренних угроз. Ключевым ограничением этого подхода является его статичность: он концептуализирует безопасность как достигнутый результат, но игнорирует динамические механизмы ее непрерывного воспроизводства и поддержания.

Вторая парадигма, напротив, подчеркивает эту динамику, определяя экономическую безопасность как непрерывный процесс управления рисками, прогнозирования и смягчения последствий вызовов. Хотя этот взгляд является в высшей степени операциональным, он несет в себе риск редукционизма — сведения всей сложности безопасности к набору технологических процедур и административных мер, что может привести к потере осмысленного понимания целей, для достижения которых эти меры реализуются. Третий, наиболее теоретически плодотворный подход, основанный на методологии системного анализа, предлагает рассматривать экономическую безопасность как системное

свойство (атрибут) социально-экономической системы в целом. В этой интерпретации безопасность — это не нечто внешнее или навязанное, а скорее имманентное качество, характеризующее фундаментальную способность системы к самосохранению, адаптивному развитию и поддержанию суверенитета в меняющейся среде. Такое понимание позволяет нам преодолеть жесткую и непродуктивную дихотомию «государство против процесса». Процесс поддержки здесь служит средством актуализации и реализации этого системного свойства, в то время как диагностированное состояние — это лишь конкретный срез или проявление этого свойства в определенный момент времени.

Традиционные попытки структурирования экономической безопасности опираются на один из трех критериев, порождая различные модели. Наиболее распространенный, сферический (объектный) подход, выделяет элементы по экономическим сегментам: финансовая, энергетическая, продовольственная, промышленная безопасность и т. д. «Экономическая безопасность – это совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, возможность к постоянному обновлению и совершенствованию» [11, с. 34], где под «совокупностью условий» часто понимается именно набор ключевых сфер. Функциональный подход фокусируется не на объектах защиты, а на поддерживающих процессах, делая акцент на диагностике, мониторинге, прогнозировании и нейтрализации угроз внутри структуры. Однако в своей «чистой» форме он рискует оторваться от специфического содержания защищаемых экономических отношений. Субъектно-объектный подход строит структуру вокруг взаимодействия между поставщиком безопасности (государство, регион, корпорация, домохозяйство) и объектом (интересы, ресурсы, институты). Его сила заключается в уровне анализа, а слабость – в потенциальной сложности создания универсальной модели.

Целостность структуры экономической безопасности обеспечивается не просто суммой ее элементов, а характером связей между ними, что соответствует системному взгляду, согласно которому «безопасность государства есть свойство системы… реализуемое через взаимосвязь и взаимодействие её элементов» [12, с. 58], важнейшими из которых являются иерархия, взаимодополняемость и синергия. Иерархия проявляется в подчинении нижних уровней верхним: решения на уровне сферы-объекта

(например, тарифная политика в энергетическом секторе) должны соответствовать целям функциональных подсистем (стимулирование инноваций) и, в конечном итоге, способствовать укреплению атрибутов ядра системы (устойчивость и суверенитет). Взаимодополняемость означает, что элементы разных уровней и одного и того же уровня не существуют изолированно: диагностическая система неэффективна без нормативно-правовой базы, а финансовая стабильность неотделима от социальной стабильности. Нарушение этой связи приводит к появлению «структурных дыр» и снижению эффективности всей системы. Наконец, синергетический эффект возникает, когда скоординированное взаимодействие элементов приводит к результату, превышающему простую сумму их индивидуальных действий (например, комплексная институциональная реформа и инвестиции в человеческий капитал приводят к совокупному повышению качества экономического роста и устойчивости). Поэтому проектирование и оценка системы безопасности должны осуществляться не на основе отдельных показателей, а через призму качества этих системообразующих взаимосвязей.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что сущность и структура экономической безопасности связаны между собой логическим выводом и содержательным наполнением. Сущность, понимаемая как системное свойство, выраженное через имманентные атрибуты (суверенитет, стабильность, развитие, целостность), служит целевой основой для построения структуры. Каждый атрибут сущности требует специфического структурного механизма для своей реализации. Например, атрибут суверенитета определяет необходимость в регулирующей подсистеме, устанавливающей «правила игры», и институциональной поддержке создания органов, защищающих национальные интересы. Атрибут устойчивости напрямую связан с диагностической и мониторинговой подсистемой, которая отслеживает отклонения и реагирует на них, корректируя их. Способность к развитию требует от структуры включения адаптивных механизмов и ориентации реализационного уровня на приоритеты технологического и человеческого обновления. Наконец, целостность обеспечивается именно системным характером связей (иерархичность, взаимодополняемость, синергия) между всеми уровнями модели. Таким образом, структура – это не произвольный набор, а конкретное воплощение сущности, ее проекция, развернутая во

времени и пространстве, где каждый элемент служит определенному аспекту системного свойства.

Четкое определение сущности и структуры позволяет точно обозначить границы категории «экономической безопасности государства» и отличить ее от смежных понятий.

Отличие от «экономического суверенитета»: суверенитет – это правовое и политическое условие, суверенитет государства в принятии экономических решений. Безопасность – это более широкое понятие, включающее суверенитет как один из своих неотъемлемых атрибутов, но фокусирующееся на фактической способности осуществлять этот суверенитет и защищаться от внутренних и внешних атак.

Отличие от «экономической устойчивости»: устойчивость – это важнейшее, но не единственное свойство безопасной системы, характеризующее ее устойчивость к потрясениям. Безопасность, помимо устойчивости, обязательно включает в себя атрибуты развития (без роста устойчивость вырождается в стагнацию) и суверенитета (устойчивость может быть обеспечена извне, что противоречит безопасности).

Отличие от «устойчивого развития»: устойчивое развитие – это стратегическая цель, парадигма долгосрочного прогресса, которая уравновешивает экономические, социальные и экологические аспекты. Экономическая безопасность выступает в качестве необходимого системного условия и механизма, обеспечивающего устойчивое развитие. Безопасность создает защищенное пространство, в котором возможно устойчивое развитие.

Таким образом, экономическая безопасность государства занимает центральное место в системе этих категорий, выступая в качестве неотъемлемого системного свойства, позволяющего осуществлять суверенитет, сочетающего устойчивость с развитием и создающего основу для достижения цели устойчивого развития.

Полученные результаты исследования формируют целостную теоретическую конструкцию, которая может служить методологической основой для разработки диагностических инструментов, стратегических документов и институциональных реформ в сфере экономической безопасности.

Список литературы

1. Валиев, А.Ш. Институциональный механизм обеспечения экономической безопасности / А.Ш. Валиев, Ш. Самариддини // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2019. – № 9. – С. 142-150.

2. Ҷабборов, Ф.А. Ҷанбаҳои институтсионалии таъмини амнияти иқтисодии миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон / Ф.А. Ҷабборов, М.С. Файзизода // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва ҷамъиятӣ. – 2020. – № 6. – С. 190-196.

3. Абдуалимзода, Ҳ.А. Ҷанбаҳои назариявии амнияти молиявӣ ҳамчун ҷузъи таркибии амнияти иқтисодии давлат / Ҳ.А. Абдуалимзода // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва ҷамъиятӣ. – 2022. – № 9. – С. 54-62.

4. Каримова, М.Т. Проблемы обеспечения экономической безопасности во внешнеэкономической деятельности Таджикистана / М.Т. Каримова, Ч.Р. Хасанов // Экономика Таджикистана. – 2022. – № 4-1. – С. 161-166.

5. Каримов, Б.Ҳ. Баландбардории сифат ва самаранокии хизматрасониҳои аудиторӣ: истифодаи таҷрибаи байналмилалӣ / Б.Ҳ. Каримов, З.Т. Ғуломов // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва ҷамъиятӣ. – 2021. – №. 3-2. – С. 47-54.

6. Каримов, Б.Ҳ. Таҳаввули низомҳои миллии баҳисобгирии муҳосибӣ ва мушкилоти таснифи онҳо / Б.Ҳ. Каримов // Идоракунии давлатӣ. – 2022. – № 4-1(58). – С. 138-151.

7. Одиназода, К.С. Муҳоҷирати меҳнатии аҳолӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон: мушкилот, вазъ ва тамоюли рушди он / К.С. Одиназода // Вестник Технологического университета Таджикистана. – 2021. – № 2(45). – С. 214-223.

8. Одиназода, К.С. Модели таъмини ҳолати мувозинатӣ дар бозори меҳнати Ҷумҳурии Тоҷикистон / К.С. Одиназода // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва ҷамъиятӣ. – 2022. – No. 2. – P. 171-183.

9. История экономических учений: учебник / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. – Москва: ИНФРА-М, 2000. – 784 с.

10. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит; пер. с англ. – Москва: Эксмо, 2016. – 960 с.

11. Сенчагов, В.К. Экономическая безопасность России: Общий курс: учебник / В.К. Сенчагов. – Москва: Дело, 2005. – 895 с.

12. Прохожев, А.А. Общая теория национальной безопасности: учебник / А.А. Прохожев; под общ. ред. А.А. Прохожева. – Москва: Изд-во РАГС, 2002. – 210 с.

© Зувайдуллоев С.А.

НЕЙРОЭКОНОМИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Мельник Татьяна Евгеньевна
к.э.н.
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева»

Аннотация: в статье рассмотрено понятие нейроэкономики основанной на методах функционально-резонансной томографии и электро-энцефало-графии, позволяющей анализировать и выявлять природу экономического поведения потребителя. Рассмотрен процесс становления, развития и современного подхода к нейроэкономике.

Ключевые слова: нейроэкономика, поведенческая наука, экономическое поведение.

NEUROECONOMICS AS A TOOL FOR MANAGEMENT DECISIONS

Melnik Tatiana Evgenyevna

Abstract: The article discusses the concept of neuroeconomics based on the methods of functional magnetic resonance imaging and electroencephalography, which allows for the analysis and identification of the nature of consumer economic behavior. The article examines the process of formation, development, and the current approach to neuroeconomics.

Key words: neuroeconomics, behavioral science, economic behavior.

Нейроэкономика представляет собой динамично развивающуюся область знаний, синтезирующую достижения нейронауки и экономической теории для изучения глубинных механизмов принятия решений. Используя методы нейровизуализации, такие как функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ) и электроэнцефалография (ЭЭГ), данное направление позволяет выявлять нейробиологические корреляты экономического поведения.

Такой междисциплинарный подход создает основу для понимания когнитивных процессов, лежащих в основе индивидуальных выборов и коллективных рыночных тенденций, выходя за рамки традиционных экономических моделей. Интеграция нейровизуализационных технологий в экономический анализ открывает принципиально новые возможности для исследования того, как мозг обрабатывает информацию о рисках, вознаграждениях и социальных взаимодействиях в контексте рынка. Это позволяет не только описывать наблюдаемые экономические феномены, но и раскрывать их скрытые нейронные детерминанты, формируя более целостное представление о природе экономического поведения человека. Таким образом, нейроэкономика служит концептуальным мостом между микроуровнем нейронной активности и макроуровнем рыночной динамики.

Целью настоящего исследования является критический анализ возможностей и ограничений когнитивного подхода в нейроэкономике, направленный на разработку практических рекомендаций по интеграции данных нейровизуализации в экономическую теорию. Попробуем оценить, в какой степени современные методы изучения мозговой активности способны обогатить понимание экономических феноменов, а также выявить системные барьеры, препятствующие полноценному использованию нейронаучных данных в экономическом моделировании.

Ключевая проблематика нейроэкономики связана с методологическими вызовами интерпретации нейронных сигналов как индикаторов экономического поведения. Лабораторные эксперименты часто демонстрируют ограниченную экологическую валидность при переносе результатов на реальные рыночные сценарии, что создает разрыв между нейронаучными данными и их экономическим значением. Дополнительные сложности возникают в связи с вопросами воспроизводимости исследований и этическими аспектами экспериментов с участием человека.

Актуальность представленного исследования обусловлена растущим влиянием поведенческой экономики и нейронауки на понимание финансовых рынков и экономических кризисов. В условиях, когда традиционные экономические модели демонстрируют ограниченную предсказательную силу в объяснении сложных рыночных явлений, нейроэкономика предлагает альтернативные перспективы, основанные на изучении когнитивных механизмов принятия решений. Особую значимость приобретает способность

нейроэкономических подходов раскрывать нейробиологические основы иррационального поведения инвесторов, формирования экономических пузырей и коллективных рыночных тенденций. Это открывает возможности для разработки более точных моделей экономического поведения, учитывающих как рациональные, так и эволюционно обусловленные аспекты человеческой психологии, что особенно востребовано в современной академической и прикладной экономике.

Нейроэкономика сформировалась как самостоятельная междисциплинарная область на пересечении экономики, нейробиологии и психологии. Её становление представляет собой последовательный процесс интеграции знаний из различных научных сфер. Ключевым этапом развития стало появление новых исследовательских возможностей в области изучения работы мозга. «Пятый этап обусловлен влиянием достижений в психофизиологии, нейрофизиологии, нейробиологии, что дало возможность появлению нового направления в поведенческой экономике – нейроэкономики» [2, с. 243]. Эволюция нейроэкономики включает несколько периодов, характеризующихся постепенным углублением в нейробиологические основы экономического поведения. Начальные этапы были связаны с изучением базовых механизмов принятия решений на уровне нейронных систем. Дальнейшее развитие нейроэкономики сопровождалось формированием методологического аппарата для исследования сложных когнитивных процессов. Это позволило перейти от теоретических построений к экспериментальной верификации гипотез о мозговых основах экономических феноменов.

Современные нейроэкономические подходы уходят корнями в фундаментальные исследования поведенческой экономики. Классические экономические теории подверглись критическому пересмотру в свете новых данных о работе мозга. Значительное влияние на формирование нейроэкономики оказали концепции, объясняющие взаимодействие когнитивных и аффективных систем. Двухсистемная модель Канемана и Тверски стала важной теоретической основой для понимания диалектики автоматических и осознанных процессов. «Особое внимание уделяется двухсистемной модели Канемана и Тверски, объясняющей диалектику автоматических (эмоционально-эвристических) и осознанных (логических) процессов в принятии решений, а также теории соматических маркеров, связывающей эмоции с оценкой последствий выбора» [1, с. 559]. Эти модели

создали предпосылки для нейробиологической интерпретации экономического поведения.

Процессы принятия экономических решений имеют четкие нейробиологические основания. Префронтальная кора играет ключевую роль в когнитивных функциях, таких как планирование и самоконтроль. Лимбическая система, включая миндалевидное тело, участвует в обработке эмоциональных аспектов выбора. Эти структуры взаимодействуют при формировании экономических предпочтений. Исследования показывают дифференцированную вовлеченность префронтальных и лимбических областей в зависимости от типа решения. Префронтальная кора активируется при сложных выборах, требующих рационального анализа. Лимбические структуры доминируют в ситуациях, связанных с немедленным вознаграждением или угрозой. Такое разделение отражает дуализм когнитивных и эмоциональных процессов в экономическом поведении.

Взаимодействие когнитивных и эмоциональных систем определяет нейронные механизмы оценки риска и вознаграждения. Префронтальная кора модулирует импульсивные реакции через исполнительные функции. Параллельно лимбические структуры кодируют субъективную ценность стимулов. Эта динамика лежит в основе различий индивидуального поведения при экономическом выборе.

Активность вентрального стриатума коррелирует с обработкой ожидаемого вознаграждения в условиях неопределенности. Островковая доля демонстрирует повышенную активацию при восприятии риска и потенциальных потерь. Эти регионы формируют нейронную основу экономического выбора в изменчивой среде. Их совместная работа отражает баланс между поиском прибыли и избеганием убытков.

Функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ) и электроэнцефалография (ЭЭГ) являются ключевыми методами нейровизуализации в нейроэкономических исследованиях. Эти технологии предоставляют уникальные возможности для изучения нейронных процессов, связанных с экономическим поведением. Нейроэкономика интегрирует методы нейробиологии, экономики, математики, статистики и когнитивных наук, стремясь создать точные модели принятия решений. Нейромаркетинг, в свою очередь, опирается на нейробиологию, экономику и психологию. Обе

дисциплины активно используют нейронаучные инструменты: ЭЭГ (регистрация электрической активности мозга), ТМС (транскраниальная магнитная стимуляция), фМРТ (функциональная магнитно-резонансная томография) и ПЭТ (позитронно-эмиссионная томография) [1, с. 562]. Основное различие между фМРТ и ЭЭГ заключается в их пространственном и временном разрешении. ФМРТ позволяет получать изображения с высоким пространственным разрешением, что делает её идеальной для локализации активности в конкретных областях мозга. В то же время, ЭЭГ обладает превосходным временным разрешением, регистрируя электрическую активность мозга с точностью до миллисекунд. Эта характеристика делает ЭЭГ особенно полезной для изучения быстрых когнитивных процессов, таких как реакции на стимулы или принятие решений в условиях ограниченного времени.

Нейровизуализационные методы открывают значительные возможности для анализа динамических аспектов экономического поведения. Во-первых, это предлагаемые новые технологии исследования и визуализации мозга (ЭЭГ, функциональная МРТ, ПЭТ и др.), которые революционным образом изменяют представления о человеке (Филатова, 2020. С. 20) и дают возможность заглянуть «внутрь» его умственной деятельности [3, с. 515]. Они позволяют исследователям наблюдать за нейронными процессами в реальном времени, что особенно ценно при изучении таких явлений, как адаптация к риску или социальные взаимодействия. Однако эти методы имеют и свои ограничения. ФМРТ требует неподвижности испытуемого и чувствительна к движениям, что затрудняет изучение естественного поведения. ЭЭГ, несмотря на высокое временное разрешение, страдает от низкого пространственного разрешения, что усложняет точную локализацию активности. Кроме того, интерпретация нейронных сигналов часто сталкивается с проблемами каузальности и сложностью моделирования реальных экономических ситуаций в лабораторных условиях.

Нейроэкономика подтверждает свою роль как перспективный мост между биологическими механизмами и экономическими феноменоми. Интеграция методов нейровизуализации, таких как фМРТ и ЭЭГ, позволяет выявлять нейронные корреляты принятия экономических решений. Это углубляет понимание мотивационных и когнитивных детерминант рыночного поведения.

Список литературы

1. Грушицын А.С., Шастун Т.А., Шевченко К.К. Взаимодействие концепций нейроэкономики и нейромаркетинга: аспекты принятия решений в экономике и потребительском поведении // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2025. — № 3. — С. 559–567.

2. Маклаков Ф.С. Поведенческая экономика как единство рационального и иррационального в поведении потребителя // 58-я научная конференция аспирантов, магистрантов и студентов БГУИР. — Минск, 2022. — С. 243–244.

3. Проволович Т.О. Новейшие примеры междисциплинарного синтеза в экономике // Журнал экономической теории. — 2021. — № 4. — С. 512–525.

© Мельник Т.Е., 2025

DOI 10.46916/29122025-5-978-5-00215-963-5

ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ МСП В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Смелов Александр Юрьевич
аспирант 3 курса
кафедра финансового менеджмента
ФГАОУ ВО «МГТУ «СТАНКИН»

Аннотация: В статье рассмотрены ключевые проблемы оценки устойчивого развития промышленных малых и средних предприятий в условиях цифровизации. Показано, что традиционные подходы к оценке устойчивости недостаточно учитывают ресурсные ограничения МСП и влияние цифровой зрелости на результаты деятельности. Систематизированы основные подходы к оценке устойчивого развития и выявлены ограничения их применения для промышленного сектора МСП. Предложена логика интеграции показателей цифровой зрелости и устойчивого развития в едином оценочном контуре на основе мониторинга и обратной связи.

Ключевые слова: промышленные МСП, устойчивое развитие, цифровизация, цифровая зрелость, оценка, показатели.

PROBLEMS AND APPROACHES TO ASSESSING THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL SMEs IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Smelov Alexander Yuryevich
postgraduate student (3rd year)
Department of Financial Management
Stankin Moscow State Technological University (STANKIN)

Abstract: The paper addresses key problems of assessing the sustainable development of industrial small and medium-sized enterprises (SMEs) in the context of digitalization. It is shown that traditional sustainability assessment approaches often fail to capture SMEs' resource constraints and the impact of digital maturity on performance outcomes. The study systematizes major sustainability assessment

approaches and identifies limitations of their application to industrial SMEs. A conceptual logic for integrating digital maturity indicators and sustainability metrics within a unified assessment loop based on monitoring and feedback is proposed.

Key words: industrial SMEs, sustainable development, digitalization, digital maturity, assessment, indicators.

Введение

В современных условиях развития экономики Российской Федерации проблема устойчивого развития промышленных малых и средних предприятий приобретает особую значимость. Данный сектор экономики, с одной стороны, выступает важным источником промышленного роста, инновационной активности и занятости, а с другой — характеризуется повышенной уязвимостью к внешним экономическим, технологическим и институциональным изменениям. Ограниченность финансовых, кадровых и управленческих ресурсов объективно снижает способность промышленных МСП адаптироваться к условиям нестабильной внешней среды и формировать долгосрочные траектории устойчивого развития.

Существенное влияние на процессы развития промышленных МСП в последние годы оказывает цифровизация экономики. Внедрение цифровых технологий в производственные и управленческие процессы рассматривается как один из ключевых факторов повышения эффективности деятельности предприятий, оптимизации издержек и повышения конкурентоспособности. Вместе с тем цифровизация не является универсальным решением проблем устойчивости: при отсутствии системного подхода цифровые инициативы нередко реализуются фрагментарно, без чёткой увязки с целями устойчивого развития и без оценки их влияния на экономические, социальные и экологические результаты деятельности предприятия.

Анализ научных исследований показывает, что значительная часть существующих подходов к оценке устойчивого развития ориентирована преимущественно на крупные промышленные корпорации и предполагает наличие развитых систем управленческого учёта, нефинансовой отчётности и корпоративного контроля. Применение данных методик в секторе промышленных МСП ограничено вследствие высокой ресурсоёмкости, сложности расчётных процедур и недостаточной адаптации к уровню цифровой

зрелости малых и средних предприятий. В результате возникает методологический разрыв между практикой цифровизации промышленных МСП и инструментами оценки их устойчивого развития.

В условиях цифровизации особую актуальность приобретает учёт цифровых факторов при оценке устойчивого развития промышленных МСП. Уровень цифровой зрелости предприятия, качество данных, степень автоматизации бизнес-процессов и наличие цифровых управленческих компетенций оказывают непосредственное влияние на способность предприятия поддерживать устойчивость в долгосрочной перспективе. Однако данные параметры зачастую рассматриваются изолированно от традиционных показателей устойчивости, что снижает аналитическую и управленческую ценность оценки.

В этой связи возникает необходимость в научном осмыслении проблем оценки устойчивого развития промышленных МСП в условиях цифровизации и в систематизации подходов, позволяющих интегрировать показатели устойчивости и цифровой зрелости в единую оценочную модель. Такой подход позволяет рассматривать устойчивое развитие не как статичное состояние, а как результат функционирования системы управления предприятием, основанной на мониторинге, обратной связи и корректировке управленческих решений.

Целью настоящей статьи является анализ проблем оценки устойчивого развития промышленных малых и средних предприятий в условиях цифровизации и обоснование подходов к формированию интегрированной оценки, учитывающей влияние цифровых факторов на устойчивость промышленного МСП.

Проблемы оценки устойчивого развития промышленных МСП в условиях цифровизации

В условиях цифровизации экономики оценка устойчивого развития промышленных малых и средних предприятий приобретает не только аналитическое, но и прикладное управленческое значение. Для МСП устойчивость всё в большей степени определяется способностью адаптироваться к технологическим изменениям, управлять ограниченными ресурсами и обеспечивать воспроизводимость результатов деятельности. Однако существующие подходы к оценке устойчивого развития в значительной степени не учитывают специфику промышленного МСП и влияние цифровых факторов, что формирует ряд методологических и практических проблем.

Первая проблема связана с ограниченной применимостью традиционных методик оценки устойчивого развития. Большинство подходов ориентировано на крупные предприятия и предполагает наличие развернутой системы управленческого учета, регулярной нефинансовой отчетности и специализированных подразделений. Для промышленных МСП подобные требования приводят к росту издержек оценки и снижению её управленческой значимости, поскольку результаты оценки не интегрируются в текущие управленческие решения [1].

Вторая проблема обусловлена дефицитом и фрагментарностью данных, используемых для оценки устойчивости. В промышленном МСП часто отсутствуют устойчивые временные ряды показателей, а сбор информации осуществляется нерегулярно и преимущественно вручную. Несмотря на внедрение отдельных цифровых решений, данные, генерируемые в процессе цифровизации, редко используются для системной оценки устойчивого развития, что снижает потенциал цифровых инструментов как источника управленческой информации [3].

Третья проблема заключается в разрыве между цифровыми инициативами и оценкой устойчивых результатов. На практике цифровизация в промышленном МСП нередко сводится к автоматизации отдельных функций или процессов без формализации ожидаемого эффекта для устойчивости предприятия. Отсутствие оценки влияния цифровых проектов на финансовую устойчивость, ресурсную эффективность и социальные параметры повышает риск неэффективных инвестиций и затрудняет приоритизацию цифровых инициатив [5].

Четвёртая проблема связана с недостаточным учетом цифровой зрелости предприятия при оценке устойчивого развития. Уровень цифровой зрелости определяет способность МСП использовать цифровые технологии для мониторинга показателей, поддержки управленческих решений и адаптации к изменениям внешней среды. Однако в большинстве методик цифровая зрелость рассматривается либо косвенно, либо изолированно, без включения в общую систему оценки устойчивости [6].

Указанные проблемы можно систематизировать по ключевым направлениям, что представлено в таблице 1.

Таблица 1

Основные проблемы оценки устойчивого развития промышленных МСП в условиях цифровизации

Направление проблемы	Сущность проблемы	Влияние на результаты оценки
Методологическое	Ориентация методик на крупные предприятия	Формальный характер оценки
Информационное	Дефицит и несопоставимость данных	Низкая точность результатов
Цифровое	Отсутствие оценки эффекта цифровых инициатив	Неуправляемость цифровых инвестиций
Управленческое	Игнорирование цифровой зрелости	Недооценка адаптивности МСП
Организационное	Отсутствие обратной связи	Оценка не влияет на решения

Источник: (составлено автором)

Таким образом, проблемы оценки устойчивого развития промышленных МСП в условиях цифровизации носят системный характер и обусловлены несоответствием существующих методик реальным условиям функционирования малого и среднего бизнеса. Это обуславливает необходимость перехода к адаптированным подходам оценки, ориентированным на учет цифровых факторов, ограниченности ресурсов и управленческой применимости результатов. Данные положения формируют методологическую основу для рассмотрения и обоснования подходов к оценке устойчивого развития промышленных МСП в условиях цифровизации, что является предметом следующего раздела статьи.

Подходы к оценке устойчивого развития: возможности и ограничения для промышленного МСП

Системные проблемы оценки устойчивого развития промышленных МСП, выявленные в предыдущем разделе, обусловливают необходимость анализа существующих подходов к оценке устойчивости с точки зрения их применимости в условиях цифровизации. Для промышленного МСП ключевым критерием эффективности подхода становится не полнота набора показателей,

а управленческая применимость результатов оценки при ограниченных ресурсах и высокой неопределённости внешней среды.

В научных исследованиях наибольшее распространение получили индикаторные подходы, основанные на использовании системы экономических, экологических и социальных показателей. Их преимуществом является относительная прозрачность и возможность сопоставления результатов. Однако для промышленных МСП индикаторные модели часто оказываются избыточными: значительное количество показателей усложняет сбор данных и снижает регулярность оценки, что ограничивает их использование в текущем управлении [2].

Интегральные подходы к оценке устойчивого развития предполагают агрегирование отдельных показателей в сводный индекс устойчивости. Для промышленных МСП такие подходы обладают высокой прикладной ценностью, поскольку позволяют получить обобщённую оценку состояния предприятия и использовать её в качестве инструмента мониторинга. Вместе с тем корректность интегральной оценки напрямую зависит от обоснованности выбора показателей и процедур нормирования, что требует адаптации методики под уровень цифровой зрелости конкретного предприятия [4].

Отдельную группу составляют риск-ориентированные подходы, в рамках которых устойчивое развитие рассматривается как способность предприятия противостоять внутренним и внешним рискам. Для промышленных МСП данный подход является методологически обоснованным, поскольку деятельность малого бизнеса характеризуется повышенной чувствительностью к рыночным, технологическим и операционным рискам. Однако практическая реализация риск-ориентированной оценки затруднена из-за недостаточной формализации процессов управления рисками и отсутствия цифровых инструментов мониторинга [5].

В условиях цифровизации всё большее значение приобретают процессные и системные подходы, трактующие устойчивое развитие как результат функционирования системы управления предприятием. В рамках данных подходов оценка устойчивости рассматривается не как разовое измерение, а как непрерывный процесс, включающий постановку целей, мониторинг показателей и корректировку управленческих решений. Для промышленных МСП данный подход является перспективным, поскольку

позволяет увязать цифровые инициативы с достижением устойчивых результатов и встроить оценку в управленческий цикл [6].

С учётом специфики промышленных МСП и условий цифровизации наибольший потенциал имеет адаптированная комбинированная модель оценки, сочетающая элементы индикаторного и интегрального подходов в рамках системной управленческой логики. В такой модели показатели устойчивого развития дополняются параметрами цифровой зрелости предприятия, отражающими уровень автоматизации процессов, качество данных и использование цифровых инструментов управления. Это позволяет учитывать влияние цифровизации не изолированно, а как фактор, формирующий устойчивость предприятия в долгосрочной перспективе [7].

Таким образом, анализ подходов к оценке устойчивого развития показывает, что для промышленных МСП в условиях цифровизации наибольшую практическую значимость имеют адаптированные системные и интегральные модели оценки, ориентированные на управленческую применимость результатов. Интеграция показателей устойчивого развития и цифровой зрелости позволяет повысить аналитическую ценность оценки и обеспечить её использование в процессе принятия управленческих решений. Данные положения создают основу для формирования прикладной логики оценки устойчивого развития промышленных МСП, ориентированной на мониторинг и обратную связь, что будет рассмотрено в следующем разделе статьи.

Логика интеграции цифровых факторов в оценку устойчивого развития промышленного МСП

Проведённый анализ проблем и существующих подходов к оценке устойчивого развития промышленных МСП показывает, что ключевым методическим вызовом в условиях цифровизации является не столько выбор отдельных показателей, сколько их согласование в рамках единой логики оценки. Для промышленного МСП важно, чтобы оценка устойчивого развития отражала реальные управленческие процессы и позволяла увязать цифровые инициативы с результатами деятельности предприятия.

В этой связи интеграция показателей устойчивого развития и цифровой зрелости должна строиться на принципе управленческой применимости и минимальной избыточности. В отличие от крупных корпораций, промышленные МСП не располагают возможностью поддерживать сложные

многоуровневые системы показателей, поэтому интеграционная модель должна быть компактной, но информативной.

В основе интеграции лежит разделение показателей на результативные и факторные. К результативным относятся показатели, отражающие экономическую, социальную и экологическую устойчивость предприятия (финансовая стабильность, производственная эффективность, условия труда, ресурсная эффективность). К факторным — показатели цифровой зрелости, характеризующие способность предприятия использовать цифровые технологии для достижения устойчивых результатов (уровень автоматизации процессов, качество управленческих данных, цифровые компетенции персонала) [6].

Практическая логика интеграции предполагает, что цифровая зрелость рассматривается не как самостоятельная цель развития, а как фактор, влияющий на динамику показателей устойчивости. Это означает, что оценка цифровых инициатив должна осуществляться через призму их вклада в устойчивые результаты, а не только по факту внедрения цифровых решений. Такой подход позволяет избежать ситуации, при которой цифровизация формально присутствует в деятельности предприятия, но не приводит к повышению устойчивости.

С точки зрения организации оценки целесообразно использовать двухуровневую схему. На первом уровне формируется система базовых показателей устойчивого развития, сгруппированных по ключевым направлениям. На втором уровне осуществляется оценка цифровой зрелости предприятия, результаты которой используются для интерпретации и корректировки итоговой оценки устойчивости. В результате формируется интегральная оценка, отражающая не только текущее состояние предприятия, но и его адаптационный потенциал в условиях цифровизации [7].

Важным элементом интеграционной логики является мониторинг и обратная связь. Оценка устойчивого развития должна проводиться на регулярной основе и быть встроенной в управленческий цикл. Результаты оценки используются для корректировки портфеля цифровых инициатив, приоритетов инвестирования и системы ключевых показателей эффективности. Таким образом, оценка устойчивости превращается из разовой аналитической процедуры в инструмент управленческого сопровождения цифровой трансформации промышленного МСП.

Следует подчеркнуть, что предлагаемая логика интеграции не предполагает жёсткой унификации показателей. Напротив, состав и детализация показателей должны адаптироваться к отраслевой специфике, масштабу предприятия и уровню его цифровой зрелости. Это позволяет сохранить баланс между научной обоснованностью оценки и её практической применимостью в условиях ограниченных ресурсов.

Интеграция показателей устойчивого развития и цифровой зрелости в едином оценочном контуре позволяет повысить управленческую ценность оценки и обеспечить её использование в процессе принятия решений. Рассмотренная логика ориентирована на адаптацию оценки к условиям функционирования промышленных МСП и учёт цифровых факторов как источника устойчивости, а не как изолированного направления развития. В совокупности это создаёт основу для формирования прикладных инструментов оценки устойчивого развития, ориентированных на поддержку цифровой трансформации промышленного МСП.

Заключение

Проведённое исследование показало, что оценка устойчивого развития промышленных малых и средних предприятий в условиях цифровизации сталкивается с рядом системных ограничений, обусловленных спецификой сектора МСП, ресурсными ограничениями и недостаточной адаптацией существующих методик к современным условиям хозяйствования. Установлено, что традиционные подходы к оценке устойчивости, ориентированные преимущественно на крупные предприятия, не в полной мере отражают реальные управленческие процессы и адаптационный потенциал промышленных МСП.

В работе обосновано, что в условиях цифровизации устойчивое развитие промышленного МСП целесообразно рассматривать как результат функционирования системы управления, в рамках которой цифровые инициативы выступают фактором формирования устойчивых экономических, социальных и экологических результатов. Показано, что разрыв между процессами цифровизации и оценкой устойчивости снижает управляемость цифровых преобразований и повышает риск неэффективных управленческих решений.

Анализ существующих подходов к оценке устойчивого развития позволил сделать вывод о целесообразности их адаптации с учётом уровня цифровой зрелости предприятия. Наибольшую практическую значимость для

промышленных МСП имеют комбинированные модели оценки, сочетающие индикаторный и интегральный подходы в рамках системной управленческой логики. Интеграция показателей устойчивого развития и цифровой зрелости в единое оценочном контуре позволяет повысить аналитическую и управленческую ценность оценки, а также обеспечить её использование в процессе мониторинга и корректировки управленческих решений.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности применения предложенной логики оценки устойчивого развития в деятельности промышленных МСП при ограниченных ресурсах и различном уровне цифровой зрелости. Результаты исследования могут быть использованы при формировании управленческих решений в сфере цифровой трансформации предприятий, а также служить методологической основой для дальнейших исследований, направленных на разработку прикладных инструментов и методик оценки устойчивого развития промышленных МСП в условиях цифровизации.

Список литературы

1. Бобылев С. Н. Экономика устойчивого развития : учебное пособие. М. : Экономика, 2022. 320 с.
2. Глазьев С. Ю. Управление развитием экономики в условиях технологических сдвигов. М. : Проспект, 2021. 304 с.
3. Ильин И. В., Клюкин М. С. Методология оценки цифровой зрелости предприятий. М. : ГАСИС, 2021. 76 с.
4. Каплан Р., Нортон Д. Сбалансированная система показателей: от стратегии к действию. М. : Олимп-Бизнес, 2004. 320 с.
5. Левушкина С. В. Основы устойчивого развития бизнеса. Ростов н/Д : Феникс, 2019. 215 с.
6. Ручкина Г. Ф., Демченко М. В., Бакулина А. А. Устойчивое развитие малого и среднего бизнеса: финансово-экономическое и правовое регулирование. М. : Прометей, 2020. 336 с.
7. Сухарев О. С. Экономика и управление устойчивым развитием. М. : Финансы и статистика, 2012. 412 с.
8. Ансофф И. Стратегическое управление. М. : Экономика, 1989. 519 с.

9. Змияк С. С., Ручкина Г. Ф. Проблемы устойчивого развития экономики России // Экономический журнал. 2019. № 2. С. 45–56.

10. Ильин И. В., Клюкин М. С. Цифровая трансформация предприятий: методологические подходы и управленческие решения // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2021. № 3. С. 45–59.

11. Левушкина С. В. Формирование механизма обеспечения устойчивости развития малого и среднего предпринимательства // В мире научных открытий. 2014. № 11. С. 1511–1525.

12. Пономарёв А. П., Артемьев Д. В. ESG-подход в деятельности компаний: принципы, практика, перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2021. Т. 37, № 4. С. 584–604.

13. Федеральный закон Российской Федерации «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» : федер. закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. действующая). Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».

14. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 02.06.2023 № 1515-р. Доступ из справ.-правов. системы «Гарант».

15. Индикаторы цифровой экономики – 2025 : статистический сборник / ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. М., 2025. URL: https://issek.hse.ru (дата обращения: 10.12.2025).

16. Перспективы малого и среднего предпринимательства и предпринимательства – 2023 / Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Париж : OECD Publishing, 2023. URL: https://www.oecd.org/industry/smes/entrepreneurship-outlook/ (дата обращения: 10.12.2025).

© Смелов А.Ю.

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ВЕДУЩИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОЦЕССОВ ДВИЖЕНИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ

Перцева Ольга Александровна
к.ф.н., старший преподаватель
Краснодарское высшее военное авиационное
училище лётчиков

Аннотация: В статье рассматриваются ведущие глагольные механизмы языковой репрезентации процессов движения и пространственного перемещения в английском языке. Анализируются лексико-семантические группы глаголов движения, прототипические глаголы и фразовые глагольные конструкции с постпозитивными элементами, раскрывается роль семантических модификаторов в уточнении направленности, траектории и характера движения.

Ключевые слова: глаголы движения; пространственное перемещение; фразовые глаголы; семантические модификаторы; лексико-семантическая группа; направленность движения; английский язык.

LEADING VERBAL MECHANISMS OF LINGUISTIC REPRESENTATION OF MOVEMENT PROCESSES AND SPATIAL MOVEMENT

Pertseva Olga Alexandrovna

Abstract: This article examines the leading verb mechanisms of linguistic representation of movement and spatial displacement in English. It analyzes lexical-semantic groups of verbs of motion, prototypical verbs, and phrasal verb constructions with postpositional elements, revealing the role of semantic modifiers in clarifying the direction, trajectory, and nature of movement.

Key words: verbs of motion; spatial displacement; phrasal verbs; semantic modifiers; lexical-semantic group; direction of movement; English language.

Основным способам вербализации движения глагольными средствами в английском языке, анализируются ведущие глагольные механизмы языковой репрезентации процессов движения и пространственного перемещения.

Т.С. Сидорович рассматривает английские глаголы перемещения как особую лексико-семантическую группу, объединённую категориальной лексической семой «перемещение в пространстве», которая выступает семантическим признаком высшего уровня для всех единиц с аналогичными значениями. Разграничение элементов данной ЛСГ осуществляется на основе интегральных сем, отражающих такие параметры, как способ осуществления движения, среда его реализации, характер и степень интенсивности перемещения. Выделяемые абстрактные семантические категории репрезентируют отдельные стороны реальных ситуаций движения и выявляются путём сопоставительного анализа всех единиц группы, а также исследования их дистрибутивных особенностей (Сидорович, 2004).

Лексико-семантическую организацию английских фразовых глаголов движения come, fly, go, run, swim, walk в сочетании с постпозитивными элементами up, down, in, out, ahead, forth, back, away, off, a(round), about целесообразно описывать с опорой на понятия категориальной, интегральной и дифференциальной сем. Прежде чем перейти к анализу функционирования указанных единиц в контексте, представляется необходимым рассмотреть данные глаголы в их базовых значениях, что позволяет наиболее полно реконструировать их семантическую структуру и составляющие её компоненты.

Ключевые пространственные параметры самостоятельного движения субъекта, такие как направленность и траектория, получают в современном английском языке лексическое выражение преимущественно через фразовые глаголы движения. Их семантика акцентирует наличие либо отсутствие конкретного или заданного направления движения, ориентир или цель, к которой стремится субъект, а также линию или путь, по которому осуществляется перемещение.

Таким образом, совокупность глаголов движения и перемещения может быть классифицирована в ряд лексических групп, объединённых общим понятием «движение / перемещение». Основанием для такой группировки служит инвариантная сема «изменение местоположения в пространстве», а также система абстрактных категориальных признаков, включающих характер движения, способ и среду передвижения, а также его направленность.

В рамках рассмотрения онтологических и функциональных характеристик фразовых глаголов движения с категориальной семой «перемещение в пространстве» в английском языке в качестве базовых, или прототипических, единиц анализируются глаголы go, come, jump, fly, walk, run в сочетании с послелогами in, out, up, down, off, away, about, around. Данные фразовые глаголы репрезентируют обобщённое значение движения и отличаются высокой функциональной активностью в текстах английской художественной литературы XX века.

Выбор именно этих глагольных единиц в качестве прототипов носит в определённой мере условный характер, поскольку классификация глаголов движения была сформирована на основе комплексного подхода: с учётом лексикографических источников, используемых для определения семантического объёма глаголов, а также данных функционально-семантического анализа и показателей их частотности в художественных текстах.

Выбор указанных глаголов в качестве прототипических обусловлен их высокой частотностью и продуктивностью в образовании фразовых глаголов. Кроме того, при отборе учитывалось положение Дж. Лакоффа о базовом уровне категоризации, к которому относятся конкретные типы действий, такие как run, go, turn, то есть наиболее нейтральные и частотно употребляемые лексемы. Более специализированные способы передвижения, напротив, соотносятся с более низким, субкатегориальным уровнем.

Показательно, что в сочетании с послелогами центральное место в концептуальном поле «перемещение в пространстве» занимают глаголы come и go, поскольку соответствующий признак в их семантике представлен в максимально обобщённом виде. Как отмечает Н.Л. Шамне, параметры, связанные со способом движения, для этих глаголов оказываются второстепенными. Они передают лишь общее пространственное соотнесение, тогда как конкретные характеристики среды перемещения, направления и скорости каждый раз уточняются контекстуально — посредством наречий, обстоятельств и иных уточняющих элементов (Шамне, 2000). Именно поэтому данные глаголы демонстрируют высокую сочетаемость практически со всеми послелогами.

Семантические модификаторы представляют собой элементы наречного происхождения, которые при взаимодействии с глаголами движения и

пространственного перемещения способны конкретизировать, дополнять или в значительной степени трансформировать их значение.

В английском языке семантические модификаторы образуют особый подкласс единиц пространственно-направленной семантики. К данной группе относятся глагольно-наречные сочетания, в которых сохраняется исходное конкретное значение глагольного компонента (обозначение движения) и базовая пространственная семантика постпозитивного элемента. К таким образованиям относятся, например, сочетания come in («входить») и go out («выходить»). Подобные фразовые глаголы характеризуются прозрачной мотивацией: их общее значение формируется как сумма значений обоих компонентов, не подвергшихся семантическому сдвигу. Присоединяясь к глаголу, семантический модификатор уточняет направление действия, при этом связь между компонентами носит свободный характер.

Например: He came up the stairs from the basement, looking this way and that for the scented flower of cloth and wire. — Он стал подниматься по лестнице из подвала, оглядывая ступеньки в поисках надушенного матерчатого цветочка на проволоке.

Значения, связанные с послелогом down, реализуются при его сочетании с глаголами однонаправленного движения, образуя конструкции типа come down, go down, jump down, run down и др. Эти значения формируют единую семантическую парадигму, основанную на общем компоненте направленности вниз, что обусловлено вертикальным характером движения.

При модификации глаголов однонаправленного перемещения семантический модификатор down выражает значение спуска:

We came out of the wood and went down the slope. — Мы вышли из рощи и спустились с холма.

В результате подобного движения субъект изменяет своё пространственное положение, осуществляя перемещение вниз, что может реализовываться и в переносных значениях:

Several trees came down in last night’s storm. — Во время вчерашнего урагана упало несколько деревьев.

Three of the enemy planes came down in the battle. — В бою были сбиты три вражеских самолёта.

The old hotel is coming down, and a new one is to be built. — Старый отель будет снесён, и на его месте построят новый.

Значения, связанные с послелогом up, возникают при его присоединении к глаголам однонаправленного движения, образуя сочетания come up, go up, jump up, run up, fly up, walk up. Эти структуры объединяются общим семантическим компонентом направленности вверх, также основанным на вертикальной оси движения.

Список литературы

1. Сидорович Т.С. Глаголы движения в современном английском языке. Минск: БГУ, 2004.
2. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
3. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1–2. Cambridge: MIT Press, 2000.
4. Шамне Н.Л. Семантика и функционирование глаголов движения в английском языке. Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2000.
5. Lindner S.A Lexico-Semantic Analysis of English Verb Particle Constructions. Bloomington: Indiana University Linguistics Club, 1983.

© Перцева О.А.

МЕТАФОРА В КОГНИТИВНОМ И ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕСЕН)

Буланкина Юлия Романовна
студент
Научный руководитель: **Галимова Халида Нурисламовна**
к.ф.н., доцент
ЧОУ ВО «Казанский Инновационный
университет им. В.Г. Тимирясова»

Аннотация: В статье особое внимание уделяется анализу метафоры как одному из главных стилистических тропов в когнитивном и лингво-стилистическом аспектах на примере современных англоязычных текстов. Подчеркивается важность и необходимость изучения метафоры не только для украшения текста, но и для передачи эмоций, для создания нетривиальных образов, передачи абстрактных идей или сложных мыслей и отношения к миру и людям. Когнитивная роль метафоры позволяет воспринимать и осмыслять действительность, создавать картину мира.

Ключевые слова: метафора, когнитивная линвистика, стилистика, риторика, метафоризация, картина мира.

METAPHOR IN COGNITIVE AND LINGUOSTYLISTIC ASPECTS (BASED ON THE LYRICS OF MODERN ENGLISH-LANGUAGE SONGS)

Bulankina Julia Romanovna
Scientific adviser: **Galimova Khalida Nurislamovna**

Abstract: This article focuses on the analysis of metaphor as one of the main stylistic tropes in cognitive and linguostylistic aspects, using contemporary English-language texts as an example. It emphasizes the importance and necessity of studying metaphor not only for textual embellishment but also for conveying emotions, creating nontrivial images, and conveying abstract ideas or complex thoughts and

attitudes toward the world and people. The cognitive role of metaphor allows us to perceive and comprehend reality and create a picture of the world.

Key words: metaphor, cognitive linguistics, stylistics, rhetoric, metaphorization, picture of the world.

Метафора — один из ключевых и самых распростарнённых стилистических приёмов в самых разных языках мира. Он не только придаёт высказыванию эмоциональную окраску, но и помогает автору выразить сложные идеи и мысли.

В современной лингвистике особый интерес к понятию метафоры проявляют такие науки как стилистика, лексикология и лексикография. Они рассматривают метафору как основное средство вторичной номинации [6, с. 13]. Традиционно метафора рассматривалась учёными как «перенос наименования с одного предмета (явления, действия, признака) на другой на основе их внутреннего или внешнего сходства» [1, с. 133]. Однако во второй половине XX века появилась новая интерпретация понятия метафоры связананной с когнитивной наукой.

По наблюдению Демьянкова «когнитивная лингвистика может быть определена как «направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм» [4, с. 21].

Первое авторитетное исследование сущности метафоры было представлено древнегреческим учёным Аристотелем. Он выделял четыре разновидности переноса: «С рода на вид», «С вида на род», «С вида на вид», «По аналогии». первоочерёдно уделял внимание именно практической стороне вопроса метафоры, а именно целям и способам функционирования метафоры в речи.

Была и противоположная точка зрения. Так, в эпоху Нового времени Дж. Локк и Г. Гоббс, утверждали, что метафора— атавизм современной речи. Что это не только совершенно ненужное украшение мысли, но и источник заблуждения и некой фальсификации фактов.

Одним из важнейших исследований, посвящённых метафоре, является исследование М. Блэка — «Метафора». В ней он выдвигает три основополагающих взгляда на метафору. Это субституциональная, сравнительная и интеракционистская концепции. С точки зрения субституциональной концепции предполагается, что метафора используется

вместо некого эквивалентного выражения с буквальным значением. С точки зрения субституциональной концепции замена буквального значения выражения на метафорическое объясняется двумя причинами. Первая — отстутсвие в языке лексических лакун (буквального эквивалента). Вторая — стилистические соображения. Под ними понимается использование метафоры в качестве доставление читателю удовольствие, делая целью метафоры — развлечение. И наконец, с точки зрения сравнительной концепции, предложенной М. Блэком, «в основе метафоры лежит демонстрация сходства или аналогии» [6, с. 45]. В данной концепции Блэк позиционирует метафору как «эллиптическое или сжатое сравнение» [6, с. 45].

Блэк также выдвигает тезис о метафорической фильтрации: «метафора отбирает, выделяет и организует одни, вполне определенные характеристики главного субъекта, и устраняет другие» [7, с. 53]. Помимо теорий Блэка существуют также другие теории метафоры. Так, Ортони предложил «Теорию уподобления и метафоры» (1942 г). В ней учёный соглашается с выводами предшественников, утверждая, что метафору нельзя отождествлять со сравнением.

Существует также классификация метафор. Она была представлена Н.Д. Арутюновой в 1998 году. Согласно данной классификации существует четыре основных типа языковой метафоры:

- номинативная метафора (перенос названия)— замена одного значения другим. Пример: *слово «завод» используется как для обозначения промышленного предприятия, так и его работников;*
- образная метафора (перенос свойств одного предмета на другой с созданием яркого образа) — характеризуется сочетанием реальных свойств объекта и образного компонента. Пример: *«Тоска необъятная жрала его, и безымянный червь точил его сердце» (Николай Гоголь).* Здесь через метафоры *«тоска жрала»* и *«червь точил сердце»* автор передаёт тяжелое эмоциональное состояние лирического героя;
- когнитивная метафора — возникает в результате сдвига сочетаемости придикативных слов. В результате создаёт полисемию. Пример: жизнь часто сравнивают с дорогой: *«стоять на перепутье», «сбился с пути»* социокультурная (включающая также социолингвистическую, предметную или тематическую, общекультурную и страноведческую компетенции);

- генерализующая метафора — данный вид метафоры стирает границы между логическими порядками в лексическом значением слова или выражания, создавая при этом логическую полисемию. Пример: *«Мы пьем из чаши бытия с закрытыми глазами» (М.Ю. Лермонтов.)*

Существует также альтернативная типология метафор, которая была предложена М.В. Никитиным. Её суть заключается в различии сходств признаков объекта. По данной типологии, если сравнение проводится между аналогически сравниваемыми вещами, то мы имеем дело с онтологической метафорой, которая в свою очередь подразделяется на прямую и структурную. В прямой метафоре признаки описываемого объекта имеют схожую природу (например, «медведь» — это и животное, и неуклюжий человек).

Помимо приведённых выще типологий, существует также два типа метафор, которые предложили Дж. Лакофф и М. Джонсон. Это онтологическая метафора — метафора, которая рассматривает действия, эмоции, мысли как некую абстрактную субстанцию. Пример: *the mind is an entity, the mind is a fragile thing.* А также ориентационные (ориентированные) метафоры — метафоры, организующие всю систему концептов в отношении друг к другу. Примеры: *happy is up, sad is down; conscious is up, unconscious is down.*

Некоторые учёные также выделяют дополнительный тип метафоры. Так, по определению Масленниковой, «под грамматической метафорой в лингвистике понимается намеренный перенос категориальных признаков одной грамматической категории в сферу действия другой грамматической категории с целью создания нового дополнительного смысла, который уже не обязательно является грамматическим» [8, с. 67].

В конце 70-х годов прошлого века учёные-лингвисты проявляют интерес к когнитивной науке в разрезе языкознания, изучая влияние когнитивных структур на речевую реализацию. Так возникла новая отрасль языкознания— когнитивная лингвистика. Данное направление занимается исследованием языка как главного инструмента получения, обработки и передачи информации, а также как один из способов человека познавать окружающий мир. В данной области главенствующую позицию занимает семантика. Основным объектом изучения семантики является значение слов. Когнитивные лингвисты особое внимание уделяют таким понятиям как регулярная полисемия, ментальные репрезентации, прототипичность, когнитивные модели и прочие. Стоит отметить, что особую роль в когнитивной лингвистике учёные отводят теории

метафоры. Таким образом, сейчас метафору рассматривают как одну из ключевых ментальных операций, а также как способ познания, категоризации и оценки окружающего мира. В разрезе когнитивной лингвистики так же необходимо сказать о метафорическом переосмыслении. Метафорическое переосмысление— это когнитивный процесс, в ходе которого говорящий или автор устанавливает взаимоотношение на основе общих признаков, тем самым и создавая метафору. При когнитивном переосмыслении говорящий использует долговременные участки памяти.

Особое место в системе теорий когнитивной лингвистики занимает теория, разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Суть теории заключается в том, что метафора как языковое средство существует благодаря тому, что понятийная система человека в основе своей метафорична. Это означает, что основное свойство человеческого мышления — это способоность осмыслить и описать явления одного рода в терминах другого. Лакофф говорил: «Метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути».

Когнитивная роль метафоры чаще всего проявляется в художественных произведениях. Через свои функции, механизмы возникновения и примеры использования метафора как инструмент познания позволяет воспринимать и осмыслять действительность, создавать картину мира.

Тексты песен так же могут быть интепретированы как художественные произведения, поэтому наличие метафор и метафорических конструкций в них вполне естественно и закономерно. Зачастую их, как и в худодожественных произведениях, используют для создания нетривиальных образов, передачи абстрактных идей или сложных мыслей. Очень часто метафоры в песнях, как и в художественных текстах, настолько часто употребляются, что идентифицировать их в тексте бывает сложно: «Метафоры вплетены в ткань нашего языка. Некоторые из них мы используем настолько часто, что перестаём воспринимать их как метафоры. «Лес рук», «прошло как по маслу», «ручка двери» — типичные примеры этих стёртых метафор» [надежда грицкевич].

Ниже приведены некоторые из проанализированных нами метафор в текстах современных англоязычных песен.

- Adele — Set fire to the rain

«I set fire to the rain» — «я поджёг дождь» (дословно). Данная метафора описывает действие, невозможное в природе, так как дождь физически не может зажечься. Именно это взаимодействие противоречивых понятий описывает суть метафоры, передавая внутренний конфликт лирического героя, его смятение и мучительное состояние выбора, некий эмоциональный катарсис.

- Kendrick Lamar & SZA — All the stars

«All the stars approach you» — «Звёзды приближаются к тебе». Данная метафора может быть интерпретирована по-разному, но вероятнее всего автор подразумевал следующее значение. Звёзды зачастую иллюстрируют новые возможности, заветные желания и цели. Так, автор, используя данную метафору, говорит о том, что всё то, о чём мечтает слушатель, приближается к нему и очень скоро осуществится.

«Skin covered in ego» — «Кожа, покрытая эгоизмом». Данная метафора описывает ситуацию, когда человек буквально «обёрнут» своим же эго, тем самым разрушая свою личность. Его гордыня теперь становится не только частью его внутренней душевной организации, но и словно вырывается наружу, становясь неотъемлемой частью внешнего облика.

- Adele — Someone like you

«I hate to turn up out of the blue, uninvited» — «Я ненавижу появляться из неоткуда/будучи неприглашённой». Данное устойчивое выражение означает «появиться из неоткуда, внезапно».

«You know how the time flies» — «Ты знаешь как летит время». Данное устойчивое выражение означает «время летит/время бежит».

- Frank Sinatra — Fly me to the Moon

«Fly me to the moon» — «Отвези меня на луну». Данная метафора очень часто используется в песнях. Конкретно в данном случае Фрэнк Синатра использует эту метафору чтобы описать сильное чувство любви, вдохновения и восторженности. Лирический герой ощущает невероятный эмоциональный подъём и бесконечное счастье. Однако, зачастую эту метафору в текстах других песен можно интепретировать как желание сбежать от реальности, забыться.

«Let me play among the stars» — «Позволь мне играть среди звёзд». Данная метафора может быть интепретирована как ощущение возможности лирического героя реализовать любое желание и мечту на фоне сильного эмоционального подъёма и вдохновения.

Таким образом, можно заметить, что большинство метафор в проанализированных современных англоязычных песнях использованы в качестве передачи чувств, так или иначе связанных с романтическими отношениями. Они могут описывать как чувства любви и эмоционального подъёма на фоне влюблённости, так и чувства разочарования, несправедливости, отчаяния, потери на фоне романтических переживаний.

Пользуясь метафорой, как средством выразительности каждый автор песен, гармонизируя метафору со стилистическим рисунком своего мировосприятия порождает свои, индивидуально-авторские, метафорические образы, оригинально интерпретирующие окружающий мир, выделяя особо значимые для слушателей дискурсивные жизнесмыслы.

Данную тенденцию использования метафоры можно проследить не только в текстах современных англоязычных песен, но и в художественной литературе — как в прозе, так и в поэзии.

Список литературы

1. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – 4-е изд., испр. – М.: Айрис-Пресс, 2002. – С.4-48.

2. Грин Н.В. Метафора как троп, фигура речи: М. : Вестник Астраханского Государственного Аграрного Университета // Том 1, № 18, 2024, С. 3-33.

3. Демьянков В.З. Когнитивные исследования языка // гл. ред. серии Н.Н. Болдырев // М. : М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2018. – С. 2-54.

4. Державина М.В. Метафора как ключевой троп художественного текста // Рос. ассоцц. лингвистов //. — М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. — С.1-94 с.

5. Киселёва С.В. Очерки по когнитивной теории концептуальной метафоры.М.:Высшая Школа Экономики, 2012. — С. 2-13 с.

6. Ли Янь. Когнитивная метафора в кинотексте. М. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2021. С. 2-35 с.

7. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: // Уч. пособие. // – М. : Флинта; Наука, 2004. С. 2-96.

8. Полозова И.В. Метафора как средство философского и научного познания: автодиссертация доктора философских наук // Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова // М. : Филос. Фак. — Москва, 2003, С. 3-60 с.

9. Davidson D. What Metophors Mean? 1978, С. 3-21 с.

© Буланкина Ю.Р., 2025

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СКАЗУЕМОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Зоря Анна Сергеевна
студент
Научный руководитель: **Борисова Любовь Петровна**
к.ф.н., доцент
Ставропольский государственный
педагогический институт (СГПИ)

Аннотация: В статье исследуются способы выражения сказуемого как ключевого элемента синтаксической организации художественного текста. На материале произведений русской классической (И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, И.А. Бунин, А.С. Пушкин) и современной (А.В. Сальников, Г.Ш. Яхина) прозы проводится сопоставительный анализ функционирования глагольных, именных и составных сказуемых. Цель работы — выявить специфику и эволюцию синтаксических предпочтений в зависимости от авторского стиля, жанровых задач и историко-литературного контекста. Установлено, что доминирование глагольных сказуемых обеспечивает событийную динамику, в то время как именные и составные структуры отвечают за психологизацию, статичное описание и передачу внутренних состояний. Выявлена тенденция к синтаксическому «уплотнению» в современной прозе, проявляющаяся в росте доли кратких форм и минималистичных конструкций, причем у разных авторов эта тенденция реализуется в различных стилистических регистрах. Результаты демонстрируют, что выбор типа сказуемого является значимым маркером индивидуального авторского стиля и жанровой поэтики.

Ключевые слова: сказуемое, синтаксис художественного текста, авторский стиль, глагольное сказуемое, именное сказуемое, составное сказуемое, русская проза, классическая литература, современная литература.

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE SCALAR IN FICTIONAL PROSE: DIACHRONIC ASPECT

Zorya Anna Sergeevna
Scientific adviser: **Borisova Lubov Petrovna**

Abstract: The article explores ways of expressing the predicate as a key element of the syntactic organization of a literary text. Based on the works of Russian classical literature (I.S. Turgenev, F.M. Dostoevsky, A.P. Chekhov, I.A. Bunin, and A.S. Pushkin) and contemporary literature (A.V. Salnikov and G.Sh. Yakhina), the article provides a comparative analysis of the functioning of verbal, nominal, and compound predicates. The purpose of the work is to identify the specifics and evolution of syntactic preferences depending on the author's style, genre objectives, and historical and literary context. It has been established that the dominance of verbal predicates ensures event dynamics, while nominal and compound structures are responsible for psychologization, static description, and conveying internal states. The study reveals a tendency towards syntactic "condensation" in modern prose, manifested in an increase in the use of short forms and minimalist constructions, with different authors realizing this tendency in different stylistic registers. The results demonstrate that the choice of predicate type is a significant marker of individual authorial style and genre poetics.

Key words: predicate, syntax of a literary text, author's style, verbal predicate, nominal predicate, compound predicate, Russian prose, classical literature, modern literature.

Сказуемое, будучи структурно-смысловым центром предложения, в художественном тексте приобретает особый функциональный статус. Оно выступает не только как грамматическая категория, но и как важнейший инструмент авторской экспрессии, участвующий в создании ритма, образности и психологической глубины повествования [1].

А.А. Логачева, Н.Л. Ермакова подчеркивают: «Исследование способов выражения сказуемого в диахроническом разрезе — от классики XIX века к прозе XXI века — позволяет проследить эволюцию синтаксических стратегий в русской литературе и выявить устойчивые связи между типом сказуемого, жанром и индивидуальным стилем писателя. Внимание к сказуемому в аспекте актуализации — смыслового выделения ключевых элементов высказывания — открывает путь к пониманию его текстообразующей роли» [4].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного описания языковой специфики художественного текста через призму его центрального синтаксического компонента.

Цель статьи — проанализировать структурно-семантические особенности и функциональную нагрузку различных типов сказуемого в художественной прозе, выявив закономерности их употребления у авторов разных эпох. Материалом исследования послужили произведения А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехов, И.А. Бунина (классический период), а также А.В. Сальникова и Г.Ш. Яхиной (современный период).

В соответствии с традиционной классификацией [3; 5; 7] в анализируемых текстах выделяются три основных типа сказуемого: простое глагольное (ПГС), именное (ИС) и составное глагольное (СГС), каждый тип выполняет в повествовании строго определённые функции.

Мы разделяем мнение Л.Н. Голайденко, что простое глагольное сказуемое является основным двигателем сюжета. [2] Личные формы глагола передают последовательность и динамику событий, создавая «эффект присутствия» читателя в момент действия: «Старцев вошёл в дом и остановился в передней» (А.П. Чехов). Два ПГС выстраивают четкую пространственную логику движения. «Раскольников поднялся и прошёл в другую комнату» (Ф.М. Достоевский). Глаголы передают импульсивность, внутреннее напряжение героя [7].

Особую семантическую нагрузку несет инфинитив в роли сказуемого, придающий высказыванию обобщённо-афористичный или экзистенциальный характер: «Любить — значит видеть чудо» (И.А. Бунин); «Болеть — это как вторая работа» (А.В. Сальников, «Петровы в гриппе и вокруг него»). Подобные конструкции актуализируют не конкретное действие, а его концепт, вынося его в ранг философской максимы или, как у Сальникова, ироничного житейского наблюдения [4].

Именное сказуемое служит целям характеристики, оценки и описания статических состояний. Наиболее частотны конструкции с существительным и прилагательным (полным и кратким): «Он был человек необыкновенный» (Ф.М. Достоевский). Существительное дает обобщённую характеристику. «Анна Сергеевна была прекрасна» (А.П. Чехов). Краткая форма прилагательного передает качество в его актуальном, почти вневременном проявлении, создавая лаконичный и выразительный портрет. «Зулейха слаба»

(Г.Ш. Яхина). Краткое прилагательное фиксирует физическое и эмоциональное состояние, усиливая драматизм сцены. В прозе А.В. Сальникова ИС часто служит для создания гротескного, отстраненного описания: «Грипп был серьёзный, почти мифологический». Здесь именное сказуемое не просто характеризует, а порождает неожиданную, гиперболизированную образность, свойственную поэтике автора.

Высокой экспрессивностью обладают ИС с местоименным компонентом: «Это он!» (А. С. Пушкин), маркирующие момент узнавания или категоричного утверждения.

Составное глагольное сказуемое (СГС) и составное именное сказуемое (СИС) отражают сложную внутреннюю динамику. СГС с фазисными (начать, продолжать, стать) и модальными (мочь, хотеть, долженствовать) компонентами передает процессуальность, длительность или субъективную оценку действия: «Он начал понимать своего отца» (И.С. Тургенев). Фазисный глагол акцентирует момент зарождения понимания. «Он мог простоять так целый час» (А.В. Сальников). Модальный компонент здесь передает не столько возможность, сколько привычное, почти автоматическое состояние, характерное для героев в бреду или глубокой апатии.

СИС с полузнаменательными глаголами-связками (казаться, представляться, слыть) представляет особый интерес. Как показано в исследованиях, такие связки функционируют как операторы скрытого сравнения или уподобления, внося в высказывание значение субъективности восприятия [2]. Например: «Всё это казалось ей бессмысленным». Здесь сказуемое не констатирует факт, а передаёт точку зрения героини, создавая дистанцию между восприятием и объективной реальностью. У Сальникова эта субъективность доводится до предела, сливаясь с галлюцинаторным сознанием персонажа: «Потолок казался ему океанским дном». Связка «казаться» становится маркером распада реальности.

Особые случаи: Краткие причастия («Комната была убрана» – А.П. Чехов) обозначают результат действия, завершённое состояние.

Анализ источников по теме исследования выявил устойчивые корреляции между типом сказуемого, жанровыми форматами и историко-литературной эпохой.

В масштабных романах Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского наблюдается синтаксическое разнообразие: ПГС двигают сюжет, а развернутые СИС и СГС

обеспечивают психологическую глубину и аналитичность. Романы И.С. Тургенева демонстрирует ритмическое чередование: динамичные цепочки ПГС («вышел, остановился, оглянулся») сменяются статичными ИС («был удивлён»), создавая баланс между событием и рефлексией. Рассказ, особенно у А.П. Чехова, тяготеет к лаконизму: доминируют короткие ПГС («встал», «засмеялась»), а ИС в форме кратких прилагательных («бледен») служат кульминационными эмоциональными акцентами [7].

Сказуемое служит ярким маркером идиостиля. Так, для прозы И.С. Тургенева характерна тесная связь нюансированного сказуемого с системой уточняющих конструкций, которая детализирует действие или состояние, углубляя психологический портрет [3]. Напротив, А.П. Чехов достигает психологизма через предельную краткость и акцентность сказуемого. Современные авторы демонстрируют две различные стратегии в рамках общей тенденции к экономии: Г.Ш. Яхина использует весь спектр типов, приближаясь к классической модели, но с акцентом на семантически ёмкие краткие формы для драматизма. А.В. Сальников доводит «синтаксическое уплотнение» до крайности, используя короткие, часто нарочито простые или алогичные сказуемые для передачи расщепленного сознания и сюрреалистичности быта («Голова не соображала. Руки были ватными»).

Сравнительный анализ позволил выявить две основные стратегии с внутренней дифференциацией в современном периоде: Классическая проза (XIX – нач. XX вв.) характеризуется синтаксической полнотой и гармоничным сочетанием типов. Для нее типичны развернутые, «весомые» конструкции: ПГС в полной личной форме, ИС с полными прилагательными, сложные СГС. Это создает плавный, аналитический, описательный ритм.

Современная проза (кон. XX–XXI вв.) демонстрирует тенденцию к синтаксическому «уплотнению», которая, однако, реализуется по-разному:

В «историко-драматической» прозе (Г.Ш. Яхина) уплотнение служит усилению эмоционального удара и динамики, сохраняя ясность логических и причинно-следственных связей.

В «сюрреалистически-бытовой» прозе (А.В. Сальников) уплотнение и фрагментарность отражают распад логических связей, симультанность восприятия и глубокую интроспекцию, часто граничащую с бредом. Синтаксис становится зеркалом дезориентированного сознания. Эта эволюция

коррелирует с общими тенденциями семантического сжатия и актуализации смысла в лексике [6], а также с интересом к потоку сознания и маргинальным состояниям психики.

Заключение

Проведенный анализ подтвердил, что способы выражения сказуемого являются активным инструментом художественной семантики, а не пассивным грамматическим фоном.

1. Функциональная специализация типов сказуемого устойчива: ПГС формируют событийную динамику, ИС и СИС отвечают за характеристику и психологизацию, а СГС передают процессуальность и модальность, что уточняется в конкретном контексте [2].

2. Жанр диктует синтаксическую доминанту: роману свойственно разнообразие, повести — ритмическое чередование, рассказу — лаконизм и акцентность, что подтверждается на материале различных авторов [3; 7].

3. Диахронический сдвиг от классики к современности проявляется в движении от синтаксической полноты к экономии и фрагментарности. Эта тенденция ветвится: она служит как для усиления драматической четкости (Г.Ш. Яхина), так и для передачи распада связности восприятия (А.В. Сальников).

4. Выбор типа и формы сказуемого — значимый элемент идиостиля, маркирующий авторский почерк через ритмику и способ психологического анализа, часто строящийся на приёмах актуализации [4]. Стиль А.В. Сальникова, с опорой на короткие, диссонирующие сказуемые, — яркий пример того, как синтаксис становится доминантой в создании уникальной художественной реальности.

Таким образом, сказуемое выступает ключевым звеном в системе языковых средств, формирующих художественную картину мира. Его исследование открывает перспективы для дальнейшего сопоставительного анализа на более обширном корпусе текстов, включая жанровую и экспериментальную прозу.

Список литературы

1. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М.: Высшая школа, 2003. – 416 с.

2. Голайденко Л.Н. Полузнаменательные глаголы-связки с семантикой представления в составных именных сказуемых как операторы сравнения-уподобления в художественной прозе // Международный научный журнал «Символ науки». – 2015. – № 7. – С. 92–100.

3. Колыханова Е.Г. Особенности употребления синтаксических конструкций со значением уточнения в творчестве И.С. Тургенева (на материале романов «Накануне» и «Отцы и дети») // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2021. – № 1 (49). – С. 114–119.

4. Логачева А.А., Ермакова Н.Л. К вопросу об актуализации членов предложения в произведениях классической литературы // Теория языка и межкультурной коммуникации. – 2023. – Вып. 2. – С. 143–153.

5. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 443 с.

6. Сандакова М.В. О типах семантического синкретизма многозначного слова (на материале текстов современной художественной прозы) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2024. – № 6. – С. 291–298.

7. Сатина Т.В. Простое глагольное сказуемое в художественном контексте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 1. – С. 97–103.

© Зоря А.С., 2025

DOI 10.46916/29122025-3-978-5-00215-963-5

«ОЗЕРО ДАННЫХ» КАК МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ: ТЕРМИН ИЛИ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ

Дузенов Нурдаулет
студент
Научный руководитель: **Байкенова Кулаш Сеиловна**
Кызылординский университет имени Коркыт ата

Аннотация: Статья посвящена анализу лингвистического статуса метафоричных номинаций в ИТ-дискурсе на примере выражения «озеро данных». Рассматривается роль метафоризации как когнитивного и номинативного механизма формирования профессиональной лексики в условиях развития цифровых технологий. Особое внимание уделяется процессу концептуального переноса, обеспечивающему осмысление абстрактных технических понятий через соотнесение с концептуально доступными областями человеческого опыта. В работе проводится сопоставительный анализ метафоричной номинации *data lake* и неметафоричного термина *data warehouse*, что позволяет выявить функционально мотивированный характер метафоры в ИТ-дискурсе. Обосновывается пограничный лингвистический статус метафоричных единиц и их тенденция к терминологизации. Делается вывод о целесообразности рассмотрения выражения «озеро данных» как термина с метафорическим происхождением, отражающего специфику современного профессионального языка информационных технологий.

Ключевые слова: ИТ-дискурс, метафоризация, термин, метафоричная номинация, озеро данных.

THE «DATA LAKE» AS A METAPHORICAL CONSTRUCT: A TERM OR A PROFESSION

Duzenov Nurdaulet
Scientific adviser: **Baikenova Kulash Seilovna**

Abstract: The article is devoted to the analysis of the linguistic status of metaphorical nominations in IT discourse using the expression "data lake" as an

example. The article considers the role of metaphorization as a cognitive and nominative mechanism for the formation of professional vocabulary in the context of the development of digital technologies. Special attention is paid to the process of conceptual transfer, which provides an understanding of abstract technical concepts through correlation with conceptually accessible areas of human experience. The paper provides a comparative analysis of the metaphorical nomination of data lake and the non-metaphorical term data warehouse, which allows us to identify the functionally motivated nature of metaphor in IT discourse. The article substantiates the borderline linguistic status of metaphorical units and their tendency to terminologization. The conclusion is made about the expediency of considering the expression "data lake" as a term with a metaphorical origin reflecting the specifics of the modern professional language of information technology.

Key words: IT discourse, metaphorization, term, metaphorical nomination, data lake.

Метафоризация в ИТ-дискурсе выступает одним из ключевых когнитивных и лингвистических механизмов формирования профессиональной лексики. В условиях стремительного развития цифровых технологий именно метафора обеспечивает осмысление и номинацию абстрактных технических объектов и процессов через соотнесение их с концептуально доступными областями человеческого опыта. К таким исходным областям относятся, в частности, природные явления, пространственные образы, телесность и движение, что позволяет формировать наглядные и устойчивые наименования. В результате в ИТ-дискурсе закрепляются метафоричные номинации, такие как «баг», «облако», «веб-серфинг», «брандмауэр», которые соединяют известное и неизвестное, способствуя структурированию технического знания и эффективной профессиональной коммуникации. При этом подобные языковые единицы демонстрируют тенденцию к терминологизации, что актуализирует вопрос об их лингвистическом статусе в системе профессионального языка. В этом контексте особый интерес представляет выражение «озеро данных», активно функционирующее в современной ИТ-сфере и сочетающее в себе метафорическую образность с высокой степенью понятийной определённости. Анализ данного выражения позволяет выявить особенности взаимодействия метафоры и термина в профессиональном дискурсе и уточнить границы между терминологической и профессиональной лексикой.

Метафоризация является продуктивным способом формирования лексики в профессиональном ИТ-дискурсе, поскольку обеспечивает номинацию новых, абстрактных объектов и процессов через соотнесение их с уже существующими концептуальными моделями. В основе данного механизма лежит концептуальный перенос, при котором элементы конкретной и когнитивно доступной области опыта актуализируются для осмысления технических явлений [1]. Использование образов пространства, движения и природных процессов позволяет репрезентировать сложные цифровые структуры в наглядной форме, что облегчает их когнитивное освоение и профессиональную интерпретацию.

В условиях интенсивного технологического развития метафоричные номинации нередко возникают на ранних этапах осмысления новых явлений и быстро закрепляются в профессиональном употреблении. Вместо создания искусственных и семантически непрозрачных неологизмов ИТ-дискурс активно заимствует слова из общеязыковой системы, наполняя их специализированным содержанием. Примерами подобных номинаций служат обозначения «сеть», «вирус», «облако», которые, сохраняя образную основу, в профессиональной среде приобретают относительную однозначность и устойчивость [2].

Помимо номинативной функции, метафоричные единицы выполняют когнитивно-структурирующую роль, способствуя организации профессионального знания [3]. Они задают способы концептуализации технических процессов, позволяют выстраивать понятийные связи между элементами цифровых систем и формировать целостное представление об их функционировании. В этом контексте метафора в ИТ-дискурсе выступает не как стилистический приём, а как инструмент концептуализации и профессиональной коммуникации, создающий основу для последующей терминологизации метафоричных номинаций [4].

Таким образом, метафоризация в ИТ-дискурсе не ограничивается созданием наглядных образов, но активно участвует в формировании понятийного аппарата профессиональной сферы. Метафоричные номинации, возникая как средства первичной концептуализации новых технологических явлений, в дальнейшем могут утрачивать экспрессивность и приобретать признаки терминологичности. Данный процесс наглядно проявляется в функционировании отдельных языковых единиц, сочетающих метафорическую образность с высокой степенью понятийной определённости. В этом

отношении показательным представляется выражение «озеро данных», анализ которого позволяет проследить взаимодействие метафоры и термина в современном ИТ-дискурсе.

Выражение «озеро данных» представляет собой кальку с английского *data lake* и обозначает способ хранения больших объёмов разнородных данных в их исходном виде [5]. Метафорический компонент «озеро» апеллирует к образу естественного накопления, глубины и отсутствия жёстких границ, что концептуально отражает принцип хранения данных без предварительной структуризации. Благодаря своей образной наглядности данная номинация быстро закрепилась в профессиональном ИТ-дискурсе и активно используется в научно-технических и образовательных источниках.

Показательным для определения лингвистического статуса выражения «озеро данных» является его сопоставление с термином *data warehouse* («хранилище данных»). В отличие от метафоричной номинации *data lake*, термин *data warehouse* характеризуется минимальной образностью и отражает функционально-структурный подход к организации данных, предполагающий их предварительную обработку и упорядочивание. Данное противопоставление демонстрирует, что метафора в ИТ-дискурсе используется не случайно, а для концептуального разграничения различных моделей работы с данными.

С лингвистической точки зрения оба выражения обладают признаками терминологичности: они устойчивы, системны и однозначны в рамках профессиональной сферы. Однако *data lake* отличается более высокой степенью образности, что сближает его с профессиональной метафорой. При этом регулярность употребления, включённость в терминологические ряды (*data lake — data warehouse — data mart*) и использование в стандартизированных контекстах свидетельствуют о его терминологизации.

Таким образом, выражение «озеро данных» занимает пограничное положение между термином и профессионализмом. Сохраняя метафорическую основу, оно выполняет точную номинативную функцию и участвует в формировании понятийной системы анализа данных. Это позволяет рассматривать его как термин с метафорическим происхождением, отражающий специфику современного ИТ-дискурса, в котором образность становится не препятствием, а ресурсом концептуальной точности.

Сопоставление выражений *data lake* и *data warehouse* позволяет наглядно продемонстрировать различия между метафоричной и неметафоричной номинацией в ИТ-дискурсе (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика номинаций *data lake* и *data warehouse*

Критерий сравнения	**«Озеро данных» (*data lake*)**	***Data warehouse* («хранилище данных»)**
Тип номинации	Метафоричная	Неметафоричная
Образная основа	Природный объект (озеро как пространство накопления и глубины)	Отсутствует
Характер данных	Структурированные и неструктурированные данные в исходном виде	Предварительно обработанные и структурированные данные
Концептуальная функция метафоры	Отражает гибкость, открытость и отсутствие жёсткой структуры	Акцентирует упорядоченность и иерархию
Лингвистический статус	Термин с метафорическим происхождением	Термин
Сфера употребления	Научно-технические тексты, профессиональный ИТ-дискурс	Научно-технические и нормативные тексты

Представленные различия подтверждают, что метафоричность выражения «озеро данных» не снижает его терминологической точности, а выполняет концептуально-разграничительную функцию.

Анализ метафоричных номинаций в ИТ-дискурсе позволяет рассматривать их как пограничные языковые единицы, находящиеся на стыке терминологической и профессиональной лексики. Сохраняя образную основу, такие номинации одновременно выполняют точную номинативную функцию и участвуют в формировании понятийной системы профессиональной сферы. Это обусловливает трудности их однозначной классификации и требует гибкого подхода к определению их лингвистического статуса.

Специфика ИТ-дискурса заключается в высокой скорости обновления понятийного аппарата, что способствует активному вовлечению метафоры в процесс номинации [6]. В результате метафоричные выражения нередко проходят путь от профессионального употребления к терминологическому закреплению, утрачивая экспрессивность и приобретая признаки нормативности. Данный процесс демонстрирует размытость границ между терминами и профессионализмами в современных профессиональных языках.

Таким образом, метафоричные номинации в ИТ-дискурсе следует рассматривать не как отклонение от терминологической нормы, а как естественный этап формирования профессионального знания. Их анализ позволяет выявить динамический характер терминологической системы и уточнить критерии разграничения терминов и профессионализмов в условиях развития цифровых технологий.

Проведённый анализ показал, что метафоризация является неотъемлемым механизмом формирования лексики в современном ИТ-дискурсе и играет ключевую роль в осмыслении абстрактных технических концепций. Использование метафоричных номинаций позволяет соотносить новые цифровые явления с концептуально доступными областями человеческого опыта, что способствует их когнитивному освоению и профессиональной интерпретации. В условиях быстрого развития информационных технологий метафора выступает не как стилистическое средство, а как продуктивный инструмент номинации и концептуализации.

Анализ выражения «озеро данных» продемонстрировал, что данная языковая единица сочетает в себе метафорическую образность и высокую степень понятийной определённости. Сопоставление с неметафоричной номинацией *data warehouse* позволило выявить функционально и концептуально мотивированный характер метафоры, используемой для разграничения различных моделей организации данных. Это подтверждает, что метафоричность не препятствует терминологической точности, а, напротив, способствует её формированию.

Рассмотрение метафоричных номинаций в ИТ-дискурсе как пограничных единиц позволяет уточнить их лингвистический статус и выявить тенденцию к терминологизации. Подобные выражения, первоначально функционируя в профессиональной среде, постепенно закрепляются в научно-технических и образовательных контекстах, приобретая признаки нормативности. В связи с

этим разграничение терминов и профессионализмов в ИТ-дискурсе следует рассматривать как динамический процесс [7].

Таким образом, выражение «озеро данных» целесообразно квалифицировать как термин с метафорическим происхождением, отражающий специфику современного профессионального языка информационных технологий. Полученные результаты могут быть использованы при дальнейшем исследовании ИТ-терминологии, а также при описании процессов формирования профессиональных языков в условиях цифровизации.

Список литературы

1. Козырева М. В. Метафора как когнитивный механизм в профессиональном дискурсе // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2017. – № 3. – С. 72–80.
2. Breeze R. Metaphor in Specialized Discourse: Conceptual and Communicative Perspectives // *Ibérica*. – 2018. – Vol. 36. – P. 9–30.
3. Krennmayr T. Metaphor in Discourse. - Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2016.
4. Charteris-Black J. Analysing Political and Professional Metaphor. – London: Routledge, 2018.
5. Inmon W. H., Linstedt D. Data Architecture: A Primer for the Data Scientist. – Amsterdam: Elsevier, 2015.
6. Gualdi E., D'Atri A. Big Data: A New Challenge for the Information Systems Discipline // Journal of Information Technology. – 2019. – Vol. 34(2). – P. 87–102.
7. Гринёв-Гриневич С. В. Терминоведение и профессиональная коммуникация в условиях цифровизации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2016. – № 12. – С. 45–56.

© Дузенов Н.

СЕКЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

СИСТЕМА МОТИВАЦИИ И СТИМУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В ОРГАНАХ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ

Лебеденко Алексей Владимирович
доцент кафедры теории и практики управления,
канд. псих. наук, доцент
Ермаков Сергей Владимирович
магистрант 2 курса направления подготовки 38.04.04
«Государственное и муниципальное управление»
Оренбургский филиал РАНХиГС

Аннотация: В статье проведен комплексный анализ системы мотивации государственных служащих в органах социальной защиты. На основе изучения статистических данных, нормативно-правовой базы и научных подходов выявлены системные проблемы материального и нематериального стимулирования. Особое внимание уделено вопросам денежного содержания, карьерного роста и формирования кадрового резерва.

Ключевые слова: государственная служба, социальная защита, система мотивации, материальное стимулирование, кадровый резерв.

SYSTEM OF MOTIVATION AND INCENTIVES FOR PUBLIC SERVANTS IN SOCIAL PROTECTION BODIES

Lebedenko Alexey Vladimirovich
Yermakov Sergey Vladimirovich

Abstract: The article provides a comprehensive analysis of the system of motivation for civil servants in social protection agencies. Based on the study of statistical data, regulatory framework, and scientific approaches, the article identifies systemic problems in material and non-material incentives. Special attention is given to issues related to salaries, career growth, and the formation of a personnel reserve.

Key words: civil service, social protection, motivation system, material incentives, personnel reserve.

Актуальность изучения системы мотивации и поощрения государственных служащих в учреждениях социальной защиты людей объясняется потребностью улучшения эффективности управления в социальной области. Социальная защита граждан является одной из ключевых функций современного государства, от успешности ее выполнения зависит уровень социальной стабильности и благосостояния общества. В таких условиях профессиональная работа государственных служащих, выполняющих эту функцию, требует внимательного подхода к вопросам мотивации и стимулирования.

Мотивация человека, как справедливо указывает В.Ю. Ячкова, представляет собой многогранную систему движущих сил, определяющих его поведение и деятельность [1, с. 176]. Эта комплексность подтверждается и другими учеными, например, В.Р. Весниным, который перечисляет такие мотивы профессиональной деятельности, как трудовой, профессиональный, властный, идейный, творческий и коллективистский.

Государственная служба сегодня функционирует на основе двух ключевых динамических элементов: материальных и нематериальных стимулов. Материальные включают в себя денежное вознаграждение, социальное обеспечение и пенсионные выплаты. Нематериальные же охватывают такие аспекты, как дополнительное образование, повышение квалификации, карьерный рост на конкурсной основе, получение преимуществ за эффективную работу и различные награды.

Формирование эффективной мотивационной системы в государственной службе неразрывно связано с ее основополагающими принципами. С.В. Королева подчеркивает, что реализация этих принципов напрямую влияет на результативность государственного управления [2, с. 63-70]. Среди наиболее значимых для мотивации служащих принципов можно выделить профессионализм и компетентность, доступность информации о службе и равные возможности для ее прохождения.

Характеристики государственных служащих являются ключевыми принципами деятельности социальной защиты. В рамках активного участия правительства в социальном развитии государственная служба несет большую ответственность перед органом, отвечающим за стратегическое развитие.

Эффективность работы чиновников зависит не только от финансовых стимулов, но и от профессиональных перспектив, однако действующий закон

о государственной службе серьезно ограничивает возможности профессионального роста, основанные на индивидуальных особенностях и профессиональном потенциале.

Нормативно-правовая основа обеспечивает гражданским служащим субъектов Российской Федерации возможность служебного роста через профессию переподготовку, повышение квалификации и стажировки с сохранением их текущей должности и заработной платы. Во всех регионах Российской Федерации реализованы и обновлены соответствующие законодательные акты.

Тем не менее, отсутствие законодательно установленных механизмов, которые бы способствовали карьерному росту, мешает профессиональной самореализации и улучшению результатов работы государственных служащих. В частности, уместно установить прямую связь между карьерным ростом и уровнем образования, включая дополнительные профессиональные курсы. Следует отметить, что действующие требования к образованию государственных служащих во всех регионах России подразумевают наличие высшего профессионального образования.

При этом фактически все гражданские служащие обязаны, согласно законодательству о гражданской службе, иметь высшее профессиональное образование по профилю замещаемой должности или в области управленческой специализации. Следовательно, получение нового образования не будет предопределять замещение вышестоящей должности гражданской службы. Высшее образование необходимо практически для замещения всех должностей государственной гражданской службы и составляет до 97% [3, с. 18].

Высшее профессиональное образование, второе высшее образование профессиональная подготовка, повышение квалификации и опыт мало влияют на развитие карьеры. При этом система профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных служащих не способствует реализации права государственных служащих на повышение по службе. Во Франции существует прямая связь между карьерным ростом и образованием.

Понятно, что действующая система квалификации государственных служащих и последовательные процедуры сдачи квалификационного экзамена не являются мотивирующими факторами для государственных служащих.

Как говорится в исследовании, кадровый резерв муниципальных служащих-это специальная рабочая группа муниципальных служащих с карьерным и управленческим потенциалом, которая будет соответствовать квалификации на соответствующие муниципальные должности с определенной дополнительной подготовкой [4, с. 3].

Резерв создается для обеспечения стабильности на всех уровнях муниципальной службы, высокой эффективности выполнения муниципальных задач, профессиональной подготовки муниципальных служащих и обеспечения предпринимательской деятельности.

Важным направлением организации государственной службы является формирование кадрового резерва. Как отмечается в исследовании, «резерв кадров муниципальных служащих представляет собой специально скомплектованную группу муниципальных служащих с потенциальными возможностями для продвижения по службе, а также для руководящей деятельности, которые при определенной дополнительной подготовке будут отвечать квалификационным требованиям соответствующих муниципальных должностей» [5, с. 3].

Резерв создается с целью обеспечения стабильности всех звеньев муниципальной службы, высокой эффективности исполнения муниципальных должностей, стимулом повышения профессионализма и деловой активности муниципальных служащих. Работа с резервом кадров проводится в соответствии с годовыми планами работы, указанными с соответствующими программами развития муниципальной служб.

Исследователи рекомендуют разделить систему поощрения и мотивации государственных служащих на две части: одну для руководителей и другую для всех остальных категорий государственных служащих. Для руководителей необходимо создать систему контрактов с указанием критериев эффективности их деятельности, основанных на годовых отчетах. Для остальных групп государственных работников предусмотрена система автоматического увеличения их заработной платы за качественное выполнение служебных обязанностей, а также в зависимости от продолжительности работы на данной должности [6, с. 20].

Денежная компенсация, финансовые стимулы и социальное обеспечение для пенсионных выплат, зависящих от заработной платы, остаются важным фактором. Однако, в отличие от статистики денежных компенсаций на

региональном уровне, его преимущества видны и в других областях, таких как здравоохранение и образование, а также в отношении бюджета.

А нефинансовые стимулы, возможности карьерного роста и карьерного роста, включенные в кадровый резерв, в том числе совершенствование системы премирования, являются перспективными направлениями. Однако механизм карьерного роста нуждается в совершенствовании, поскольку профессии всегда ведут к получению дополнительного образования и профессиональной подготовки.

Таким образом, система мотивации государственных служащих состоит не только из материальной части, безусловно, это важный аспект любых трудовых отношений, но при этом немаловажными становятся нематериальные аспекты трудовой функции работника

Список литературы

1. Ячкова В.Ю. Некоторые аспекты мотивационного управления // Вестн. ПАГС. 2009. № 1 (18). С. 176-177.

2. Веснин В.Р. Управление персоналом. Теория и практика: учебник. Москва, 2007. С. 312.

3. Щукина Т.В., Брусенцева В.А. Система мотивации государственных гражданских служащих субъекта Российской Федерации: практика регионов и перспективы модернизации // Вопросы экономики и права. 2015. № 5. С. 16-22.

4. Королева С.В. Реализация принципов государственной гражданской службы в правовом механизме эффективности государственного управления // Пролог: журнал о праве. 2025. № 1. С. 63-70.

5. Каллагов Т.Э. Кадровый резерв на муниципальной службе в Российской Федерации // Проблемы российского законодательства. 2025. № 1. С. 1-8.

© Лебеденко А.В., Ермаков С.В.

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОДВИЖЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Набиева Ирина Алексеевна
студент
Соболевская Ольга Владимировна
д.мед.н., профессор
ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

Аннотация: В данной статье рассматриваются ключевые юридические аспекты, касающиеся продвижения медицинских услуг в Российской Федерации. Особое внимание уделяется необходимости соблюдения баланса между эффективными маркетинговыми стратегиями, направленными на привлечение пациентов, требованиями законодательства о рекламе, защите прав потребителей, а также этическими нормами. Анализируются основные ограничения и дозволения в рекламе медицинских услуг, а также предлагаются подходы к построению маркетинговой стратегии, обеспечивающей законность и этичность деятельности медицинских организаций.

Ключевые слова: медицинские услуги, реклама, закон о рекламе, защита прав потребителей, законодательство РФ.

LEGAL ASPECTS OF THE PROMOTION OF MEDICAL SERVICES

Nabieva Irina Alekseevna
Sobolevskaya Olga Vladimirovna

Abstract: This article examines the key legal aspects related to the promotion of medical services in the Russian Federation. Particular attention is paid to the need to maintain a balance between effective marketing strategies aimed at attracting patients, the requirements of legislation on advertising, consumer protection, and ethical standards. The main restrictions and permits in the advertising of medical services are analyzed, and approaches to building a marketing strategy that ensures the legality and ethics of the activities of medical organizations are proposed.

Key words: medical services, advertising, law on advertising, consumer protection, legislation of the Russian Federation.

Система здравоохранения ориентирована на повышение качества и доступности медицинской помощи. Маркетинговые методы активно используются для привлечения и удержания пациентов, но их применение строго регулируется законодательством и этическими нормами. Нарушение правил влечет административные штрафы до 500 000 рублей и репутационные потери.

Реклама в здравоохранении – это не только инструмент информирования, но и область, где сталкиваются интересы медицинского бизнеса, права пациентов и этические нормы. Нарушение установленных требований грозит не только административными взысканиями, но и ущербом для репутации медицинской организации. Таким образом, для медицинских организаций и их управленцев крайне необходимо четко понимать правовые и этические границы, в которых допустимо продвижение медицинских услуг [1].

Продвижение медицинских услуг в России регламентируется рядом нормативно-правовых актов. Ключевыми документами, устанавливающими порядок рекламирования, являются:

1. Федеральный закон от 13.03.2006 №38-ФЗ «О рекламе»;
2. Федеральный закон от 21.11.2011 №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»;
3. Закон РФ от 07.02.1992 №2300-I «О защите прав потребителей»;
4. Постановление Правительства РФ от 04.08.2013 №664 «Об утверждении Правил осуществления медицинской деятельности»;
5. Профессиональные этические кодексы медицинских работников.

В соответствии с законодательством Российской Федерации, реклама не имеет права содержать ложные данные, вводить людей в заблуждение, формировать негативное отношение к тем, кто не пользуется рекламируемыми услугами, а также поощрять нарушение закона [2]. Для медицинских услуг действуют дополнительные, более жесткие ограничения. Прямо запрещено рекламировать услуги, требующие лицензирования или государственной регистрации, до момента их получения. Поскольку медицинская деятельность

подлежит обязательному лицензированию, это правило является основополагающим [3].

Реклама медицинских услуг имеет свою специфику. Закон «О рекламе» устанавливает специальные ограничения:

1. Запрещена реклама услуг, потенциально опасных для жизни и здоровья, или запрещенных законом. Нельзя продвигать методы лечения, сопряженные с высокими рисками, без должного информирования об этом;

2. Не допускается реклама услуг по лечению заболеваний, где обязательно применение незарегистрированных медицинских изделий, имплантов, лекарств или техники. Цель – защита пациентов от небезопасных и неутвержденных методов лечения;

3. Реклама услуг, имеющих противопоказания, обязана содержать предупреждение о них;

4. Запрещается упоминание конкретных случаев выздоровления, описание симптомов или дача рекомендаций по лечению заболеваний, чтобы не формировать у пациентов необоснованных ожиданий и не поощрять самолечение;

5. Нельзя использовать образы медицинских работников или фармацевтов, кроме случаев, когда реклама направлена на защиту прав потребителей. Также запрещены ссылки на авторитет учреждений, если это не требуется для указания на наличие лицензии [2].

Соблюдение прав потребителей – важнейшая часть продвижения медицинских услуг. Закон «О защите прав потребителей» обязывает исполнителя предоставлять полную и своевременную информацию об услугах. Эта информация должна включать наименование и адрес исполнителя, режим работы, перечень и стоимость услуг, данные о госрегистрации и лицензии, сведения о правилах безопасного использования, а также информацию о противопоказаниях и возможных последствиях. Этот же закон закрепляет право пациента на получение информации об услугах и документов, подтверждающих факт их оказания. [4]

Для построения успешной маркетинговой стратегии медицинских услуг, которая будет одновременно законной, этичной и эффективной, необходимо придерживаться ряда ключевых принципов. Основой является информационная прозрачность и достоверность. Медицинской организации следует открыто публиковать реквизиты лицензии, предоставлять полные сведения об

оказываемых услугах, включая показания, противопоказания и возможные риски, а также указывать их стоимость [5]. Необходимо информировать о квалификации специалистов и применяемых технологиях, но без использования образов врачей и без гарантий уникальных результатов. Размещение реальных отзывов пациентов возможно, если они не содержат медицинских рекомендаций или обещаний конкретного исхода. При этом строго запрещено гарантировать полное выздоровление, использовать методы или создавать впечатление всеобщей необходимости услуги без указания на ограничения.

Не менее важны этические аспекты маркетинга. Продвижение не должно воздействовать на пациента путем акцента на его страх или уязвимость, обязано уважать конфиденциальность данных и поддерживать профессиональное достоинство врачей. Вся распространяемая информация должна быть научно обоснованной.

Для построения успешной стратегии важно помнить основные допустимые составляющие рекламы и запреты. В целом, разрешено рекламировать наименования услуг, факт наличия лицензии, направления деятельности клиники и правдивые сведения об акциях. Под запретом остаются гарантии полного выздоровления, ложная информация, дискредитация конкурентов, использование образов медиков в коммерческих целях и реклама потенциально опасных методов без должного информирования о рисках.

В продвижении медицинских услуг правовые и этические рамки имеют первостепенное значение. Следование законам о рекламе и защите прав потребителей – это не только формальное соблюдение норм, но и фундамент доверия между пациентом и медицинской организацией. Грамотная маркетинговая стратегия, основанная на прозрачности, достоверности и уважении к потребителю, позволяет не только привлекать клиентов, но и выстраивать прочную репутацию медицинских организаций, отвечающую высоким стандартам медицины, а также обеспечить права пациентов на полную и достоверную информацию.

Список литературы

1. Жохова В.В. Исследование комплекса маркетинговых коммуникаций на рынке медицинских услуг // Общество и экономика. 2023. № 3. С. 133–141.

2. О рекламе: Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (в ред. от 02.07.2021).

3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (в ред. от 25.12.2023).

4. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (в ред. от 25.12.2023).

5. Об утверждении Правил осуществления медицинской деятельности: постановление Правительства РФ от 04.08.2013 № 664 (в ред. от 23.09.2022).

© Набиева И.А., Соболевская О.В.

УДК 340.11+342.5+004

СИСТЕМНО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ

Маковская Полина Николаевна
стажер адвоката
Ростовская областная Коллегия адвокатов «Бизнес и право»

Аннотация: Статья является взглядом на проблемы, возникающие при использовании систем искусственного интеллекта в правоприменении, с системно-концептуальных позиций. Рассматривается концепт FLAI-систем как методологическая основа теоретических исследований. Подчеркивается недопустимость необоснованного наделения систем ИИ правосубъектностью и автономностью. Отмечается, что недостаточная релевантность ответов является одним из препятствий для широкого использования систем искусственного интеллекта в критичных областях.

Ключевые слова: искусственный интеллект, релевантность, правоприменение, правосубъектность, автономность, FLAI-система.

SYSTEMIC AND CONCEPTUAL VIEW ON THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LAW ENFORCEMENT

Makovskaya Polina Nikolaevna

Abstract: The article provides a systemic and conceptual perspective on the challenges associated with the use of artificial intelligence systems in law enforcement. It explores the concept of FLAI-systems as a methodological foundation for theoretical research. The article emphasizes the importance of avoiding the unjustified attribution of legal personality and autonomy to AI systems. It also highlights the lack of relevance in the responses as a significant obstacle to the widespread adoption of AI systems in critical domains.

Key words: artificial intelligence, relevance, law enforcement, legal personality, autonomy, FLAI system.

Введение. Актуальность проблемы. Актуальность проблемы определения границ и аспектов, которые должны быть сдерживающими факторами при распространении систем ИИ детерминируется стремительной и неуправляемой «экспансией» систем искусственного интеллекта (ИИ) во все сферы общественной жизни.

Действующий ГОСТ Р 71476 – 2024 «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта» [1] предусматривает деление систем ИИ на два вида: узконаправленный ИИ и универсальный ИИ. В многочисленных статьях и исследованиях разных авторов используются также иные типизации ИИ. Очевидно, что для выработки рациональных принципов использования ИИ в правоприменении следует выработать некоторый универсальный концепт ИИ, не связанный с технологическими особенностями реализации систем ИИ.

Методы исследований. В исследовании использовались формально-логический метод, а также методы системного анализа и системного синтеза, совокупность которых позволили раскрыть выбранную тему.

Результаты исследований. Обсуждение. Для определения рациональных принципов использования ИИ в судебном правоприменении, автор предлагает использовать концепт FLAI-систем (future law artificial intelligence) [2]. Термин FLAI призван подчеркнуть, что речь идет об описании как ныне существующих систем, так и тех, которые будут доработаны с улучшением их функциональности в кратко- или среднесрочной перспективе.

Введением понятия FLAI-систем мы уходим от необходимости уточнения дефиниций «слабый/сильный» искусственный интеллект или «узконаправленный/универсальный» ИИ и других дихотомий, а также от необходимости точного указания на технологию реализации (сверточные нейросети, рекуррентные нейросети, нейросети прямого распространения, фреймовые технологии, семантические графы и т.д.), сосредоточившись на ключевом, содержательном аспекте: обсуждению в исследовании подлежат компьютерные системы, способные выполнять задачи, которые обычно требуют интеллекта [3].

Для обеспечения возможности во всех дальнейших исследованиях философского осмысления (незамутненного физикализмом) содержательного значения процессов использования ИИ в правоприменении безотносительно

редукционистского прочтения особенностей изготовленных средств ИИ, предлагается следующая классификация FLAI – систем.

Представляется продуктивным для целей анализа разделить все FLAI – системы на различные функционально-ориентированные типы и, соответственно, провести классификацию FLAI-систем в соответствии с их ролью и местом в судебном правоприменении. На основании этого классификационного признака (роль и место в судебном правоприменении), все FLAI-системы можно разделить на четыре типа: B-FLAI (от английского bailiff - пристав); S-FLAI (от английского secretary - секретарь); R-FLAI (от английского researcher - исследователь); J- FLAI (от английского judge – судья) [2].

Разумеется, английские названия (bailiff, secretary, researcher, judge) в данном случае носят достаточно условный характер и выполняют роль мнемонических маркеров, нежели точного функционально-развернутого описания некоторого типа среди прочих систем FLAI [2].

Термином B-FLAI обозначены системы, которые призваны выполнять документарно-организационные функции. Они позволяют любому физическому или юридическому лицу создать формализованное заявление, ходатайство, отзыв; получить информацию о времени слушания дела и заказать пропуск в суд для очного участия и т.д.

Термином S-FLAI в предложенной классификации обозначены системы, которые выполняют роль секретарей суда (судебного заседания), а также роль юристов-консультантов или советников по преюдициальным вопросам или прецедентным делам. Они могут оказывать консультации по всему спектру правовых вопросов, в том числе, по конкретному делу, а также с учетом его обстоятельств выполнять работу по предиктивной аналитике с целью оптимизации решений, принимаемых участником процесса.

Термином R-FLAI в предлагаемой классификации обозначены системы, выполняющие разбирательство по конкретным делам и предлагающие соответствующие рекомендации судье – человеку, который будет выносить окончательное решение.

Термином J-FLAI обозначены системы, единолично выполняющие роль судьи (по наиболее простым делам, например, приказным делам гражданского или арбитражного права) без участия человека.

Особое внимание при использовании FLAI-систем в правоприменении следует обратить на нецелесообразность поспешного и необдуманного наделения этих систем правосубъектностью или даже автономностью (как более простой вариант). Сама постановка вопроса о правосубъектности ИИ (даже в виде квазисубъекта) во многом опережает реальное состояние дел, то есть фактическую (и даже среднесрочной перспективы) степень участия ИИ в правоприменении именно в виде автономной сущности, не зависящей от действий оператора.

Особое значение для использования FLAI – систем в правоприменении имеет проблема низкой точности ответов таких систем (низкая релевантность), а также проблема выдачи в ответах вымышленных событий и фактов, что получило название галлюцинаций систем ИИ.

Первоначальная и наиболее общая причина нерелевантных (ошибочных) ответов систем ИИ заключается в самом способе машинного обучения, который используется при обучении, а по существу, при «вдыхании жизни» в системы ИИ.

С онтологической точки зрения, системы ИИ можно представить как своеобразные «усреднители» гигантских объемов информации, которые предъявляются им в виде обучающих данных. Надо заметить, что подобная проблема характерна не только для систем ИИ, но и вообще для любых систем, где главным (а, возможно, практически единственным) способом их обучения является накопление статистических данных об окружающей действительности.

Такой способ познания действительности нельзя назвать неэффективным, наоборот, при гигантских объемах информации, подлежащей переработке системами искусственного интеллекта и неопределенных заранее признаках (то есть, искомых символах), этот способ следует признать едва ли не единственно возможным. В противном случае человеку придется так или иначе практически вручную вводить данные в вычислительную машину, что превратит ИИ, по существу, в «таблицу с данными», причем невообразимых размеров. Разумеется, что такой статистический способ познания окружающего мира имеет и свою обратную сторону, которая, как уже понятно, проявляется в выдаче на запрос неверных ответов.

Статистическое накопление информации в вычислительной среде ИИ подразумевает ее дальнейшую обработку с целью выявления корреляционных

зависимостей в накопленной информации, обнаружение неявных взаимосвязей и закономерностей. В свою очередь, дальнейшая обработка информации, накопленной ИИ, подразумевает выполнение интерполяционных и экстраполяционных процедур (в широком смысле этих слов). Наверное, не нужно много говорить о спорности такого подхода, особенно для FLAI-систем в правоприменении [4-6], когда речь идет о юридически значимых выводах, а иногда вообще о судьбах людей.

Выводы. Интерполяционный способ «порождения ответов» содержит скрытый методологический изъян, связанный с тем, что многие параметры не укладываются в статистические схемы и алгоритмические построения, допускающие интерполяционные выводы.

Таким образом, для практического правоприменения является единственно возможной и разумной концептуальная схема FLAI-систем при обязательном объединении неавтономного, неправосубъектного и малорелевантного (но высокоэффективного в контролируемых статистических приложениях) искусственного интеллекта и человека в единую команду в целях усиления когнитивных возможностей человека. При этом будет обеспечено использование ИИ в гетерономном [1], но никак не в автономном режиме.

Список литературы

1. ГОСТ Р 71476 – 2024. Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта (утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 октября 2024 г. № 1550-ст.).

2. Маковская П.Н. Принципы использования искусственного интеллекта в решении экономических споров: от советчика до «электронного судьи» // Евразийское пространство: экономика, право, общество, 2025, № 10, стр. 85–90.

3. Каляев И.А. Искусственный интеллект: камо грядеши ? // Экономические стратегии, 2019, № 5, стр. 6–15.

4. Сахнова Т.В. Искусственный интеллект в е-правосудии: очевидное и вероятное // Вестник гражданского процесса, 2024, № 2.

5. Родикова В.А. Искусственный интеллект vs судейское усмотрение: доверять нельзя проверять. Перспективы и риски автоматизации судебной практики // Вестник арбитражной практики, 2023, № 3.

6. Иванченко Е.А., Воротилина Т.В. Судейское усмотрение и его границы в условиях влияния информационных технологий на принятие судьей решения // Российский судья, 2024, № 11.

© Маковская П.Н.

СЕКЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.46916/29122025-2-978-5-00215-963-5

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (РКИ) СТУДЕНТАМ МЕДИЦИНСКОГО ПРОФИЛЯ: РАБОТА С ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИЕЙ

Биджиева Халимат Магомет-Алиевна
Балаева Аминат Биляловна
ассистенты кафедры
ФГБОУ ВО «СевКавГА»

Аннотация: Статья посвящена актуальным вопросам методики преподавания РКИ иностранным студентам-медикам. Рассматриваются трудности освоения медицинской терминологии, обусловленные её этимологией (латинские и греческие корни) и сложной словообразовательной структурой. Автор предлагает ряд методических приемов по формированию профессионально-коммуникативной компетенции, акцентируя внимание на работе с терминоэлементами и ситуативном обучении в контексте «врач — пациент».

Ключевые слова: РКИ, медицинский профиль, профессиональная терминология, терминоэлементы, научный стиль речи, профессиональная коммуникация.

THE SPECIFICS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (RCT) TO MEDICAL STUDENTS: WORKING WITH PROFESSIONAL TERMINOLOGY

Bidzhieva Halimat Magomet-Alievna
Balayeva Aminat Bilyalovna

Abstract: The article is devoted to topical issues of the methodology of teaching RAF to foreign medical students. The difficulties of mastering medical terminology due to its etymology (Latin and Greek roots) and complex word-formation structure are considered. The author offers a number of methodological techniques for the formation of professional and communicative competence, focusing on working with terminology elements and situational learning in the context of "doctor — patient".

Key words: RAFL, medical profile, professional terminology, terminology elements, scientific style of speech, professional communication.

Введение

Современное медицинское образование в России привлекает тысячи иностранных студентов. Главная задача преподавателя РКИ — в сжатые сроки сформировать у них профессионально-коммуникативную компетенцию. Специфика заключается в том, что русский язык для медиков является не просто предметом изучения, а единственным инструментом доступа к клинической практике и общению с пациентами.

В связи с принятием стандарта нового поколения ФГОС ВО возникает необходимость не только внести изменения в содержание изучаемых предметов, но и выбрать оптимальные методы и формы организации учебного процесса: «Современная система образования требует усовершенствования методов обучения, так как меняются тенденции в образовании, которое становится открытым, инновационным, интерактивным, происходит огромный рывок в развитии технических средств» [1, с. 120].

Преподавание русского языка как иностранного (РКИ) будущим медикам характеризуется ранним введением языка специальности и интеграцией с профильными дисциплинами.

Сложности в изучении русского языка как иностранного включают рассмотрение языковых особенностей, методических проблем, проблем мотивации и контроля знаний и умений. Эти сложности связаны с тем, что язык специальности будущих врачей разнообразен: здесь переплетаются богатый пласт русской лексики, строгий язык медицинской науки и необходимые навыки коммуникативного поведения в общении с больными разных социальных и возрастных групп.

Обучение иностранных студентов в медицинских вузах России требует не только высокого уровня общего владения языком, но и раннего погружения в язык специальности. Актуальность темы обусловлена тем, что профессиональный лексикон медика является одной из самых сложных терминосистем. Владение им — залог успешного прохождения клинической практики и взаимодействия с пациентами. Цель данной статьи — выявить специфику работы с медицинской терминологией на занятиях РКИ и предложить эффективные методы её усвоения.

2 Специфика медицинской терминологии

На занятиях по русскому языку как иностранному важно всестороннее изучение медицинских терминов в лингвистическом и понятийном аспектах.

Важным элементом обучения является также использование аутентичных материалов, таких как медицинские тексты, статьи и видеоматериалы, чтобы студенты могли познакомиться с реальными ситуациями и контекстами, с которыми они будут сталкиваться в своей будущей профессиональной деятельности [2, с. 43]. Кроме того, важно учитывать индивидуальные потребности и особенности студентов. Некоторым может потребоваться больше времени и практики для освоения русского языка, поэтому необходимо предоставить им возможность дополнительных занятий или индивидуальных консультаций с преподавателями. Крайне важно создать мотивацию у студентов и показать им практическую пользу от овладения русским языком, например, через проведение специализированных медицинских семинаров или стажировок.

Медицинская терминология отличается от общелитературного языка рядом характеристик:

- **Двуязычный фундамент:** Параллельное использование латинских наименований (в анатомии, фармакологии) и их русских эквивалентов в клинике. Латинский язык является базой для международной медицинской терминологии, поэтому знание латинских корней и суффиксов позволяет иностранным студентам быстрее семантизировать русские термины-эквиваленты.
- **Сложная структура:** Использование греко-латинских термино-элементов (префиксов, суффиксов, корней), которые позволяют конструировать сложные понятия (например, *гастроэнтероколит*).
- **Аббревиация:** Обилие сокращений, требующих декодирования в реальном времени. На этапе изучения медицинской терминологии студенты сталкиваются с проблемой неоднозначности аббревиатур – некоторые англоязычные аббревиатуры не имеют аналогов в русском языке и наоборот.
- **Многозначность слов, омонимия и синонимия.** В медицине часто встречаются синонимичные термины (ринит — насморк) и лексемы с размытым значением, что требует от преподавателя глубоких знаний в предметной области.

Данные проблемы чаще всего связаны с явлениями омонимии или многозначности. Так, наибольшую проблему представляют собой омонимы

(слова, разные по значению, но одинаковые по звучанию и написанию; например, коса — «вид прически», «сельскохозяйственное орудие», «мыс, отмель»), омоформы (совпадение звучания и написания одной или нескольких форм слов; например, дорогОй — имя прилагательное мужского рода и дорогОй — родительный, дательный, предложный падежи прилагательного женского рода), омографы (одинаковое написание, но разное произношение слов; например, зАмок и замОк), омофоны (одинаковое произношение, но различное написание слов и словосочетаний; например, «глаз» и «глас») [4, с. 8].

- **Лингвокультурная адаптация.** Работа с терминологией невозможна без учета регионального компонента — особенностей того, как принято называть симптомы и болезни в конкретной языковой среде.
- **Психологический аспект.** Языковой барьер и коммуникативная тревожность ставят студентов с затруднительное положение, что приводит к тому, что зачастую бывает сложно перейти к активному использованию терминов в речи. Сложная система русских падежей и склонений в сочетании с длинными медицинскими словами создает дополнительный психологический дискомфорт у иностранцев.

3. Методы и приемы обучения

Работа с иностранными студентами на занятиях должна быть направлена на постоянное обогащение их терминологической лексики, знакомство с нормами словоупотребления и словообразования, формирование навыков практического владения медицинской терминологией, а также умение предугадывать значение термина и правильно образовывать выражения для определенного понятия.

Эффективная методика работы с терминологией должна включать следующие этапы:

А. Семантико-словообразовательный анализ.

Вместо заучивания отдельных слов студентам предлагается освоить «конструктор» терминов.

- *Пример:* Изучение корней *–ит* (воспаление), *-алгия* (боль), *-кард-* (сердце). Понимая значение элементов, студент самостоятельно может перевести термины *миокардит* или *кардиалгия*.

Б. Лексико-грамматическая трансформация.

Важную роль играет обучение не только «высокому» научному стилю для общения с коллегами, но и навыкам перевода терминов на обиходно-

разговорный уровень для взаимодействия с пациентами (например, объяснение термина «гипертензия» как «высокое давление»), обучение трансформации научного стиля в разговорную речь, необходимую для общения с пациентом.

- *Научный стиль:* «У пациента наблюдается гипертермия».
- *Разговорная речь:* «У больного поднялась высокая температура / сильный жар».

В. Использование контекстных задач и ролевых игр.

Работа с диалогической речью является одним из наиболее важных элементов в процессе обучения русскому языку. Использование «Кейс-метода» (моделирование различных ситуаций, таких как «Сбор анамнеза», «Врач-пациент», «Консилиум») позволяет эффективно использовать термины не в изоляции, а в составе речевых клише (жаловаться на…, анамнез заболевания, локализация боли).

Г. Работа с аутентичными текстами.

Использование историй болезни, назначений врачей различных специальностей, медицинских карт помогает студентам освоить специфику ведения документации.

Большое значение имеет систематическое и непрерывное использование текстов для развития языковых навыков студентов и накопления словарного запаса и грамматических конструкций для свободного общения на русском языке в рабочей обстановке. Работа с текстами играет важную роль в обучении языку специальности, так как способствует развитию познавательных способностей студентов, формированию профессиональной речи и улучшению общих навыков русского языка [3, с. 127].

Д. Визуализация и применение интерактивных средств

Использование аудиовизуальных средств и наглядных материалов (флэш-карточки, таблицы) ускоряет процесс запоминания специфической лексики.

4. Результаты и обсуждение

Опрос группы студентов медицинского института показал, что аналитический подход (словообразование) является наиболее полезным и эффективным. 85% студентов отметили, что деконструкция терминов на морфемы (приставки, корни, суффиксы), знание греко-латинских словообразовательных элементов помогает интуитивно понимать новые русские медицинские термины. Акцент на этимологическом анализе термино-элементов сокращает время на запоминание лексики на 30-40%. Студенты

начинают быстрее ориентироваться в профессиональных текстах. Однако основной трудностью остается переход от пассивного понимания термина к его активному использованию в речи, что требует регулярного повторения в различных ситуативных контекстах.

5. Заключение

Преподавание РКИ медикам должно носить прикладной характер. Работа с терминологией не может ограничиваться простым переводом. Она должна строиться на понимании внутренней логики языка медицины, связи латинских корней с русским словообразованием и умении адаптировать сложную терминологию для коммуникации с непрофессионалами (пациентами). Дальнейшее развитие методики видится в цифровизации обучения — создании интерактивных терминологических словарей и мобильных приложений для закрепления лексики.

Список литературы

1. Обсков А.В. К проблеме организации интерактивного обучения в вузе // Вестник Томского педа гогического университета. 2012. № 11. С. 120-124.

2. Гусейнова Х.К., Иманмагомедова Э.А., Пирмагомедова А.С., Эфендиев И.И. О некоторых вопросах изучения иностранных языков в медицинском вузе // Наука в условиях пандемии: трансформации, коммуникации, стратегии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 11 февраля 2021 г.: Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2021. – С. 42-45.

3. Трушина Е.А. Русский язык как иностранный. Работа с текстом на практических занятиях на 1 курсе: учеб. пособие. Пенза: Филиал ВА МТО, Пенз. арт. инж. ин-т. 2018 г., 197 с.

4. Вольнова Д.Н., Меланченко Е.А. Организация процесса обучения русскому языку как иностранному: актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного, роль преподавателя и учащегося в процессе обучения // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 8 [Электронный ресурс]

© Биджиева Х.М.-А., Балаева А.Б.

РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ СЮЖЕТНО-РОЛЕВЫЕ ИГРЫ ПО ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ У ДЕТЕЙ В ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ К ШКОЛЕ ГРУППЕ

Кузнецова Надежда Михайловна
воспитатель
МБДОУ детский сад «Колосок»

Аннотация: Раннее формирование основ финансовой грамотности является важной задачей современного дошкольного образования, закладывающей фундамент для будущей успешной социализации. Сюжетно-ролевые игры выступают как ведущий метод для достижения этой цели у детей подготовительной к школе группы, поскольку они соответствуют возрастным особенностям и ведущему виду деятельности. В данной статье рассматриваются механизмы и возможности использования сюжетно-ролевых игр для комплексного развития познавательной деятельности детей в контексте финансового воспитания.

Ключевые слова: финансовая грамотность, познавательная деятельность, сюжетно-ролевая игра, дошкольники, экономическое воспитание, подготовительная группа.

DEVELOPING COGNITIVE ACTIVITIES THROUGH ROLE-PLAYING GAMES ON FINANCIAL LITERACY IN CHILDREN IN THE PREPARATORY GROUP

Kuznetsova Nadezhda Mikhailovna

Abstract: Early development of financial literacy is an important goal of modern preschool education, laying the foundation for future successful socialization. Role-playing games are a leading method for achieving this goal in children in the preparatory group, as they are age-appropriate and appropriate for the primary activity. This article examines the mechanisms and potential of using role-playing games for the comprehensive development of children's cognitive activity in the context of financial education.

Key words: financial literacy, cognitive activity, role-playing games, preschoolers, economic education, preparatory group.

Современный мир предъявляет высокие требования к человеку, в том числе в области финансовой грамотности. Способность ориентироваться в экономических процессах, планировать бюджет, рационально расходовать средства становится неотъемлемой частью успешной жизни. Формирование этих навыков должно начинаться задолго до вступления во взрослую жизнь, и дошкольный возраст является наиболее благоприятным периодом для заложения основ финансовой культуры.

В подготовительной к школе группе дети находятся на этапе активного развития всех познавательных процессов. Ведущей деятельностью в этом возрасте по-прежнему остается игра, и именно сюжетно-ролевая игра предоставляет уникальные возможности для комплексного развития ребенка. Интеграция элементов финансовой грамотности в сюжетно-ролевые игры позволяет не только познакомить детей с базовыми экономическими понятиями, но и эффективно стимулировать развитие их познавательной деятельности в естественной и увлекательной форме.

У дошкольников, особенно в подготовительной к школе группе, этот процесс проявляется в неуемной любознательности, стремлении экспериментировать, задавать бесчисленные вопросы и усердно искать на них ответы. Именно в этом возрасте происходит интенсивное развитие всех высших психических функций, закладывающих основу для будущего обучения.

Одним из наиболее заметных изменений является развитие мышления. Наглядно-образное мышление, характерное для более младших дошкольников, постепенно начинает уступать место элементам логического. Дети учатся более глубоко анализировать информацию, сравнивать предметы и явления по различным признакам, обобщать полученные данные и, что особенно важно, устанавливать причинно-следственные связи между событиями и явлениями [1, с. 31].

Значительно увеличивается и объем памяти, особенно ее произвольной формы. Если ранее дети запоминали преимущественно яркие и эмоционально окрашенные события, то теперь они становятся способны целенаправленно заучивать информацию – стихи, правила или последовательности действий.

Данный навык критически важен для усвоения новой информации и подготовки к школьному обучению.

Внимание дошкольников в этом возрасте также претерпевает существенные изменения. Возрастает его устойчивость и объем, что позволяет детям дольше концентрироваться на одном виде деятельности. Особое значение приобретает развитие произвольного внимания, когда ребенок целенаправленно сосредотачивается на конкретной задаче или объекте, а не отвлекается на посторонние стимулы, целенаправленно удерживая фокус.

Активно развивается творческое воображение, являющееся фундаментом для многих видов деятельности, включая игру, рисование и конструирование. Благодаря ему дети способны создавать новые образы, придумывать необычные ситуации и сценарии, что играет ключевую роль в развитии креативности и способности к нестандартному мышлению.

Наконец, речь как один из важнейших инструментов познания и общения, также претерпевает качественные изменения. Улучшается связная речь, обогащается активный и пассивный словарный запас. Дети увереннее формируют навыки как диалогической, так и монологической речи, что позволяет им более эффективно выражать свои мысли, задавать вопросы, участвовать в обсуждениях и выстраивать коммуникацию со сверстниками и взрослыми.

Сюжетно-ролевая игра – это такой вид деятельности, в котором дети берут на себя роли взрослых и воспроизводят их деятельность и взаимоотношения в условной ситуации. Ее образовательный потенциал огромен: она моделирует реальные жизненные ситуации, позволяет детям экспериментировать, развивает социальные навыки, воображение и, что особенно важно, стимулирует познавательные процессы [2, с. 12].

Сюжетно-ролевая игра «Магазин» является классическим инструментом для знакомства дошкольников с основами экономики в подготовительной группе. В процессе игры дети примеряют на себя роли продавцов, кассиров и покупателей, что позволяет им на практике освоить такие базовые понятия, как «товар», «цена» и «деньги». Ребенок-покупатель учится соотносить свои потребности с имеющимися игровыми ресурсами, выбирая товары из предложенного ассортимента, в то время как «сотрудники магазина» знакомятся с процессом реализации продукции, правилами выкладки и необходимостью вежливого общения с клиентами.

Когда наступает момент оплаты, дети активно задействуют навыки счета: они должны не только правильно отсчитать нужную сумму игровых купюр или монет, но и безошибочно рассчитать сдачу. Подобные действия тренируют математическое мышление, концентрацию внимания и оперативную память.

Для детей подготовительной группы сюжет игры полезно усложнять, дополняя его современными экономическими атрибутами. Введение таких элементов, как «акции», «скидки дня» или «дисконтные карты», заставляет дошкольников анализировать выгоду и принимать более сложные логические решения. Например, расчет стоимости товара со скидкой или понимание принципа работы накопительных бонусов развивает прогностические способности и критическое мышление. Подобные игровые ситуации учат будущих первоклассников быть рациональными потребителями, понимая, что грамотное планирование и внимание к деталям помогают эффективно управлять бюджетом.

Таким образом, через игру дети осваивают сложные понятия в доступной форме, учатся принимать решения, планировать, анализировать и взаимодействовать, что является бесценным опытом для их дальнейшей учебы в школе и успешной адаптации в современном обществе. Целенаправленное использование сюжетно-ролевых игр в данном контексте способствует формированию активной, мыслящей, ответственной и финансово грамотной личности.

Список литературы

1. Галкина Л.Н. Экономическое образование детей дошкольного возраста. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2015. 89 с.

2. Еремина М.О. и др. Финансовая грамотность для детей дошкольного и младшего школьного возраста и родителей. Калининград: Калининградская книга, 2017. 48 с.

© Кузнецова Н.М.

СЕКЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

РОЛЬ ПСИХОЛОГА В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ И РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Качкина Лилия Сергеевна
к.п.н., доцент кафедры психологии
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
университет экономики и управления «НИНХ» (НГУЭУ)
Чуруксаева Ольга Алексеевна
майор внутренней службы,
преподаватель-методист учебного отдела
ФКУ ДПО СМУЦ ГУФСИН России
по Новосибирской области

Аннотация: В статье анализируется процесс формирования института пенитенциарной пробации в России в контексте реформы уголовно-исполнительной системы. Особое внимание уделено пенитенциарной пробации и роли психолога в ее реализации. Рассмотрены основные направления деятельности психолога при реализации пенитенциарной пробации.

Ключевые слова: пенитенциарная пробация, психологическая помощь, ресоциализация, Федеральный закон «О пробации», уголовно-исполнительная система, социальная адаптация.

THE ROLE OF A PSYCHOLOGIST IN PENITENTIARY PROBATION AS A KEY ELEMENT OF THE REHABILITATION AND REFORM OF THE PENAL SYSTEM

Kachkina Lilia Sergeevna
Churuksaeva Olga Alekseevna

Abstract: The article analyzes the process of formation of the institution of penitentiary probation in Russia in the context of the reform of the penal system. Special attention is paid to penitentiary probation and the role of a psychologist in its implementation. The main directions of the psychologist's activity in the implementation of penitentiary probation are considered.

Key words: penitentiary probation, psychological assistance, re-socialization, Federal Law "On Probation", penal enforcement system, social adaptation.

Принятие Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» стало знаковым событием, закрепившим курс на гуманизацию пенитенциарной системы и поиск альтернатив изоляции от общества. Закон определил пробацию как систему мер, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и реабилитацию лиц, осужденных или освобожденных из мест лишения свободы, с целью предупреждения новых преступлений. Актуальность этого института обусловлена тревожной статистикой: более 60% лиц в исправительных учреждениях отбывают наказание повторно, причем часто это связано не со стойкими анти-социальными установками, а с глубокой социальной дезадаптацией, потерей связей, безработицей и психологическими проблемами.

В рамках закона выделяются три вида пробации: исполнительная, пенитенциарная (применяемая во время отбывания наказания) и пост-пенитенциарная. Данная статья фокусируется на пенитенциарной пробации, которая представляет собой совокупность мер, реализуемых в период отбывания наказания и подготовки к освобождению [1].

Пенитенциарная пробация — это комплекс мер по исправлению осужденных и их подготовке к освобождению. Она применяется в тюрьмах и колониях в отношении осужденных к принудительным работам или лишению свободы, как во время отбывания наказания, так и в период подготовки к выходу на свободу (до 12 месяцев).

Основанием для применения данного вида помощи является обращение лица с заявлением в администрацию учреждения, исполняющего наказания.

На основании заявления, администрацией учреждения, не позднее 3 рабочих дней, осуществляется оценка индивидуальной нуждаемости лица с вынесением решения об оказании помощи. При вынесении решения учитываются различные факторы и условия, определяющие трудную жизненную ситуацию лица, обратившегося за помощью. Администрацией учреждения составляется индивидуальная программа, включающая совместные мероприятия с органами государственной власти, органами местного самоуправления, органами службы занятости населения, организациями социального обслуживания и другими.

Индивидуальная программа может включать в себя такие направления как: оказание психологической помощи, консультирование по социальным и правовых вопросам, содействие в получении необходимых документов, трудоустройство, получение образования, оформление пособия, медицинскую помощь и т.д. [2].

Таким образом, эффективность пенитенциарной программы пробации напрямую зависит от качества междисциплинарной работы, в которой психологическая составляющая выходит на первый план.

Несмотря на прогрессивное законодательство, российский институт пробации находится на начальной стадии развития. Его становление происходит в условиях, когда длительные сроки изоляции формируют у осужденных «выученную беспомощность», потерю навыков самостоятельного принятия решений и смещение ответственности на администрацию учреждения. Преодоление этих деструктивных установок является прямой задачей психологической работы в рамках пробации.

Психолог выступает не просто вспомогательным специалистом, а центральным агентом изменений в процессе пенитенциарной пробации. Его роль многогранна и пронизывает все этапы индивидуальной программы ресоциализации.

В первую очередь осуществляется диагностика личности осужденного, которая позволяет выявить личностные и эмоциональные особенности, степень социальной дезадаптации, риски рецидива из-за устойчивости антисоциальных паттернов поведения. Эта диагностика позволяет дифференцировать помощь и выявить психологические мишени для коррекционной и психотерапевтической работы. Работа ведется по нескольким направлениям:

- Индивидуальное консультирование и терапия. Помощь в преодолении психологических травм, кризисных состояний, суицидальных мыслей. Психолог создает безопасное пространство для проработки чувства вины, стыда, страха перед будущим.
- Групповая психокоррекция. Тренинги социальных навыков, коммуникации, управления гневом, разрешения конфликтов. Групповые форматы также эффективны для снижения стигматизации и получения обратной связи.
- Когнитивно-поведенческая коррекция. Работа над искаженными мышлением и убеждениями, оправдывающими противоправное поведение. Формирование просоциальных жизненных целей и ценностей.

- Кризисное вмешательство. Оперативная работа в ситуациях внутриличностных и межличностных конфликтов, предотвращение аутоагрессивных поступков.

Отдельным важным направлением является психологическая подготовка к освобождению и развитие навыков самостоятельности. Деятельность психолога в «Школе освобождения» направлена на восстановление ответственности у осужденных, на смещение фокуса с внешнего контроля на самоконтроль и планирование собственной жизни. Психологи способствуют развитию ресурсного состояния, оказывая помощь в осознании своих сильных сторон, формировании реалистичных планов на будущее, прорабатывают страхи, связанные с трудоустройством, восстановлением семейных связей, давлением прежнего окружения [3].

Институт пенитенциарной пробации, закрепленный новым законодательством, представляет собой стратегический поворот от карательной парадигмы к восстановительной. Успех этой реформы в значительной мере будет определяться тем, насколько системно и профессионально будет выстроена психологическая составляющая работы с осужденными. Психолог в этой модели становится ключевой фигурой, которая помогает человеку не только «отбыть срок», но и пройти внутренний путь от дезадаптации к ответственности, от разрушительных паттернов к просоциальным навыкам. Инвестиции в развитие психологической службы пробации, внедрение современных методик и подготовку кадров — это не просто расходы на социальную сферу, а эффективный вклад в общественную безопасность, ведущий к устойчивому снижению рецидивной преступности и здоровой реинтеграции граждан в общество. Как отмечают эксперты, индивидуальный подход, уважение к правам человека и внимание к конкретным психологическим потребностям являются залогом успешной реабилитации.

Список литературы

1. Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. N 10-ФЗ "О пробации в Российской Федерации".

2. Сизова А.С. Зин Н.В. Интеграция пенитенциарной пробации в отечественную уголовно-исполнительную систему: вопросы теории и практики // Ведомости УИС. 2024. № 9. С. 30-36.

3. Киселева Р.Н. Организация психологической работы в местах лишения свободы по сокращению рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 4 (22). С. 98-104.

© Качкина Л.С., Чуруксаева О.А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ПОСЛЕ ИНФАРКТА МИОКАРДА

Бокарева Иветта Ивановна
студент
Научный руководитель: **Лисняк Марина Анатольевна**
к.м.н., доцент
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого»

Аннотация: В данной работе психологическая реабилитация после инфаркта миокарда рассматривается как необходимый компонент комплексного восстановительного лечения, направленный на снижение уровня тревожно-депрессивных расстройств, коррекцию дезадаптивных поведенческих стратегий и формирование устойчивой мотивации к соблюдению медицинских рекомендаций. В статье анализируются основные психологические реакции пациентов в постинфарктном периоде, раскрываются задачи и методы психологической реабилитации, а также обосновывается её значение для повышения эффективности вторичной профилактики и социальной адаптации.

Ключевые слова: инфаркт миокарда, психологическая реабилитация, тревожно-депрессивные расстройства, постинфарктный период, качество жизни, адаптация.

PSYCHOLOGICAL REHABILITATION AFTER MYOCARDIAL INFARCTION

Bokareva Ivetta Ivanovna
Scientific adviser**: Lisnyak Marina Anatolyevna**

Abstract: In this work, psychological rehabilitation after myocardial infarction is considered as a necessary component of comprehensive restorative treatment aimed at reducing the level of anxiety-depressive disorders, correcting maladaptive behavioral strategies, and forming a stable motivation to comply with medical recommendations. The article analyzes the main psychological reactions of patients

in the post-infarction period, reveals the objectives and methods of psychological rehabilitation, and substantiates its importance for improving the effectiveness of secondary prevention and social adaptation.

Key words: myocardial infarction, psychological rehabilitation, anxiety-depressive disorders, post-infarction period, quality of life, adaptation.

Актуальность

Инфаркт миокарда является острым коронарным событием, которое сопровождается не только выраженными физиологическими нарушениями, но и существенными психологическими последствиями. В постгоспитальном периоде у большинства пациентов развивается комплекс эмоциональных и когнитивных реакций, обусловленных угрозой жизни, утратой ощущения безопасности и изменением привычного уклада жизни [2 с. 382]. Указанные реакции способны в значительной степени усложнить процесс реабилитации, снизить уровень мотивации пациентов и негативно повлиять на прогноз заболевания. В связи с этим, психологическая реабилитация рассматривается как обязательный компонент комплексной помощи пациентам, перенесшим инфаркт миокарда.

К 2025 году психологическая реабилитация пациентов, переживших инфаркт миокарда, приобретает статус неотъемлемого компонента многокомпонентных программ кардиореабилитации. В клинической практике широко применяются стандартизированные алгоритмы раннего выявления эмоциональных нарушений, а психологическое сопровождение начинается уже на этапе стационарного лечения и продолжается в амбулаторных условиях. В ряде медицинских организаций внедрены дистанционные формы психологической поддержки, позволяющие сохранять регулярный контакт с пациентом после выписки и оперативно реагировать на изменения его психоэмоционального состояния. Современные подходы ориентированы на индивидуализацию реабилитации, учёт возрастных и социальных факторов, а также на интеграцию психологической помощи в общую систему вторичной профилактики сердечно-сосудистых заболеваний.

Наиболее распространенными психологическими состояниями в раннем и отдаленном постинфарктном периоде являются тревога, депрессия, страх повторного приступа и снижение уверенности в собственных физических возможностях. Тревожные реакции часто проявляются в форме гиперфиксации

на соматических ощущениях, ожидания ухудшения состояния и избегания физической активности. Депрессивные проявления включают в себя снижение настроения, утрату интереса к обычной деятельности, ощущение беспомощности и пессимистическую оценку будущего. Наличие тревожно-депрессивных расстройств после инфаркта миокарда ассоциировано с повышенным риском повторных сердечно-сосудистых событий и увеличением смертности, что подчёркивает клиническую значимость своевременной психологической коррекции.

Одним из ключевых аспектов психологической реабилитации является трансформация отношения пациента к заболеванию [1. с. 88]. После перенесенного инфаркта миокарда часто формируется так называемое катастрофическое восприятие болезни. Состояние характеризуется интерпретацией любого физического напряжения как потенциально опасного. В результате наблюдается ограничение активности, социальная изоляция и снижение уровня автономности. Целью психологического сопровождения является формирование объективного представления о заболевании, возможностях восстановления, а также установление безопасных границ физической и социальной активности. Коррекция иррациональных убеждений способствует снижению уровня тревожности и восстановлению чувства контроля над собственной жизнью, что является важным этапом в процессе реабилитации.

Психологическая реабилитация также направлена на поддержку процесса поведенческих изменений, необходимых для вторичной профилактики инфаркта миокарда. Отказ от курения, соблюдение диеты, регулярная физическая активность и прием медикаментов требуют от пациента устойчивой мотивации и саморегуляции. Эмоциональное истощение, проявляющееся в виде депрессивных симптомов, и недостаток психологической поддержки существенно снижают уровень комплаенса пациентов с лечебными рекомендациями. Внедрение психологических интервенций в программы реабилитации способствует повышению уровня мотивации пациентов к терапевтическому процессу и улучшению долгосрочных исходов лечения.

В последующей стадии реабилитационного процесса особое значение приобретает коррекция устойчивых дезадаптивных когнитивных установок. У значительной части пациентов формируется убежденность в необходимости строгого ограничения физической активности, что влечет за собой избегание

нагрузок и снижение качества жизни. Применение психологических методов, направленных на трансформацию неадаптивных когнитивных схем, способствует постепенному снижению уровня страха перед движением и восстановлению уверенности в собственных физических возможностях. Реабилитационная работа осуществляется с учетом индивидуального темпа пациента и в строгом соответствии с медицинскими рекомендациями.

Психологическая реабилитация включает в себя обучение методам саморегуляции и контроля стресса. Хроническое эмоциональное перенапряжение признано значимым фактором, влияющим на прогрессирование сердечно-сосудистых заболеваний. Применение техник релаксации, дыхательной регуляции и управления эмоциональными реакциями способствует повышению способности пациентов справляться с повседневными стрессорами и снижению физиологической реактивности организма. Регулярное использование данных методов обеспечивает стабилизацию психоэмоционального состояния и повышение уровня субъективного благополучия.

Значимым компонентом психологической помощи является содействие в изменении поведенческих паттернов, необходимых для вторичной профилактики инфаркта миокарда. Трансформация образа жизни требует от пациента не только значительных волевых усилий, но и устойчивой внутренней мотивации [3, с. 86]. Психологическая поддержка способствует формированию ответственного отношения к лечению, повышению приверженности к медикаментозной терапии и укреплению готовности следовать рекомендациям по физической активности и питанию. Основное внимание уделяется работе с внутренними конфликтами и сомнениями, которые способны затруднять соблюдение лечебного режима.

Одним из фундаментальных аспектов психологической реабилитации является реинтеграция утраченной когнитивной функции временной перспективы. У пациентов, перенесших инфаркт миокарда, часто отмечается нарушение временной ориентации, проявляющееся в фокусировке на текущем моменте и ожидании негативных событий. Состояние существенно снижает их способность к долгосрочному стратегическому планированию. Психологическая интервенция направлена на поэтапное восстановление субъективного ощущения будущего. Данный подход предполагает разработку объективных и достижимых целей, а также проведение переоценки личных приоритетов с

учетом анамнеза заболевания. Меры направлены на повышение внутренней стабильности и усиление мотивации для активного участия в реабилитационном процессе.

Современный этап развития реабилитационной помощи характеризуется активным использованием дистанционных и цифровых форм психологического сопровождения [4, с. 51]. Программы удаленной реабилитации позволяют поддерживать регулярный контакт с пациентом, отслеживать его эмоциональное состояние и своевременно корректировать возникающие трудности. Такой формат особенно актуален для лиц с ограниченной мобильностью или проживающих вдали от специализированных центров. При условии профессионального сопровождения дистанционные методы демонстрируют сопоставимую эффективность с традиционными формами психологической помощи.

Психологическая реабилитация также включает работу с ближайшим окружением пациента. Поддержка со стороны семьи может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на процесс восстановления. Чрезмерная опека нередко усиливает чувство беспомощности и снижает самостоятельность пациента. Психологическое консультирование родственников направлено на формирование сбалансированной модели поддержки, способствующей сохранению активности и автономии человека, перенесшего инфаркт миокарда. Пациенты с выраженными депрессивными расстройствами, которые протекают латентно и маскируются соматическими симптомами, требуют особого внимания. В таких случаях психологическая реабилитация осуществляется в тесном сотрудничестве с врачами различных специальностей. Применение комплексного подхода позволяет минимизировать риск хронизации эмоциональных нарушений и повысить эффективность общего терапевтического вмешательства.

В целом психологическая реабилитация после инфаркта миокарда является необходимым компонентом комплексной медицинской помощи, направленной не только на восстановление физического состояния, но и на возвращение пациента к полноценной социальной и личной жизни. Современные научные данные подтверждают, что системная психологическая

поддержка способствует снижению уровня тревожно-депрессивных расстройств, повышению приверженности лечению и улучшению качества жизни. Интеграция психологических методов в стандартные кардиореабилитационные программы позволяет рассматривать восстановление после инфаркта миокарда как целостный процесс, учитывающий биологические, психологические и социальные аспекты здоровья.

Список литературы

1. Великанов А.А., Столярова А.А., Круглова Н.Е. Роль психологической реабилитации в комплексной кардиореабилитации пациентов с ишемической болезнью сердца // Национальный психологический журнал. – 2020. – № 4 (40). – С. 85-97.

2. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б., Погосова Н.В., Аушева А.К. Психосоциальные факторы, влияющие на приверженность кардиореабилитации у пациентов после перенесенного инфаркта миокарда // НМП. 2025. № 2. – С. 379-386.

3. Изуткин Д.А. Коррекция и профилактика поведенческих факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний // Медицинский альманах. 2024. № 2 (79). – С. 81-88.

4. Эшдавлатов Б. Современные стратегии кардиореабилитации пациентов после инфаркта миокарда // EJMNS. 2025. № 2-2. – С. 50-52.

© Бокарева И.И.

СЕКЦИЯ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ

Корчажкина Ольга Максимовна
к.т.н., старший научный сотрудник
ФИЦ «Информатика и управление» РАН

Аннотация: В статье описывается математическая модель психологического восприятия времени, зависящего от возраста человека. В качестве гипотезы принята метафора «уплотнение времени», на основе которой определяются такие характеристики искажённого времени, как относительное уплотнение (сжатие) времени, сила уплотнения (сжатия) времени и скорость уплотнения (сжатия) времени.

Ключевые слова: восприятие времени, математическая модель, метафора времени, психологическое время, уплотнение времени.

A MATHEMATICAL MODEL OF TIME PERCEPTION

Korchazhkina Olga Maksimovna

Abstract: The article describes a mathematical model of the psychological perception of time, which depends on a person’s age. As a hypothesis, the metaphor of “compaction of time” is adopted, on the basis of which a few characteristics of distorted time are determined. They are: the relative compaction (compression) of time, the compaction (compression) force of time and the rate of compaction (compression) of time.

Key words: perception of time, mathematical model, metaphor of time, psychological time, compaction of time.

Введение. Метафора времени

Рассматривая восприятие времени человеком с точки зрения его психики, нельзя пройти мимо *образа* периодов времени, вернее, образа совокупности периодов (концентрированного времени) в сознании человека, которые находят отражение в естественном языке. Это свойство времени искажаться, то есть изменять характер своего течения в воспоминаниях или в ожидании грядущих

событий людьми разного возраста, представляет собой субъективное явление с неопределёнными параметрами и нечёткой динамикой, что затрудняет анализ и оценку способов его воспроизведения в сознании человека.

Образы концентрированного времени принимают форму метафор, когда мы говорим о *равномерном* времени: время течёт, бежит, летит, давит; или об *изменяющемся* времени: время ускоряется, уплотняется, сгущается, сжимается, спрессовывается. От принятия за исходную позицию определённой метафоры времени, описывающей формы искажения реального хода времени («бег времени», «полёт времени», «туман времени», «груз времени», «пресс времени»), зависит выбор математической модели такого процесса.

Если следовать представлению о том, что с возрастом создаётся иллюзия уплотнения времени в рамках его естественного течения, то метафора «пресс времени», представляется наиболее продуктивной в смысле раскрытия сущности восприятия времени как целостного психологического процесса. С опорой на эту исходную позицию могут быть проанализированы, формализованы математически и представлены как переменные величины модели следующие характеристики искажённого времени в зависимости от времени реального: относительное уплотнение (сжатие) времени, сила уплотнения (сжатия) времени и скорость уплотнения (сжатия) времени.

Прообраз модели восприятия времени

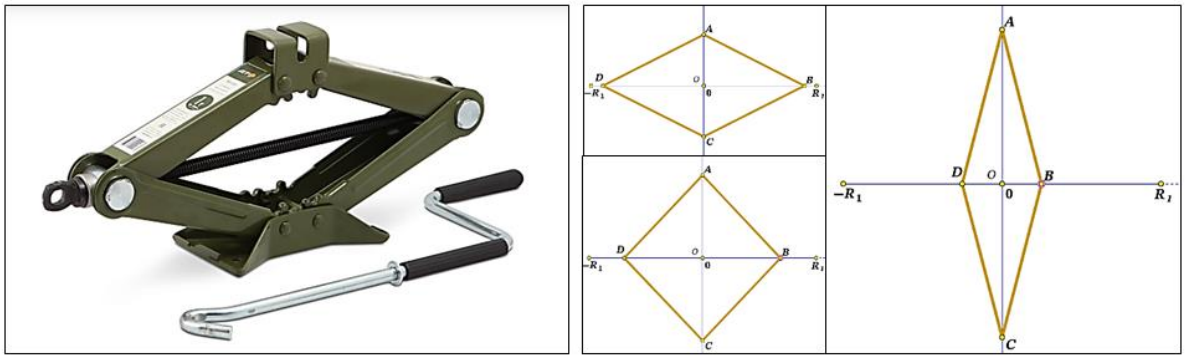
Перед моделированием восприятия времени необходимо исследовать процедуру измерения времени и связанные с этим трудности. Хотя существуют разнообразные методики математического моделирования сложных систем (см., например, [1-2]), в данном случае целесообразно воспользоваться действием по аналогии, то есть подобрать некоторую работающую математическую модель, в которой воспроизводятся аналогичные процессы, и модифицировать её под рассматриваемую задачу восприятия времени в соответствии с новыми условиями

За прообраз математической модели психологического восприятия времени выбрана конструкция ромбического домкрата, знакомая всем автомобилистам (рис. 1, а). Домкрат состоит из двух пар рычагов (плеч) равной длины, скреплённых шарнирами, что придаёт ему форму ромба. При вращении рукоятки горизонтальная диагональ ромба укорачивается, а вертикальная удлиняется, за счёт чего ромб вытягивается, поднимая горизонтальную площадку (подхват) над нижней опорной платформой. Таким образом, ромб

выполняет роль подъёмника груза, лежащего на подхвате или подпираемого им.

На графической модели домкрата (рис. 1, б) его плечи представлены сторонами ромба, скользящими одним концом вдоль горизонтальной оси к началу координат – центру ромба. Два других конца верхних сторон ромба, расположенные в I и II квадрантах, поднимаются по вертикальной оси, приподнимая вершину ромба – точку *A*, а два других, расположенных в III и IV квадрантах, – опускают нижнюю вершину ромба – точку *C*.

При моделировании восприятия времени по типу ромбического домкрата [3, с. 339] у его конструкции были позаимствованы два основных принципа – скольжение рычагов (плеч постоянной длины) между сторонами прямого угла и изменение скорости подъёма подхвата: в начальный момент скорость подъёма максимальна, а по мере «вытягивания» домкрата она уменьшается до нуля (те, кто работал с таким домкратом, отмечают, что вначале крутить рукоятку весьма тяжело, а затем – всё легче и легче).



а) б)

Рис. 1. Ромбический домкрат (а) и его графическая модель для трёх положений подхвата (точки *A*) относительно горизонтальной оси (б)

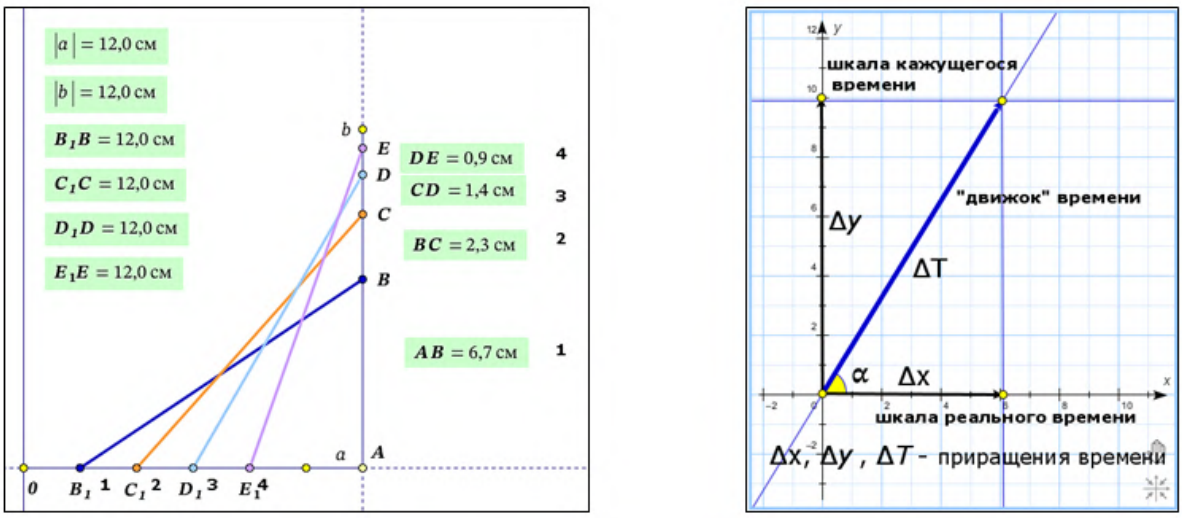
В модели восприятия времени нам необходима только одна сторона ромба (рис. 2, а), которая скользит нижним концом от начала координат (точки 0) вдоль горизонтальной оси *x*, и, достигнув некоторой точки *A*, сливается с выходящей из неё вертикальной прямой. Длина стороны ромба – величина фиксированная, и она условно принимается за полный период жизни человека. А уменьшение скорости подъёма подхвата, согласно принятой первоначальной гипотезе, соответствует уменьшению линейных приращений координаты верхней точки стороны ромба по вертикальной оси.

С помощью численного эксперимента, выполненного в интерактивной творческой среде «1С:Математический конструктор» [4], установлено, что при перемещении нижней точки отрезка, имитирующего сторону ромба, вдоль оси x на отрезки равной длины приращение координаты верхней точки отрезка по оси y с каждым таким шагом уменьшается. Если принять ось абсцисс x за ось реального времени, а ось ординат y – за ось кажущегося времени, то получим, что при перемещении вдоль горизонтальной оси равным отрезкам Δx по шкале реального времени соответствуют уменьшающиеся приращения Δy по шкале кажущегося времени: на рис. 2, (б) они представлены как катеты прямоугольного треугольника, гипотенуза которого $\boldsymbol{\Delta T}$, названная «движком» времени, движением нижнего конца показывает приращение периода реального времени, а движением верхнего конца – приращение того же периода по шкале кажущегося времени.

Поскольку проектируемая модель должна отвечать на вопрос, как некий постоянный период времени прожитой жизни ощущается человеком в разном возрасте, в неё должна быть заложена продолжительность жизни человека («стрела жизни», обозначенная как $\boldsymbol{T}$) – тот ожидаемый период времени, который устанавливает соответствие между тем, сколько уже прожито, и тем, сколько осталось, то есть задавать психологическую оценку прожитого по сравнению с тем, что осталось прожить. Продолжительность жизни человека $\boldsymbol{T}$ является ожидаемой или прогнозируемой величиной, то есть неопределённым и самым важным психологическим параметром, задаваемым изначально и влияющим на все остальные переменные величины проектируемой модели.

Итак, при моделировании процесса восприятия времени приняты следующие допущения (см. рис. 2, б):

- задана длина отрезка, движущегося между двумя взаимно перпендикулярными прямыми (аналога одного плеча домкрата), равная предполагаемой продолжительности жизни $\boldsymbol{T}$ (длина «стрелы жизни»);
- обеспечено одновременное скольжение начальной и конечной точек «стрелы жизни» вдоль горизонтальной и вертикальной координатных осей на декартовой плоскости;
- горизонтальная ось в пределах «стрелы жизни» (длины $\boldsymbol{T}$) разбита на равные промежутки времени (например, длиной в один год): $\boldsymbol{t_n = n}$;
- по вертикальной оси фиксируется приращение подъёма конечной точки «стрелы жизни» $\boldsymbol{\Delta y_n}$ при каждой последующей итерации, то есть при движении по оси реального времени от года к году.



а) **б)**

Рис. 2. Численный эксперимент модели восприятия времени по типу ромбического домкрата (а) и иллюстрация её теоретического анализа (б)

Пользуясь рис. 2, (б), можно определить четыре функции, характеризующие работу модели восприятия времени при фиксированной продолжительности жизни T:

- восприятие одного года (месяца, дня) конкретным человеком в разном возрасте, которое может считаться результирующим показателем восприятия времени за все прожитые годы, рассчитывается по формуле:

$$\Delta y_n = \sqrt{(\Delta T)^2 - (T - \Delta x)^2} = \sqrt{T^2 - (T - t_n)^2} - \sqrt{T^2 - (T - (t_n - 1))^2}, \quad (1)$$

где T – продолжительность жизни человека, t_n – число прожитых лет с шагом в один год $t_n = \Delta x_n = n$, n – натуральное число, или номер итерации;

- относительное уплотнение времени характеризует кажущийся период времени, принимаемый человеком за реальный в зависимости от его возраста; при шаге итерации $\Delta x = 1$ имеем:

$$\Delta y_n = \operatorname{tg}\left(\frac{\pi}{2} - \alpha\right) = \operatorname{ctg}(\alpha), \quad (2)$$

с каждой последующей итерацией реального времени Δx (с возрастом) величина угла наклона «стрелы жизни» $\alpha(x)$ к оси реального времени увеличивается, а восприятие одного периода времени Δy_n – уменьшается, что приводит к *уменьшению* относительного уплотнения времени;

- сила уплотнения времени – величина, обратная относительному уплотнению времени, показывающая, как приращение кажущегося времени Δy_n соотносится с единичным отрезком реального времени; при шаге итерации $\Delta x = 1$ имеем:

$$\frac{1}{\Delta y_n} = \operatorname{ctg}\left(\frac{\pi}{2} - \alpha\right) = \operatorname{tg}(\alpha), \quad (3)$$

с каждой последующей итерацией реального времени Δx (с возрастом) величина $\alpha(x)$ увеличивается, а Δy_n уменьшается, что приводит к *увеличнию* силы уплотнения времени;

- скорость уплотнения времени в зависимости от возраста человека показывает, с какой скоростью искажалось реальное время в сознании человека, прожившего или планирующего прожить T лет, по достижении определённого возраста; она равна углу наклона «стрелы жизни» к горизонтальной оси:

$$\frac{dy_n}{dt_n} = \arccos\frac{T - t_n}{T}. \quad (4)$$

В формулы (1)-(4) может быть включён в виде множителя показатель биологических и психологических особенностей отдельного человека – нормировочный коэффициент $K(t_n)$, который может быть как меньше, так и больше единицы.

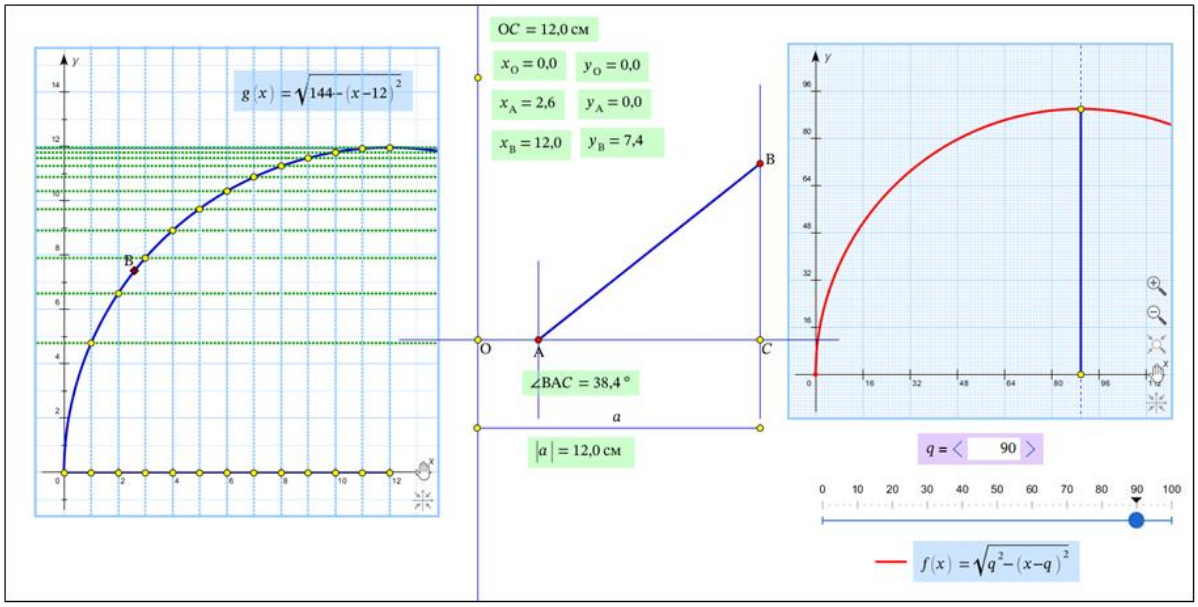
Процедура моделирования

После численного эксперимента (см. рис. 2, а) и перед построением математической модели в интерактивной творческой среде «1С:Математический конструктор» [4-5] был проведён ещё один эксперимент – динамический, целью которого была проверка гипотезы, действительно ли при движении отрезка фиксированной длины между двумя взаимно перпендикулярными прямыми приращение координаты верхней точки отрезка по вертикальной оси уменьшается по мере удаления нижней точки от начала координат.

На рис. 3, (а) показан график зависимости приращения кажущегося времени (координаты точки *B* по вертикальной оси на рис. 3, б) в зависимости от положения точки *A* на горизонтальной оси, представляющий собой траекторию движения точки *B*. Сгущение горизонтальных пунктирных линий зелёного цвета на рис. 3, (а) доказывает справедливость принятой гипотезы. Кроме того, динамический эксперимент показал, что радиус траектории

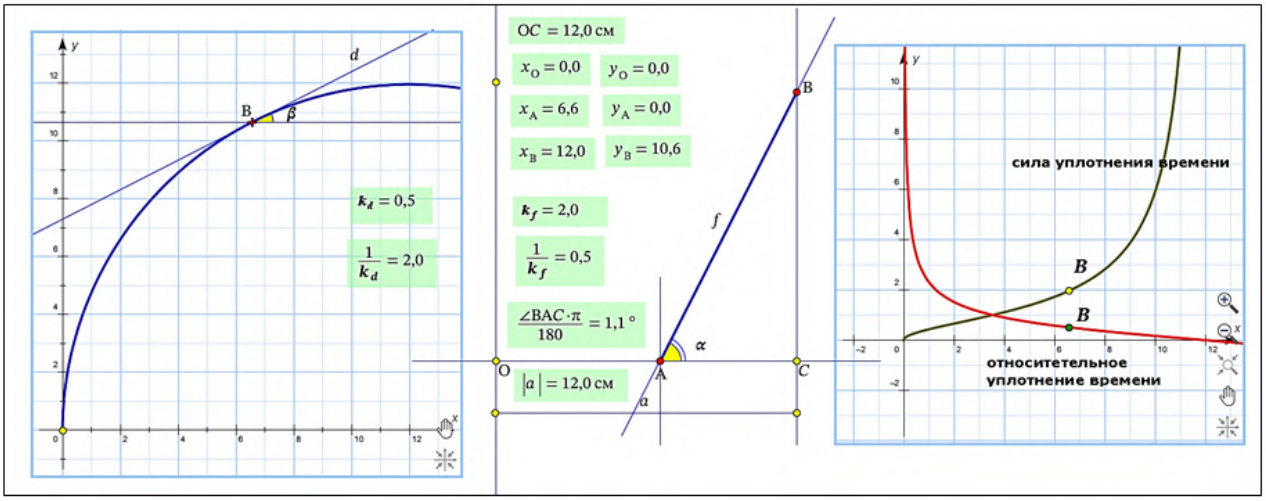
движения точки *B* меняется в зависимости от задаваемой движком продолжительности жизни человека (рис. 3, в).

В соответствии с формулами (1)-(4) была построена математическая модель психологического восприятия времени в зависимости от возраста человека, представленная на рис. 4. Рис. 4, (а)-(б) в интерактивной среде «1С:Математический конструктор» демонстрируют передвижение точки *B* по траектории с построением касательной, фиксирующей угол наклона «стрелы жизни» к вертикальной оси. На рис. 4, (в) изображены два графика: график относительного уплотнения времени, построенный по формуле (2) (красная кривая), и график силы уплотнения времени, построенный по формуле (3) (зелёная кривая). По этим графикам в динамическом режиме можно определить числовые значения относительного уплотнения и силы уплотнения времени в зависимости от положения точки *B*.



а) **б)** **в)**

Рис. 3. Динамический эксперимент при построении математической модели восприятия времени: зависимость координаты точки *B* (траектория движения) на оси кажущегося времени от положения точки *A* на оси реального времени для фиксированной продолжительности жизни (а); движение «стрелы жизни» с концами в точках *A* и *B* между осями реального и кажущегося времени для фиксированной продолжительности жизни (б); траектория движения точки *B* при изменении продолжительности жизни линейным движком (в)



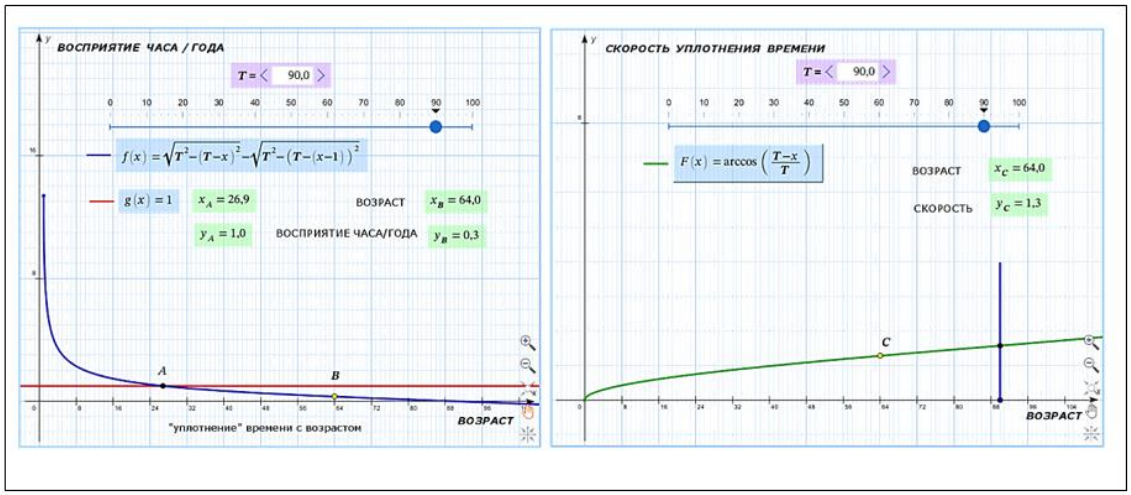
а) **б)** **в)**

Рис. 4. Динамическая модель восприятия времени в зависимости от возраста человека при фиксированной продолжительности жизни: траектория движения точки *B* (а), непосредственно сама модель с фиксацией изменения координат точек *A* и *B* (б), зависимость силы уплотнения времени и относительного уплотнения времени от координаты точки *A* (в)

На рис. 5 приведены результаты динамического моделирования зависимости восприятия единицы реального времени (рис. 5, а), рассчитанной по формуле (1), а также график скорости уплотнения времени (рис. 5, б), рассчитанной по формуле (4), человеком определённого возраста при фиксированной предполагаемой продолжительности жизни. На графиках рис. 5 продолжительность жизни человека выбрана равной 90 годам. В возрасте 64 лет он воспринимает единицу реального времени уменьшенной почти в три раза (y_B = 0,3) при скорости уплотнения времени y_C = 1,3. На графике восприятия времени рис. 5, (а) красная горизонтальная прямая задаёт значение y_A = 1, что соответствует примерному возрасту 27 лет. Это означает, что для человека 27-ми лет с прогнозируемой продолжительностью жизни 90 лет восприятие реального и кажущегося времени не будут отличаться друг от друга. Ниже возраста 27 лет годы, недели, дни будут ему казаться длиннее реальных, а выше этого возраста – короче реальных.

Кроме того, закладывая в динамическую модель предполагаемую или планируемую продолжительность жизни как параметр, можно сделать вывод о

том, что чем дольше намерен прожить человек, тем позднее для него наступает момент, когда кажущееся время станет короче реального.



а) **б)**

Рис. 5. Модель восприятия времени при планируемой продолжительности жизни 90 лет человеком в возрасте 64 лет: один год воспринимается как 4 месяца (а), что соответствует скорости уплотнения времени 1,3 (б)

Результаты математического моделирования: ограничения модели восприятия времени по типу уплотнения

Предложенная математическая модель восприятия времени по типу уплотнения обладает рядом ограничений, вызванных неопределённостью начальных условий и сложностью учёта динамики реальных процессов:

- предельный возраст ***T*** (прогнозируемая продолжительность жизни) изначально неизвестен: он выбирается произвольно и является параметром модели;
- не установлено, каким образом следует отразить в нормировочном коэффициенте $K(t_n)$ психофизическое состояние человека, то есть учесть в рамках модели целостную системную реакцию его организма, охватывающую психический, физиологический и поведенческий уровни – мысли, чувства, переживания; активность нервной системы; специфику поведенческих проявлений и пр.;
- числовые значения, полученные из графиков модели, не отражают реальных психофизических процессов, которые очень сложно представить в количественном выражении, а являются лишь её условными характеристиками.

Тем не менее, с помощью данной модели можно изучить основные принципы и динамику, согласно которым протекают процессы в моделируемой системе, а также проанализировать их с позиций сопоставления, то есть выявить существенные свойства и закономерности выбранных фаз её развития. Получаемые при этом числовые характеристики переменных величин модели не носят абсолютного характера, а лишь позволяют проследить относительные качественные изменения в поведении системы, используя термины «больше-меньше», «быстрее-медленнее», «короче-длиннее», «более или менее плотный, вероятный, ожидаемый» и пр.

Заключение

Построение математической модели психологического восприятия времени, представляющего собой сложную систему по оценке времени посредством внутренних часов человека, является весьма непростой задачей в силу неопределённости данных и нечёткости динамики протекания процессов различной этиологии в сознании личности.

Поиски наиболее подходящей стратегии математического моделирования подобной психологической системы привели к выбору комбинированного варианта построения математической модели, основанного на принципе перехода через стратегию «от теории» – к стратегии «от данных». Этот вариант предполагает принять за исходную некоторую уже известную рабочую модель-эталон, построенную по образцу «от теории», и найти в ней ряд закономерностей, которые определённым образом, пусть на уровне гипотезы, предположений или иных вероятностных факторов можно применить к решению задачи. Такая математическая модель, соответствующая заданным условиям, создаётся разработчиком путём прямого использования или модификации найденной эталонной модели.

Хотя предложенный в данной статье способ построения математической модели психологического восприятия времени не имеет прямого практического применения, а демонстрирует только реализацию научного интереса разработчика, тем не менее он показывает, что субъективное (кажущееся) время описывается не отдельно от физического пространства и не в связке с ним, – как в современных научных теориях, – а в связке с сознанием человека, его психикой, жизненным опытом, памятью и оценкой перспектив продолжительности собственной жизни.

Список литературы

1. Павловский Ю.Н. Белотелов Н.В., Бродский Ю.И. Имитационное моделирование: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 236 с.

2. Павловский Ю.Н. Белотелов Н.В., Бродский Ю.И. Компьютерное моделирование. Учеб. пособие для вузов. М.: Физматкнига, 2014. 304 с.

3. Корчажкина О.М. От ромбического домкрата к восприятию времени // Новые информационные технологии в образовании: Сборник научных трудов 25-й международной научно-практической конференции «Новые информационные технологии в образовании» (Интеграция ИТ-индустрии и системы образования на базе технологических решений 1С-стратегии роста) 04-05 февраля 2025 г. / Под общ. ред. проф. Д.В. Чистова. Часть 2. М.: ООО «1С-Паблишинг», 2025. 426 с. С. 338-342.

4. «1С:Математический конструктор 12». М: ООО 1С, 2025. URL: https://obr.1c.ru/mathkit/.

5. Дубровский В.Н., Усатюк В.В., Авилов К.К., Булычёв В.А., Лебедева Н.А., Чернецкая Т.А. Математическое моделирование для школьников. М.: ООО «1С-Паблишинг», 2023. 207 с. URL: https://obr.1c.ru/mathkit/mathmodbook/mathmodbook.pdf.

© Корчажкина О.М.

УДК 53.04:532.5
DOI 10.46916/29122025-4-978-5-00215-963-5

ПРИМЕНЕНИЕ ВЕКТОРНОЙ ГРАФИКИ ДЛЯ АВТОМАТИЗАЦИИ ОБРАБОТКИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ГИДРОДИНАМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Пахненко Василий Петрович
аспирант
Институт проблем механики им. А.Ю. Ишлинского РАН

Аннотация: В работе рассмотрены методы автоматизированной обработки экспериментальных данных, основанные на использовании средств векторной графики. Подходы ориентированы на анализ видеозаписей лабораторных экспериментов, в которых исследуются процессы переноса маркеров, подкрашивающих примесей и твердых объектов на свободной водной поверхности и в толще течения. Показано, что переход от растрового представления экспериментальных данных к векторному формату позволяет существенно сократить объём обрабатываемой информации и повысить эффективность последующего анализа. Описаны основные этапы преобразования видеоданных, формирования векторных представлений и извлечения количественных характеристик исследуемых процессов. Отмечены преимущества векторного подхода при анализе нестационарных течений и визуализации динамики экспериментальных данных. Представленные методы могут быть использованы при обработке результатов гидродинамических экспериментов и в смежных задачах физической механики жидкости.

Ключевые слова: обработка экспериментальных данных, векторная графика, автоматизация, гидродинамика, маркеры течений, визуализация данных.

APPLICATION OF VECTOR GRAPHICS FOR AUTOMATED PROCESSING OF EXPERIMENTAL DATA IN HYDRODYNAMIC STUDIES

Pakhnenko Vasilii Petrovich

Abstract: This paper discusses methods for automated processing of experimental data based on the use of vector graphics techniques. The proposed approaches are focused on the analysis of video recordings of laboratory experiments involving the transport of markers, dyed tracers, and solid objects on the free water surface and within the flow depth. It is shown that converting raster image data into vector representations significantly reduces the volume of processed information and improves the efficiency of subsequent analysis. The main stages of video data transformation, vector representation generation, and extraction of quantitative characteristics are described. The advantages of the vector-based approach for the analysis of unsteady flows and visualization of experimental dynamics are highlighted. The presented methods can be applied to the processing of hydrodynamic experimental data and related problems in fluid mechanics.

Key words: experimental data processing, vector graphics, automation, video analysis, hydrodynamics, flow markers, data visualization.

1. Введение

Современные экспериментальные исследования в области гидродинамики и механики жидкости сопровождаются получением больших массивов визуальных данных, формируемых в результате видеофиксации экспериментальных процессов. Анализ таких данных является неотъемлемой частью экспериментальной работы и во многом определяет точность и информативность получаемых результатов. При этом традиционная ручная обработка видеоматериалов и отдельных кадров требует значительных временных затрат и существенно ограничивает объём экспериментальных данных, доступных для анализа.

Одним из перспективных направлений повышения эффективности обработки экспериментальных данных является автоматизация анализа видеоматериалов с использованием современных программных средств. В частности, переход от растрового представления изображений, получаемых при видеосъёмке экспериментов, к векторному формату открывает дополнительные возможности для компактного хранения информации, формализации геометрических характеристик исследуемых объектов и последующего количественного анализа их динамики.

В гидродинамических экспериментах, связанных с исследованием переноса маркеров, подкрашивающих примесей и твёрдых объектов на

свободной водной поверхности и в толще течения, особую сложность представляет анализ нестационарных процессов и пространственно-временных траекторий движения. Векторное представление экспериментальных данных позволяет описывать такие процессы в виде параметризованных геометрических объектов, что существенно упрощает их обработку, сопоставление и визуализацию во времени.

В связи с этим целью данной работы является рассмотрение методов автоматизированной обработки экспериментальных данных на основе средств векторной графики, а также анализ их применения при исследовании гидродинамических течений. Основное внимание уделяется преимуществам векторного подхода при обработке данных видеонаблюдения и возможности повышения эффективности экспериментальных исследований за счёт автоматизации анализа.

2. Эксперименты на свободной водной поверхности

В экспериментах на свободной водной поверхности исследуются процессы переноса маркеров, подкрашивающих примесей и твёрдых объектов под действием гидродинамических течений. Такие эксперименты широко применяются при изучении конвективных, вихревых и сдвиговых течений, а также при анализе динамики взаимодействия объектов с поверхностью жидкости. Основным источником экспериментальных данных в подобных исследованиях является видеофиксация, позволяющая регистрировать эволюцию процессов во времени с высокой пространственной и временной разрешающей способностью.

При анализе видеоданных экспериментов на свободной поверхности воды возникает задача обработки большого массива кадров, каждый из которых содержит информацию о положении и форме исследуемых объектов. Прямая ручная обработка таких данных является трудоёмкой и малопригодной для серийных экспериментов. В связи с этим актуальной является автоматизация обработки видеоматериалов с целью извлечения количественных характеристик движения.

В рамках рассматриваемого подхода обработка экспериментальных данных начинается с преобразования видеозаписи эксперимента в последовательность отдельных кадров, сохраняющих исходную пространственную структуру изображения. Далее выполняется предварительная обработка растровых изображений, направленная на снижение уровня шумов и

выделение контуров исследуемых объектов. Это позволяет получить изображения с чётко выраженными границами, пригодные для последующего перехода к векторному представлению.

Переход от растрового формата к векторному осуществляется путём аппроксимации контуров объектов параметрическими кривыми. В результате каждый кадр эксперимента представляется в виде набора векторных данных, описывающих геометрическую форму и положение объекта на поверхности воды. Такое представление существенно снижает объём обрабатываемой информации и позволяет перейти от анализа изображений к анализу параметризованных геометрических объектов.

Использование векторного формата обеспечивает возможность автоматического определения координат характерных точек объектов, таких как положение центра, ориентация и параметры вращения. На основе последовательности векторных представлений, соответствующих отдельным моментам времени, формируются траектории движения объектов и временные зависимости их кинематических характеристик. Это позволяет проводить количественный анализ динамики процессов переноса на свободной водной поверхности и сравнивать результаты различных экспериментов между собой.

Таким образом, применение средств векторной графики при обработке данных экспериментов на свободной водной поверхности обеспечивает эффективный инструмент автоматизированного анализа нестационарных гидродинамических процессов и существенно повышает информативность экспериментальных исследований.

3. Эксперименты в толще течения

Эксперименты, направленные на исследование процессов в толще течения, позволяют получить более полное представление о структуре и динамике гидродинамических потоков по сравнению с наблюдениями, ограниченными свободной поверхностью воды (рис. 1). В таких экспериментах анализируется поведение подкрашивающих примесей и маркеров, проникающих в объём жидкости и распространяющихся под действием вихревых и конвективных течений. Видео фиксация подобных процессов обеспечивает регистрацию пространственно-временной эволюции течения, однако их количественный анализ сопряжён с рядом методических трудностей.

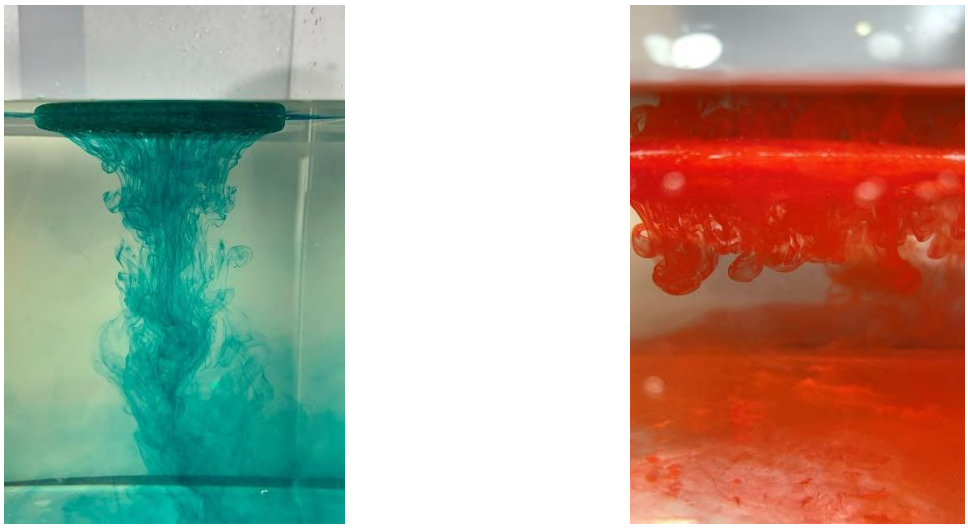


Рис. 1. Растровые кадры из экспериментов

В отличие от экспериментов на свободной поверхности, где движение объектов часто можно описывать в плоскости, процессы в толще течения обладают выраженной пространственной нестационарностью и сложной геометрией траекторий. Подкрашенные фронты и столбы примесей характеризуются изгибами, локальными возмущениями и изменяющейся формой, что существенно осложняет их обработку методами, ориентированными на растровое представление изображений.

Для автоматизированного анализа таких данных используется переход к векторному описанию фронтов подкрашивающих примесей. В этом случае структура фронта представляется в виде пространственного вектора, состоящего из последовательно связанных сегментов, каждый из которых определяется набором точек с заданными геометрическими параметрами. Такое представление позволяет сохранять информацию о форме и изгибах фронта, а также отслеживать их эволюцию во времени.

Одной из ключевых задач при анализе экспериментальных данных в толще течения является сопоставление результатов различных экспериментов между собой. Поскольку количество точек и их пространственное распределение в векторном представлении могут существенно различаться, прямое сравнение таких данных затруднено. Для решения этой задачи применяется переход к эквивалентному представлению векторных данных на заданной равномерной координатной сетке. Анализ пересечений простран-ственных векторов с элементами такой сетки позволяет привести данные

к унифицированному формату, пригодному для последующей статистической обработки.

Использование равномерной координатной сетки обеспечивает возможность анализа пространственно-временных характеристик течения, таких как отклонения фронтов подкрашивающих примесей, изменение их формы и динамика распространения в глубину потока. Это позволяет выявлять закономерности, связанные с параметрами эксперимента, и проводить корректное сравнение различных режимов течения.

Таким образом, применение векторных представлений и переход к унифицированным координатным сеткам при обработке данных экспериментов в толще течения существенно расширяет возможности автоматизированного анализа сложных нестационарных гидродинамических процессов и повышает воспроизводимость результатов экспериментальных исследований.

4. Заключение

В работе рассмотрены методы автоматизированной обработки экспериментальных данных, основанные на использовании средств векторной графики в гидродинамических исследованиях. Показано, что переход от растрового представления видеоданных к векторному формату позволяет существенно сократить трудоёмкость обработки и повысить эффективность анализа больших массивов экспериментальной информации.

На примере экспериментов на свободной водной поверхности и в толще течения продемонстрировано, что векторное представление данных обеспечивает формализованное описание геометрических и кинематических характеристик исследуемых процессов. Это позволяет автоматически извлекать количественные параметры движения маркеров и подкрашивающих примесей и анализировать нестационарную динамику течений.

Представленные методы являются универсальными и могут быть адаптированы для обработки экспериментальных данных в широком классе задач механики жидкости и смежных областях физико-математических наук, повышая информативность и воспроизводимость экспериментальных исследований.

Примечание

Работа выполнена в рамках Госзадания 124012500441-6 (FFGN-2024-0007).

Список литературы

1. Kistovich A.V., Chaplina T.O., Analytical and experimental modeling of the hydrocarbon slick form and its spreading on the water surface, Physics of Fluids, vol. 33, 2021.
2. Ту Дж., Гонсалес Р. Принципы распознавания образов. М.: Мир, 1978. 411 с.
3. Eisenberg D.J. SVG Essentials, 2nd Edition. O'Relly Media. 2014. 366 p.

© Пахненко В.П.

СЕКЦИЯ
ИНФОРМАТИКА

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АВТОМОБИЛЬНЫХ РАДАРАХ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Гайнуллин Максим Сергеевич
студент 2 курса группы ИСТм-43
Научный руководитель: **Захарова Оксана Игоревна**
к.т.н., доцент, доцент кафедры «Информационные системы и технологии»
ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики»

Аннотация: В работе анализируются современные методы интеграции технологий искусственного интеллекта (ИИ) в автомобильные радарные системы. В статье рассматривается использование нейронных сетей для обработки сигналов, повышения точности распознавания объектов и устойчивости к помехам. Произведен анализ архитектуры ИИ-моделей, применяемых в радарах 4D-имиджинга, а также их роль в системах автономного вождения. Авторы приводят примеры коммерческих решений и обсуждаются перспективы развития, включая энергоэффективность и миниатюризацию. Работа показывает, что ИИ становится ключевым компонентом следующего поколения автомобильных радаров, обеспечивая переход от простого обнаружения к когнитивному восприятию окружающей среды.

Ключевые слова: искусственный интеллект, автомобильные радары, 4D-радар, нейронные сети, автономное вождение, обработка сигналов, машинное обучение.

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CAR RADARS: MODERN APPROACHES AND PERSPECTIVES

Gainullin Maxim Sergeevich
Scientific adviser: **Zakharova Oksana Igorevna**

Abstract: The article discusses modern methods of integrating artificial intelligence (AI) technologies into automotive radar systems. The article discusses the use of neural networks for signal processing, improving the accuracy of object recognition and resistance to interference. The architecture of AI models used in 4D imaging radars is analyzed, as well as their role in autonomous driving systems. The authors provide examples of commercial solutions and discuss development prospects, including energy efficiency and miniaturization. The work shows that AI is becoming a key component of the next generation of automotive radars, enabling the transition from simple detection to cognitive perception of the environment.

Key words: artificial intelligence, car radars, 4D radar, neural networks, autonomous driving, signal processing, machine learning.

Advanced Driver Assistance Systems (усовершенствованные системы помощи водителю) и autonomous driving (автономное вождение) всё чаще полагаются на мультисенсорное восприятие. Автомобильные радары имеют ряд преимуществ, к которым можно отнести надежность в любых погодных условиях и способность точно измерять расстояние и скорость. Традиционные радары в данном случае сталкиваются с ограничениями в разрешении и способности классифицировать объекты. Следовательно, для решения этих ограничений применяется ИИ.

По данным аналитического агентства Yole Development, к 2027 году объём рынка 4D-радаров превысит 3,5 млрд долларов, при этом ключевым драйвером станет интеграция ИИ [1, с. 45].

Первое поколение радаров (24 ГГц) использовалось для адаптивного круиз-контроля. В настоящее время радары 77-81 ГГц (81 ГГц (4D-радары) обеспечивают высокое разрешение по углу, расстоянию, скорости и высоте. Однако объём данных, генерируемых такими системами, достигает Гб в секунду, что делает невозможной эффективную обработку без ИИ [2, с. 45].

Радарные данные представляют собой range-Doppler-angle maps (кубы сигнала), которые существенно отличаются от изображений и временны рядов. Это обуславливает необходимость специализированных архитектур ИИ.

В табл. 1 представлен сравнительный анализ традиционного радара и ИИ-радара.

Таблица 1

Сравнительный анализ радаров

Показатель	Традиционный радар	ИИ-радар
Точность определения класса объекта	<60%	>90%
Время обработки кадра (77 ГГц, 192 канала)	40-60 мс	10-15 мс
Число ложных срабатываний на 100 км	3-5	≤1
Возможность различия объектов на расстоянии <0,5 м	Нет	Да
Адаптация к новым сценариям	Требует перепрограммирования	Дообучение в режиме real-time

PointNet / PointPillars обрабатывают облака радарных точек напрямую. Они преобразовывают их в структурированные представления. Эти архитектуры эффективны при низкой плотности точек [3, с. 115]. U-Net с комплексным входом применяется для сегментации радарных карт с учётом амплитуды и фазы сигнала. Такой подход повышает точность обнаружения мелких объектов. Transformer-based модели позволяют моделировать долгосрочные зависимости между отражениями [4, с. 82].

Deep Neural Networks (глубокие нейронные сети) применяются на нескольких этапах обработки:

- Подавление шумов и помех, с использованием, к примеру, автоэнкодеров;
- Кластеризация точек отражения в объекты с использованием convolutional neural network или PointNet;
- Классификация объектов с применением трансформеров или гибридных архитектур [3, с. 112].

Использование ИИ-радаров позволяет различать близко расположенные объекты (мотоцикл рядом с грузовиком). Также такие радары намного устойчивее к различным условиям (во время дождя или тумана, низкая освещённость не снижает эффективность радара, а алгоритмы ИИ

компенсируют недостатки других сенсоров). Модели, используемые в ИИ-радарах, обучены фильтровать «фантомные» объекты [4, с. 78].

В 2024 году компания «Tesla» после отказа от лидаров, усилила ИИ-компонент в своих 77 ГГц радарах. Применив модель RadarFormer, обученную на 2,3 млн. часов дорожных данных. Valeo Scala 3 Radar – первый серийный 4D-радар с встроенным ИИ-ускорителем (STMicroelectronics). Устанавливается на новые модели BMW и Mercedes с 2025 года. НПО «Иркут» в 2024 году представила отечественный радар с поддержкой ИИ-обработки на базе ОС «Аврора», который предназначен для беспилотных доставочных платформ в условиях Крайнего Севера.

Несмотря на прогресс, остаются такие проблемы, как необходимость больших аннотированных датасетов радарных данных, требования к сертификации ИИ-систем в automotive-сфере и ограниченные вычислительные ресурсы в бортовых контроллерах [5].

Интеграция ИИ в автомобильные радары является стратегическим прорывом в области восприятия окружающей среды для автономных транспортных средств. ИИ решает такие проблемы как: низкое угловое разрешение, нестабильность классификации и уязвимость к многолучевым помехам. Развитие специализированных архитектур нейронных сетей и аппаратных ускорителей помогают ИИ-радарам достигать уровня надежности, сопоставимого с лидарными системами.

Перспективы развития ИИ-радаров лежат в использовании фьюжн-архитектуры (совместная обработка радарных и визуальных данных на раннем уровне), энергоэффективной микроархитектуры (ИИ-чипы с потреблением <1 Вт) и в использовании самообучающихся систем.

Таким образом, ИИ превращает автомобильный радар из вспомогательного сенсора в основу когнитивной системы безопасности, что делает его незаменимым элементом транспортных средств будущего.

Список литературы

1. Yole Développement. Radar for Automotive and Industrial Applications 2024: Market and Technology Report. – Lyon: Yole Group, 2024. – 156 p.

2. Patole S., Kellner D., Barjenbruch U. et al. Automotive Radars: A Review of Signal Processing Techniques // IEEE Signal Processing Magazine. – 2023. – Vol. 40, № 2. – P. 42–58.

3. Wang Y., Li X., Liu H. Deep Learning for 4D Automotive Radar Object Detection // IEEE Transactions on Intelligent Vehicles. – 2024. – Vol. 9, № 1. – P. 110–125.

4. Schneider F., Dickmann J., Hahn M. Radar-Based Perception for Autonomous Driving: Challenges and Opportunities // Sensors. – 2023. – Vol. 23, № 5. – P. 2701.

5. ISO 21448:2022. Road vehicles — Safety of the intended functionality (SOTIF). – Geneva: International Organization for Standardization, 2022. – 68 p.

© Гайнуллин М.С.

СЕКЦИЯ БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

РЕЖИМ СУТОЧНОЙ АКТИВНОСТИ В СИСТЕМЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПОДРОСТКОВ О ЗДОРОВОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ

Тимофеева Ариадна Ростиславовна
студент
Леоненкова Виктория Сергеевна
учащаяся
Научный руководитель: **Захарова Галина Анатольевна**
к.б.н., доцент
УО «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

Аннотация: В статье представлены результаты анкетирования учащихся с целью анализа роли режима суточной активности в представлениях подростков о здоровом образе жизни. Методом корреляционного анализа выявлены статистически значимые взаимосвязи между отдельными показателями режима и субъективной оценкой подростками своего образа жизни. Результаты исследования могут быть использованы в образовательной среде для формирования осознанного отношения к здоровью.

Ключевые слова: суточная активность, режим дня, здоровый образ жизни, подростки, образовательная среда.

DAILY ACTIVITY MODE IN THE SYSTEM TEENAGERS' IDEAS ABOUT A HEALTHY LIFESTYLE LIVES

Timofeeva Ariadna Rostislavovna
Leonenkova Victoria Sergeevna
Scientific adviser: **Zakharava Halina Anatolyevna**

Abstract: The article presents the results of a student survey to analyze the role of daily activity in adolescents' perceptions of a healthy lifestyle. The method of correlation analysis revealed statistically significant relationships between individual indicators of the regime and adolescents' subjective assessment of their lifestyle. The results of the study can be used in an educational environment to form an informed attitude to health.

Key words: daily activity, daily routine, healthy lifestyle, teenagers, educational environment.

Здоровый образ жизни направлен как на сохранение и укрепление здоровья человека, так и на профилактику заболеваний. Компонентами здорового образа жизни у подростков являются правильное питание, физическая активность, закаливание, соблюдение режима труда и отдыха, соблюдение норм гигиены, отказ от вредных привычек. Но не каждый подросток ясно понимает, как следует заботиться о своём здоровье, не у всех сформирована устойчивая мотивация к здоровому образу жизни [1; 2, с. 11-18]. Всё вышеперечисленное и определило выбор *цели* исследования – анализ роли двигательной активности подростков в формировании их представлений о здоровом образе жизни.

Материал и методы. Материалом для работы послужили результаты самостоятельной разработки анкеты и проведения анкетирования учащихся средних классов ГУО «Средняя школа № 31 г. Витебска имени В.З. Хоружей».

Сбор данных осуществлялся методом анонимного анкетирования. В качестве инструментария использовалась специально разработанная анкета, состоящая из вопросов закрытого типа, с возможностью выбора одного или нескольких вариантов ответа из предложенных.

В работе использованы методы исследования: общенаучные (анализ литературы, классификация, обобщение) и эмпирические (описание, статистическая обработка данных, прогнозирование).

Обсуждение результатов. По результатам анкетирования целевой группы обучающихся, участвовавших в исследовании, был осуществлен анализ их ответов, представленный далее.

Последовательное представление и анализ ответов на каждый из перечисленных вопросов осуществлялся с использованием методов описательной статистики, визуализированных в виде графиков и диаграмм, что позволит детализировать восприятие и поведенческие паттерны респондентов, а также выявить значимые тенденции, касающиеся их образа жизни и отношения к здоровью.

Для оценки восприятия обучающимися значимости сна для здоровья был задан соответствующий вопрос. Восприятие обучающимися значимости сна для здоровья отражено в распределении их ответов (рис. 1).

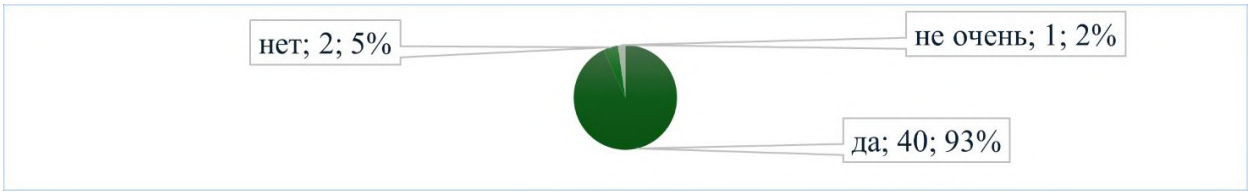


Рис. 1. Результаты опроса «Важен ли сон для здоровья?»

Данные о фактической продолжительности сна, сообщенной респондентами, представлены ниже (рис. 2).

Рис. 2. Результаты опроса «Сколько часов длится ваш сон?»

Осведомленность обучающихся о потенциальных негативных последствиях недосыпания суммирована в представленных результатах (рис. 3).

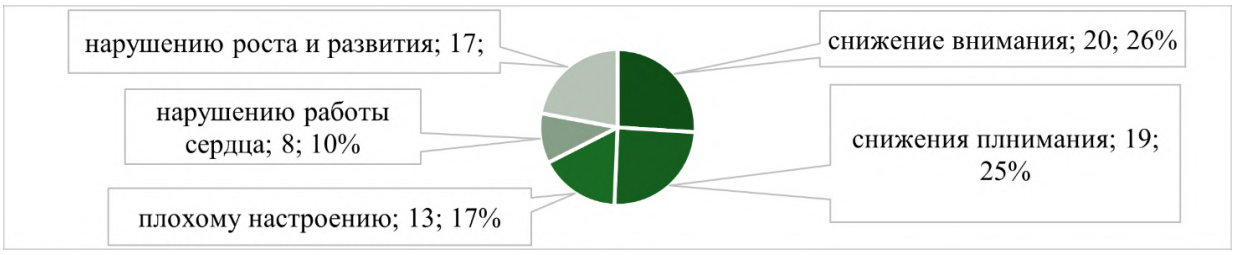


Рис. 3. Результаты опроса «К чему приводит недосыпание?»

Анализ временных затрат обучающихся на пребывание в образовательном учреждении позволяет оценить уровень их дневной загруженности (рис. 4).

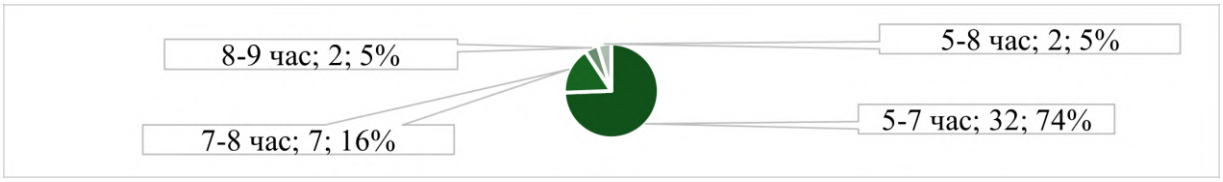


Рис. 4. Результаты опроса «Сколько времени вы проводите в учреждении образования?»

Оценка времени, которое респонденты уделяют выполнению домашних заданий, дает представление о внешкольной учебной нагрузке (рис. 5).

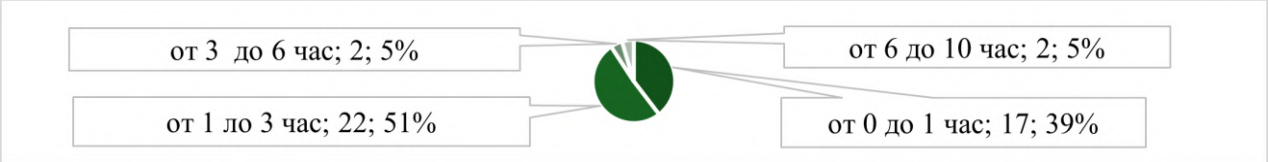


Рис. 5. Результаты опроса «Продолжительность выполнения домашнего задания?»

Для оценки уровня физической активности обучающихся был задан вопрос об их регулярном участии в спортивных секциях или танцах (рис. 6).

Рис. 6. Результаты опроса «Активны ли вы 2-4 раза в неделю?»

Изучение времени, которое респонденты проводят на свежем воздухе, является важным индикатором их двигательной активности и общего благополучия (рис. 7).

Рис. 7. Результаты опроса «Сколько времени вы проводите на свежем воздухе?»

Для проверки уровня знаний обучающихся в области здорового образа жизни был включен вопрос о термине «гиподинамия» (рис. 8).

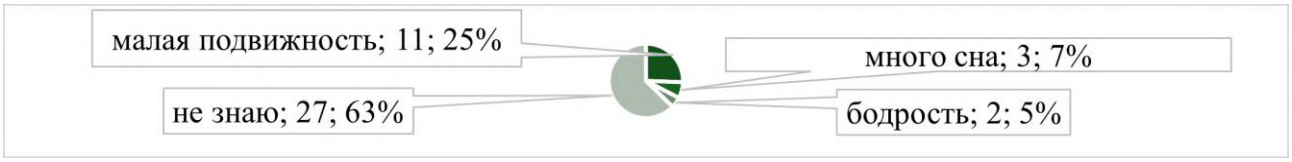


Рис. 8. Результаты опроса «Что такое гиподинамия?»

Самооценка обучающимися собственного образа жизни с точки зрения его здорового характера является важным индикатором их самосознания (рис. 9).

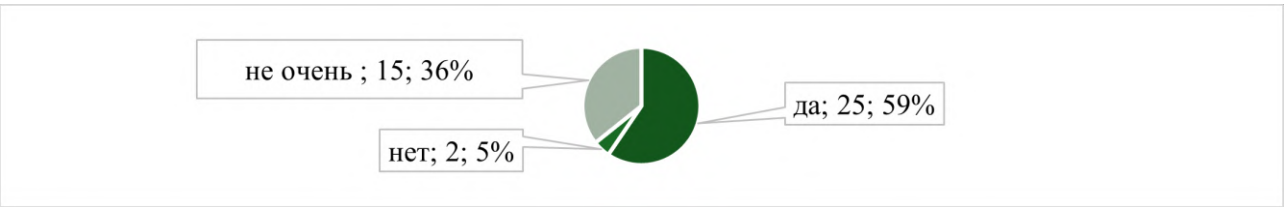


Рис. 9. Результаты опроса «Считаете ли вы свой образ жизни здоровым?»

Для понимания предпочтений обучающихся относительно организации учебного процесса был задан вопрос о наиболее удобной смене занятий (рис. 10).

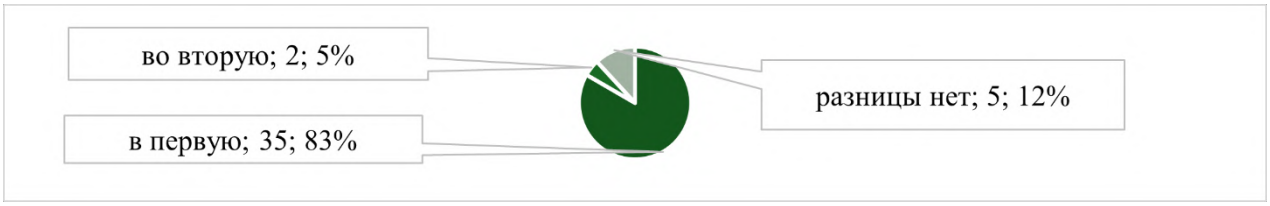


Рис. 10. Результаты опроса «Ваше предпочтение учебной смены?»

Корреляционные взаимосвязи между изученными показателями отражены в следующем представлении (рис. 11).

	важен ли сон для здоровья	сколько часов длится ваш сон	недосыпание приводит к	сколько времени вы проводитне в школе	как долго вы выполняете домашняе задание	занимаетесь ли вы спортом или танцами 2-4 раза в неделю	сколько времени вы проводите на свежем воздухе	что такое гиподинамия	считаете ли вы свой образ жизни здоровым	вам больше нравится заниматься в школе	пол	возраст
важен ли сон для здоровья	1,000											
сколько часов длится ваш сон	-0,236	1,000										
недосыпание приводит к	-0,087	0,291	1,000									
сколько времени вы проводитне в школе	-0,017	-0,205	0,242	1,000								
как долго вы выполняете домашняе задание	-0,207	-0,082	-0,036	0,172	1,000							
занимаетесь ли вы спортом или танцами 2-4 раза в недел	0,105	-0,081	-0,143	0,237	0,321	1,000						
сколько времени вы проводите на свежем воздухе	-0,292	0,281	0,368	-0,077	-0,106	-0,162	1,000					
что такое гиподинамия	0,149	-0,296	-0,019	0,108	-0,200	-0,007	0,023	1,000				
считаете ли вы свой образ жизни здоровым	0,134	-0,396	-0,256	0,115	0,099	0,270	-0,106	0,011	1,000			
вам больше нравится заниматься в школе	-0,099	-0,397	-0,194	0,014	0,193	0,097	-0,119	-0,221	0,160	1,000		
пол	0,011	0,074	0,309	-0,017	0,007	-0,443	0,138	-0,228	-0,266	-0,024	1,000	
возраст	-0,027	0,076	-0,075	0,061	-0,097	0,305	-0,060	0,100	-0,012	-0,125	-0,178	1,000

Рис. 11. Корреляционный анализ исследованных вопросов

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о наличии статистически значимой взаимосвязи умеренной силы, согласно шкале

Чеддока, при значении коэффициента |r| в диапазоне от 0,3 до 0,5, между следующими показателями: временем, проводимом на свежем воздухе и последствиями недосыпания; временем сна и оцениванием своего образа жизни как здорового; временем сна и предпочтением заниматься в школе на определённую смену; физической активностью и полом подростка.

Выводы. Уровень здоровья человека зависит от многих факторов: наследственного, социально-экономического, экологического, деятельности системы здравоохранения. Однако основная роль в поддержании и формировании здоровья принадлежит самому человеку, его образу жизни, ценностям, отношениям, степени гармонизации его внутреннего мира и его отношений с окружающей средой. Именно в школе в течение продолжительного времени молодежь познает, приобретает навыки общения со взрослыми и сверстниками, вырабатывает отношение ко многим жизненным ценностям.

Анализ представлений подростков о своём образе жизни, проведённый по созданной анкете, позволил получить следующие результаты:

– для 93% учащихся важность сна для сохранения здоровья очевидна; длительность сна у 54% подростков составляет 6-8 часов, у 30% - длительность сна больше 8 часов, меньше 6 часов – у 16%;

– анализ осведомлённости подростков о последствиях недосыпания показал, что они знают, что недосыпание приводит к снижению внимания (26%) и понимания (25%) поступающей информации, вызывает нарушение роста и развития (22%), снижает настроение (17%) и провоцирует нарушение работы сердца и сосудов (10%);

– длительность учебных занятий или время, проводимое подростками в школе, для 79% учащихся колеблется от 5 до 8 часов. 16% учащихся постоянно проводят в школе 7-8 часов, и 5% - 8-9 часов;

– анализ времени, уделяемого выполнению домашнего задания, показал, что 51% подростков тратят на выполнение домашних заданий от 1 до 3 часов, 39% уделяют им 1 час или менее, по 5% - от 3 до 6 часов и более 6 часов;

– анализ двигательной активности подростков выявил, что практически 70% подростков занимаются активностью 2-4 раза в неделю;

– оценка времени, проводимой подростками на свежем воздухе показала, что есть подростки, проводящие мало времени на свежем воздухе –

30 минут или меньше (14%), от 3 до 5 часов проводит только 23% подростков, у 26% время колеблется от 30 минут до 2 часов, у 37% - от 1 до 3 часов;

– 59% подростков считают свой образ жизни здоровым, 36% сомневаются и 5% считают, что их образ жизни нельзя назвать здоровым.

Нормальная двигательная активность является одним из компонентов здорового образа жизни. Её снижение называется гиподинамией, но лишь 25% подростков правильно понимают значение термина «гиподинамия».

Выявленные корреляции эмпирически подтверждают, что режим труда и отдыха, структурированный вокруг ключевых элементов (сон, пребывание на свежем воздухе, организованная физическая активность), является не формальным понятием, а комплексным и субъективно значимым индикатором, который напрямую связан с тем, как подростки воспринимают и оценивают собственный образ жизни.

Таким образом, нами подтверждено – режим труда и отдыха подростков является важнейшим показателем самооценивания их образа жизни.

Список литературы

1. Формирование у подростков потребности в здоровом образе жизни: вредные привычки и как им противостоять. URL: http://gymn3.pinsk.edu.by/ru/main.aspx?guid=86821 (дата обращения 04.10.2024).

2. Представления подростков о здоровом образе жизни / Т. В. Скворцова // Концепт. – 2015. – № 2. – С. 11-18.

© Тимофеева А.Р., Леоненкова В.С., 2025

СЕКЦИЯ ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

РАПСОДИЯ Г.Я. ОРЕ: ПОСВЯЩЕНИЕ ФЕРЕНЦУ ЛИСТУ

Лян Цзээнь
аспирант
ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная
консерватория им. М.И. Глинки»

Аннотация: Композитор Г. Оре, переехавший в 1925 году из России в Китай, написал Рапсодию в Гонконге в 1921 году в честь 110-летия со дня рождения Ф. Листа. Данное виртуозное произведение, как и рапсодии Листа, написано в контрастно-составной форме, состоящей из ряда чередующихся тем, требующих от исполнителей владения всеми видами фортепианной техники.

Ключевые слова: Г. Оре, Ф. Лист, рапсодия, контрастно-составная форма, виртуозность, фортепианная техника.

RAPSODOVIA G.Y. ORE: INVITING FERENUTS TO LEAVE

Liang Zeen

Abstract: Composer G. Ore, who moved from Russia to China in 1925, wrote the Rhapsody in Hong Kong in 1921 in honor of the 110th anniversary of F. Liszt's birth. This virtuosic work, like Liszt's Rhapsodies, is written in a contrasting and composite form, consisting of a series of alternating themes that require performers to possess all types of piano technique.

Key words: G. Ore, F. Liszt, rhapsody, contrasting-compound form, virtuosity, and piano technique.

Большой вклад в развитие китайской фортепианной музыки внес Гарри Яковлевич Оре (1885-1972) — композитор, пианист и музыкальный педагог. Он творчески объединил народную музыку Линнани с западной фортепианной

техникой, заложив фундамент «фортепианной музыки в гуандунском стиле» [1, с. 86]. В настоящее время в Китае и России исследуются его произведения, связанные с китайской традицией, в КНР Оре называют «первопроходцем гуандунской фортепианной музыки» [2, с. 14].

Однако связь творчества композитора с европейским фортепианным искусством внимание исследователей не привлекает, в то время как его перу принадлежит ряд выдающихся произведений европейской музыки. Одним из них является Рапсодия № 1, созданная в Китае.

Г.Я. Оре родился в Санкт-Петербурге в семье, переехавшей в столицу России из Латвии. Образование он получил в Санкт-Петербургской консерватории, занимаясь в классе композиции у известных профессоров А.К. Лядова и И.И. Витоля. Фортепианное мастерство Оре совершенствовал под руководством австрийского пианиста-виртуоза Готфрида Гальстона. В 1915 году во время Первой мировой войны Оре уехал в Харбин, а в 1921 году переселился в Гонконг, и прожил в Китае до конца жизни. Он активно гастролировал как пианист по городам Китая, а также в Филиппинах, Малайзии, Вьетнаме, Сингапуре. Занимаясь педагогикой, воспитал целый ряд талантливых пианистов и композиторов, синтезирующих западную технику с локальным китайским музыкальным мышлением, заложив технический фундамент синтеза линнаньской фортепианной музыки [3, с. 121]. Итогом композиторской деятельности Оре стали замечательные произведения, прочно связанные с китайской культурой. Но в Китае созданы и произведения, сохраняющие прочную связь е европейской традицией – концерт для виолончели, струнное трио, струнный квартет и другие произведения, в числе которых две рапсодии для фортепиано.

Первая рапсодия создавалась в Гонконге в 1921 году – в год 110-летия со дня рождения великого композитора Ференца Листа. Глубокое почтение его памяти Г.Я. Оре выразил созданием Первой рапсодии. Этот жанр был избран не случайно: исполнителями и слушателями горячо любимы Венгерские рапсодии Ф.Листа. Использование стиля народных мелодий, свободная контрастно-составная форма – эти особенности рапсодий Листа, оказавшиеся близкими Оре, получили отражение в его произведении.

Вступление, содержащее стремительные восходящие пассажи, сразу же вызывает ассоциации со стилем Листа (рис. 1).

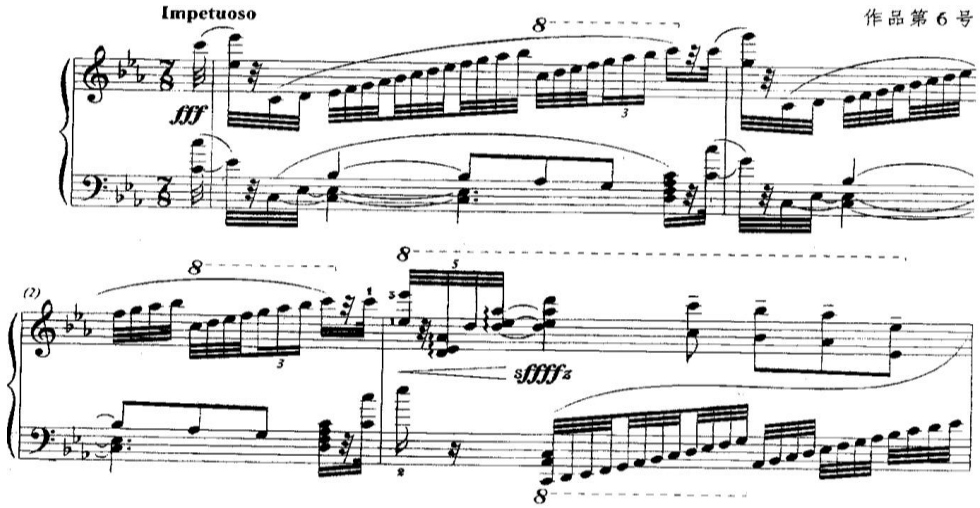


Рис. 1. Вступление

При этом движение по звукам натурального *c moll* и ключевой размер 7\8 устанавливает связь с латвийским фольклором, для которого эти признаки характерны.

Первая тема рапсодии (*Largo*) также близка фольклору, поскольку не только сохраняет натуральный *c moll*, но и гармонизована свободным (модальным) чередованием аккордов, изложенных арпеджио (подобным звучанию арфы) в размере 7\4 (рис. 2).

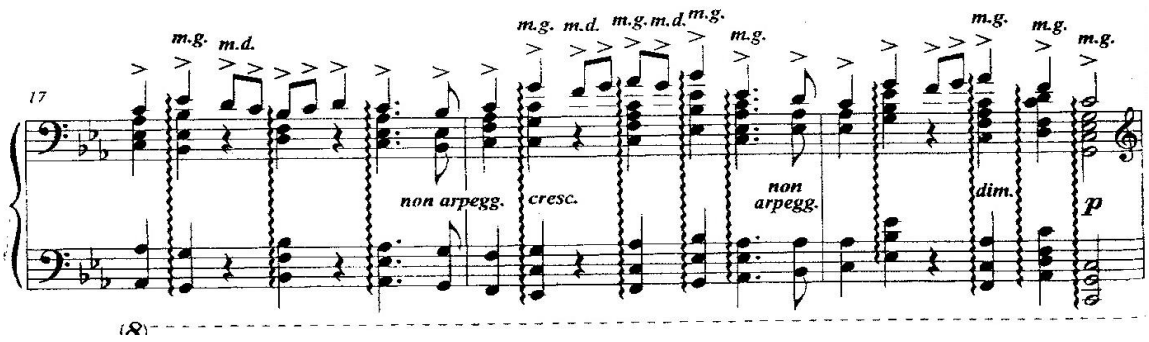


Рис. 2. Тема первого раздела рапсодии

При втором проведении данной темы она звучит на октаву выше, ее сопровождением становится тихое (*pianissimo*) движение по звукоряду *staccato*, подобное осторожным, крадущимся шагам. В следующих двух проведениях

варьирование темы продолжается – она достигает мощного звучания аккордового *fortissimo,* но звучность быстро гаснет, замирая на тоническом трезвучии. При этом тремоло в низком регистре на тоне «*c*» создает ощущение настороженного ожидания.

После «генеральной паузы» начинается вторая часть рапсодии (Allegretto scherzando). В *f moll* звучит танцевальная тема, диатоника которой находится в странном противоречии с хроматическим, стремительно несущимся триольным сопровождением (рис. 3).

Рис. 3. Тема второго раздела рапсодии

Этот раздел изложен в простой трехчастной форме. Но в репризе приведенная выше тема динамизируется, возникает цепочка отклонений в другие тональности, а затем через энгармонизм доминантсептаккорда происходит модуляция из *f moll* в *E dur*. Эта новая далекая тональность сразу же пытается утвердиться: звучат две полные несовершенные каденции, движение направляется к третьей каденции, кульминация достигается на кадансе, по широкому расположению (вертикали) занимающем четыре октавы. Но утверждения *E dur* не происходит: неожиданно в разных голосах фактуры возникают краткие мотивы в пунктирном ритме, напоминающие переклички возгласов труб. Атмосферу напряженности усиливает длительное тремоло в глубоких басах на тоне «*h*». Этот раздел, создающий образ отдаленной угрозы, приводит к вытеснению тональности *E dur* и утверждению исходного *f moll,* в котором появляется новая краткая тема, сопровождаемая стремительными пассажами. Но динамика быстро гаснет и вновь начинается гармоническая

подготовка *E dur*, что не случайно: именно в этой тональности после паузы начинается третий раздел рапсодии. Его открывает лирическая тема (*Andantino. Berceuse*), звучащая на мерно колышущемся фоне (рис. 4).

Рис. 4. Тема третьего раздела рапсодии

Эта первая, основная тема данного раздела повторяется в аккордовом изложении, напоминая хоровую песню. Далее в высоком регистре *pianissimo,* сопровождаемая быстрым и легким движением шестнадцатых звуков, вступает вторая тема данного раздела, занимающая всего 4 такта. Она сразу же повторяется, но в контрапункте с ней звучит начальный четырехтакт первой темы. Вступающая далее третья тема звучит на фоне звонкого *staccato* пассажей в высоком регистре, напоминающих звучание колокольчиков. И само звучание, и авторская ремарка *«quasi campanelli»* вызывают ясную ассоциацию с всемирно известной «Кампанеллой» Ф. Листа.

Четвертая тема данного раздела вносит ладовый контраст: звучит *legato* в минорной тональности *cis moll*, в которой затем возвращается контрапункт первой и второй тем. Но вновь утверждает *E dur* вернувшаяся тема с «колокольчиком» – его светлым и тихим перезвоном заканчивается третий раздел рапсодии.

После паузы мощным *fortissimo* неожиданно врывается тема вступления, устанавливая *c moll* (рис. 1). Завершающие такты вступления представляют собой «листовскую» каденцию – виртуозную, импровизационно-свободную,

вне тактового размера обыгрывающую звуки доминанты *c moll*. Но после длительной остановки на пятой (доминантовой) ступени, финальный четвертый раздел рапсодии неожиданно вступает в одноименной тональности *C dur*, создавая яркий ладовый контраст (рис. 5).

Рис. 5. Основная тема четвертого раздела рапсодии

Данная тема (рис. 5) становится рефреном четвертого раздела рапсодии, написанного в рондообразной форме. Рефрен, вариационно изменяясь, дважды звучит в контрапункте со второй темой, чередуется с другими темами, которые также активно варьируются. Стремительный поток мелодического развития приводит к изложению темы рефрена в виде победного, блестящего гимна (отмеченного авторской ремаркой «*brilliante*»). Развитие завершается лучезарной, мощной кодой, утверждающей тональность *C dur*.

Подобное ликующее мажорное завершение произведения, начавшегося в одноименном миноре, вызывает ассоциацию с творчеством Л. Бетховена, утвердившего подобное строение. Но данная логика характерна и для рапсодий Листа: его Вторая венгерская рапсодия, начавшаяся в *cis moll*, завершается в *Fis dur*, Восьмая *fis moll*'ная рапсодия завершается в *Fis dur*, Пятнадцатая *a moll*'ная – завершается в *A dur*. Произведение Г. Оре с рапсодиями Листа роднит также жанр и контрастно-составная форма: в рапсодии Оре четыре основных раздела ясно разграничены не только длительными паузами, но и введением нового тематизма, тональности, ключевого размера. При этом третий раздел вызывает наиболее непосредственные ассоциации с творчеством

Листа, поскольку здесь звучит типовая импровизационная каденция и возникает связь с «Кампанеллой».

С творчеством Листа рапсодию Оре объединяет виртуозность и высокая техническая сложность: здесь используются все виды техники – октавная и аккордовая, стремительные пассажи и широкие арпеджио, охватывающие все регистры фортепиано, применяется прием переброски рук и многое другое. Как и у Листа, все данные сложнейшие приемы фортепианной техники не являются самоцелью, а служат средством создания ярких и оригинальных образов, которыми наполнена рапсодия, являющаяся достойной памятью великому Ференцу Листу от талантливого композитора и пианиста Г. Оре.

Список литературы

1. 戴定澄. 夏里柯及其澳门关联钢琴作品 广州：星海音乐学报 2017.02. 85-97页. Дай Динчэн. Ся Ликэ и его фортепианные произведения // Вестник консерватории им. Синьхай. – 2017.– № 2. – С. 85-97.

2. 梁茂春. 致敬与感恩 评“广东风格钢琴曲 一人”夏里柯的钢琴作品

3. （下）北京：钢琴艺 2020.01. 13-19页. Лян Маочун. Дань уважения и«родоначальнику кантонского фортепианного стиля»: обзор фортепианных произведений Ся Ликэ // Фортепианное искусство.– 2020. – № 1. – С. 13-19.

4. Лян Цзээнь. Синтез линнаньской музыки и европейского фортепианного искусства в XX веке // Новая наука в новом мире. Сборник статей XI Международной научно-практической конференции 10 апреля 2025 г. – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2025. – С.119-123.

© Лян Цзээнь, 2025

СЕКЦИЯ
АРХИТЕКТУРА

ОТ СТАРИННЫХ ДО СОВРЕМЕННЫХ: ИСТОРИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ СТАНЦИЙ ГОРОДОВ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Карасова Ирина Юрьевна
доцент кафедры «Архитектура и градостроительство»
Олифиренко Виктория Викторовна
студент 1 курса магистратуры
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет»

Аннотация: В статье проанализирована история действующих и упраздненных железнодорожных станций и вокзалов Тамбовской области и уделено внимание реконструкциям и текущему состоянию зданий. Исследование фокусируется на крупных станциях с целью осмысления опыта проектирования, строительства и эксплуатации для будущей модернизации и сохранения наследия.

Ключевые слова: железная дорога, вокзал, станция, архитектура, утраты, реконструкция, история.

FROM VINTAGE TO MODERN: THE HISTORY OF RAILWAY STATIONS IN THE CITIES OF THE TAMBOV REGION

Karasova Irina Yurievna
Olifirenko Victoria Viktorovna

Abstract: The article analyzes the history of existing and abolished railway stations and stations in the Tambov region and pays attention to the reconstruction and current condition of buildings. The research focuses on large stations in order to understand the experience of design, construction and operation for future modernization and heritage preservation.

Key words: railway, railway station, station, architecture, loss, reconstruction, history.

Железные дороги имеют большое значение в социальной и экономической жизни страны. Огромные расстояния и бурный рост промышленности делали Россию очень зависимой от развитой транспортной сети, поэтому со второй половины XIX века в стране началось активное строительство железнодорожных путей [1]. Строительство железных дорог повлекло за собой появление железнодорожных станций и вокзалов. Вокзалы и станции — это не только функциональные сооружения, но и важные архитектурные памятники, отражающие исторические, культурные и технологические изменения.

В Тамбовской области 20 городских населённых пунктов, среди которых 8 городов, а также 12 посёлков городского типа. Большинство станций Тамбовской области были построены во второй половине XIX века, и многие из них сохранили свой исторический облик. Однако некоторые полностью утратили первоначальную красоту и изящество, а какие-то вовсе были переоборудованы под другие функции.

На схеме (рис.1) [2] отмечены крупные станции Тамбовской области: Тамбов-1, Кирсанов, Никифоровка, Моршанск, Богоявленск, Мичуринск-Уральский, Мичуринск-Воронежский, Никольское, Жердевка.

Рис. 1. Схема движения пригородных поездов регионального перевозчика АО «Пригородная пассажирская компания «Черноземье»

Станция Тамбов-1

В 1859 г. Павел фон Дервиз получил концессию на строительство железной дороги Москва-Саратов, но из-за нехватки капитала линия была доведена только до Рязани. В 1865 г. ему выдали разрешение на строительство дороги Рязань-Козлов, которую открыли в 1866 г. Участок Козлов-Тамбов был открыт в конце 1868 г. [3].

Каменное одноэтажное здание пассажирского вокзала Тамбов-1 было построено в 1870 году и выходило фасадом на Привокзальную площадь, по которой пассажиры и гости Тамбова попадали в центр города. Здание внешне напоминало крепость, но в ходе реконструкции и модернизации приобрело более современный облик. В «Альбоме чертежей сооружений Российских железных дорог» [4] сохранился чертеж первоначального вида здания (рис. 2).

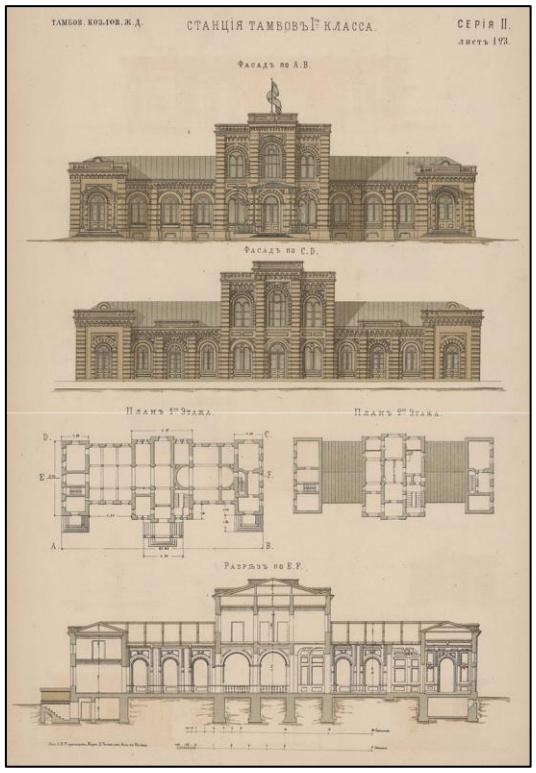


Рис. 2. Чертеж вокзала из Альбома чертежей сооружений Российских железных дорог 1872 года

Облик многих ярких построек города Тамбова сохранился на открытках того времени, так на рисунке 3 представлена открытка 1890-1917 гг. с изображением вокзала со стороны платформы. Главный фасад вокзала того периода представлен на рисунке 4.

Рис. 3. Выход на платформу вокзала. Открытка 1895-1918 гг.

Рис. 4. Главный фасад вокзала. Открытка 1895-1918 гг.

В 1969 году была проведена реконструкция вокзала. В ходе реконструкции были утрачены навесы с фонарями, а также балкон над центральной частью. Аттик над выступающей частью фасада с главным входом был преобразован в небольшую башню с часами. В здании достроили второй этаж (рис. 5). Было изменено расположение комнат и залов ожидания внутри здания, над путями появился крытый навес и подземный переход.

Следующая реконструкция вокзала г. Тамбов была проведена в 2017 году. В здании были заменены оконные блоки, кровля, в инженерные системы (водопровод, отопление, канализация), восстановлена гидроизоляция фундамента. Были проведены внутренние отделочные работы на 1 и 2 этажах, отремонтирован фасад. В декабре 2019 года реконструкция завершена (рис. 6).

Несмотря на столь серьезные изменения, железнодорожный вокзал сохранил большинство элементов прежней архитектуры и на сегодняшний день входит в реестр Объектов культурного наследия России.

Рис. 5. Здание железнодорожного вокзала после реконструкции 1969 года

Рис. 6. Главный фасад после реконструкции 2017-2019 гг.

Станция Мичуринск-Уральский

С открытием движения на ветке Рязань — Козлов в 1866 году был построен небольшой деревянный вокзал (рис. 7) [4]. Однако с увеличением движения по этой линии возникла необходимость в строительстве нового вокзального здания.

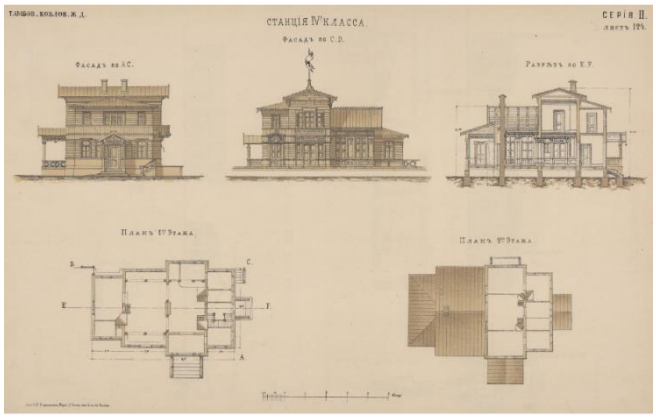


Рис. 7. Чертеж из Альбома чертежей сооружений Российских железных дорог 1872 г.

В 1872 году в Козлове был построен новый двухэтажный каменный вокзал «Козлов-1». К 1890-м годам Козлов стал крупной узловой станцией, связывающей множество губерний [5]. В начале XX века здание включало в себя ресторан, книжную лавку, почтовое и телеграфное отделения, а также витрины для продажи необходимых в дороге предметов, которые располагались в зале 1 и 2 классов [6]. Главный фасад вокзала в начале XX века представлен на рисунке 8, на рисунке 9 представлен фасад со стороны дорожных путей.

Рис. 8. Главный фасад вокзала в начале XX века гг.

Рис. 9. Фасад вокзала со стороны железнодорожных путей

После революции вокзал остался прежним. На протяжении более 100 лет менялась лишь краска на фасаде и терялись элементы декора во времена ремонтов, однако в целом образ остался тем же, что и был изначально.

В 2017 году прошли работы по ремонту здания вокзала. Был перекрашен фасад, фонтан на площади отремонтирован и украшен гранитным яблоком. Прилегающая территория благоустроена: уложена плитка, установлены скамейки, фонари, урны, организованы парковки. Возле вокзала установлен памятник И. Мичурину. Новая привокзальная площадь наиболее завораживающе теперь выглядят в ночное время (рис. 11).

Рис. 10. Современное состояние главного фасада вокзала

Рис. 11. Привокзальная площадь в ночное время. Современное состояние

Станция Мичуринск-Воронежский

В Мичуринске существует и транзитный железнодорожный вокзал Мичуринск-Воронежский, открытый в 1886 году. На его территории располагались производственные и социальные объекты. Состояние здания в советское время представлено на рисунке 12 [8].

Рис. 12. Здание вокзала в 1979 г.

Позже здание украсили шатрами, увенчанными фигурами орлов (рис. 13). Еще позже крыша была полностью заменена. В 2009 году вокзал был реконструирован. Фасад упростили, заменили крышу, полностью был утрачен мелкий декор, в результате чего он потерял свою самобытность (рис. 14).

Рис. 13. Здание вокзала в 2003 году

Рис. 14. Здание вокзала после реконструкции 2009 г.

Станция Моршанск-1

В 1872 году начались строительные работы по строительству железной дороги от Моршанска до Сызрани, которые завершились в октябре 1874 года. Здание вокзала было построено в 1867 году и в первые годы существования было деревянным (рис. 14, 15). Вокзал имел интересную форму с множеством архитектурных деталей, одной из самых выделяющихся был купол [8].

Рис. 15. Здание вокзала 1877-1900 гг.

Рис. 16. Здание вокзала со стороны платформы 1920-1940 гг.

Позже вокзал был перестроен в больничный комплекс. Реконструкция здания началась в 2001 году, и через четыре года больница была открыта после реконструкции (рис. 17).

Рис. 17. Здание железнодорожной больницы (бывшего вокзала)

В 1957 году в Моршанске построен кирпичный вокзал. Его состояние в 2013 году показано на рис. 18. В 2015 году началась реконструкция, в ходе которой новый вокзал гармонично соединил современный интерьер и технологии со стилем сталинского ампира. Работа вокзала не прерывалась, кассы временно перемещались. Залы ожидания отделаны глянцевой плиткой, установлены светодиодное освещение, обновлены фасад, входные группы и окна. Для маломобильных граждан оборудован пандус к платформам. В 2017 году в Моршанске открыли обновлённое здание железнодорожного вокзала (рис. 19) [8].

Рис. 18. Здание вокзала в 2013 г.

Рис. 19. Здание нового вокзала в 2017 г.

Станция Кирсанов

Железнодорожная станция в городе Кирсанов Тамбовской области открылась в 1870 году в рамках строительства Тамбово-Саратовской железной дороги. Открытие железнодорожного движения имело огромное значение для развития экономики города [9].

Здание вокзала было построено в 1871 году и сохранилось до наших дней, обретя статус памятника архитектуры (рис. 20) [4].

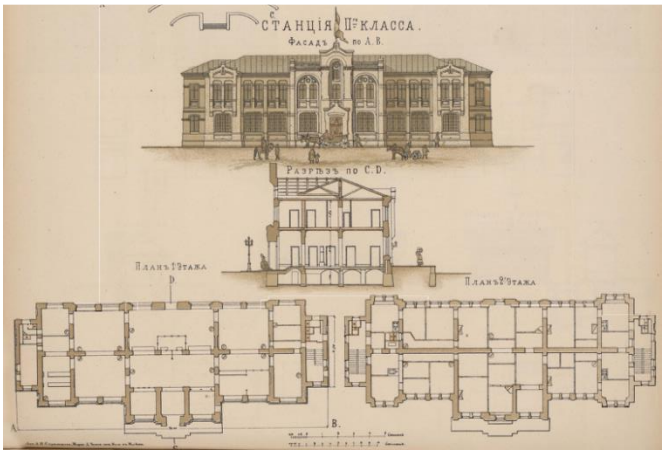


Рис. 20. Чертеж станции Альбома чертежей сооружений Российских железных дорог 1872 г.

Здание вокзала двухэтажное. Двухэтажный вокзал, изначально с залами ожидания, буфетом, багажной, почтой, телеграфом и служебными помещениями на первом этаже, а квартирами руководства – на втором, претерпел ряд изменений. В 1910-1913 гг. здание расширили на запад. В 1970-х гг. его окрасили, изменив оконные проемы на двери и наоборот. В 1990-х фасады оштукатурили, что привело к утрате мелкого декора и рельефности. После 2002 г. все деревянные окна были заменены на пластиковые без сохранения исторической расстекловки (рис. 22).

Рис. 21. Здание вокзала со стороны платформы. Открытка 1910-1917 гг.

Рис. 22. Состояние вокзала в начале XXI века

В 2011 году начата реставрация вокзала ст. Кирсанов. Проведены работы по усилению конструкций, восстановлению гидроизоляции, замене кровли, окон, инженерных сетей и оборудования. Отремонтированы фасад и внутренние помещения. Реконструированы платформы, смонтированы очистные сооружения и благоустроена территория. В 2018 году состоялось торжественное открытие здания после реставрации (рис. 23). Несмотря на большое количество внесенных изменений, здание вокзала практически не отличается от своего первоначального варианта.

Рис. 23. Современное состояние вокзала

Станция Жердевка

Изначально станция называлась «Бурнак» и была построена в 1869 году (рис. 24) в составе линии Грязи — Борисоглебск, которая затем была продлена до Царицына. В 1904 году была переименована по названию ближайшей деревни в Жердевку (рис. 25), в ходе кампании по исключению совпадающих и созвучных названий на сети железных дорог [13].

Рис. 24. Станция «Бурнак» 1869 г.

Рис. 25. Станция Жердевка со стороны платформы

В 90-х годах прошлого века старое здание вокзала на станции Жердевка было снесено, а в качестве нового стало использоваться здание железнодорожной столовой (рис. 26). В декабре 2013 года на станции в ходе реконструкции было отреставрировано старое здание амбулатории, которое теперь является вокзалом (рис. 27). Строители полностью сохранили внешний вид здания, внутри которого теперь располагается современная билетная касса, уютный зал ожидания, необходимые удобства для пассажиров и даже фельдшерско-акушерский пункт.

Рис. 26. Приспособленное под станцию здание столовой

Рис. 27. Новое здание станции, современное состояние

Реконструкция продлевает жизнь историческим памятникам, сохраняя целые эпохи. Современные подходы позволяют интегрировать новые элементы, не устаревая. Некоторые станции сохраняют первоначальные детали, другие меняют функции, оставаясь полезными. Железнодорожные станции, как отражение города, уникальны своей архитектурой и историей.

Список литературы

1. Чжан Гуансян Транспорт и экономическое развитие России в XIX – начале XX века // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 4. С. 645-696.

2. АО «Пригородная пассажирская компания «Черноземье» (ППК). URL: https://chuh-chuh.ru/suburban_directions/voronezhskaja_oblast/?ysclid=m65kxj5xmf858777276 (Дата обращения: 14.01.2025).

3. История Тамбовского вокзала. URL: https://xn--80aabjhkiabkj9b0amel2g.xn--p1ai/post/istoriya-tambovskogo-vokzala-543?ysclid=m65l0ei7u399757460kxj5xmf858777276.

4. Волгунов И.И. Альбом чертежей сооружений Российских железных дорог. 2-е изд. г. Москва: 1872. – 235 с.

5. Здание вокзала Мичуринск-Уральский. Рязанско-Козловской железной дороги, Здание РУЖД (с 1892). URL: https://travel2mich.ru/zdanie-vokzala-michurinsk-uralskij/ (Дата обращения: 10.01.2025).

6. Два вокзала и огромная железнодорожная сеть вокруг Мичуринска. URL: https://xn--80aabjhkiabkj9b0amel2g.xn--p1ai/post/dva-vokzala-i-ogromnaya-jeleznodorojnaya-set-vokrug-michurinska-1018 (Дата обращения: 10.01.2025).

7. Вокзал Мичуринск-Воронежский. URL: https://www.rzd.ru/ru/11705/page/2012302?id=221&ysclid=m65lh383s1632917150 (Дата обращения: 12.01.2025).

8. Корнилова О., Дударева С, Шувакин И. Станция "Мошанск" // Моршанск. Городской сайт URL: http://morshansk.ru/content/view/175/ (Дата обращения: 14.01.2025).

9. Демин О.Б. Здание железнодорожного вокзала, г. Кирсанов . URL: https://tambweb.ru/%D0%9A%D0%A0%D0%95%CC%81%D0%9F%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC_%D0%A2%D0%90%D0%9C%D0%91%D0%9E%CC%81 (Дата обращения: 12.01.2025).

10. Черепянская О.Л. Прогулка по родному городу // Страницы истории Жердевского края. – 2016.

© Карасова И.Ю., Олифиренко В.В.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ НОВОЙ НАУКИ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Сборник статей
VIII Международной научно-практической конференции,
состоявшейся 25 декабря 2025 г. в г. Петрозаводске.
Ответственные редакторы:
Ивановская И.И., Кузьмина Л.А.
Подписано в печать 29.12.2025.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 12.15.
МЦНП «НОВАЯ НАУКА»
185002, г. Петрозаводск,
ул. С. Ковалевской, д.16Б, помещ. 35
office@sciencen.org
www.sciencen.org

16+

НОВАЯ НАУКА
Международный центр
научного партнерства

NEW SCIENCE
International Center
for Scientific Partnership

МЦНП «НОВАЯ НАУКА» - член Международной ассоциации издателей научной литературы
«Publishers International Linking Association»

ПРИГЛАШАЕМ К ПУБЛИКАЦИИ

1. **в сборниках статей Международных и Всероссийских научно-практических конференций**
   https://www.sciencen.org/konferencii/grafik-konferencij/

2. **в сборниках статей Международных и Всероссийских научно-исследовательских, профессионально-исследовательских конкурсов**
   https://www.sciencen.org/novaja-nauka-konkursy/grafik-konkursov/

3. **в составе коллективных монографий**
   https://www.sciencen.org/novaja-nauka-monografii/grafik-monografij/

https://sciencen.org/